

A dark, atmospheric photograph of a person standing on a mountain peak. The person is silhouetted against a dark sky filled with bright, jagged lightning bolts. The overall mood is dramatic and intense.

ALEX SHKOM

ТУМАН ГОР
КАЙАНА

Осенью 2020-го один безызвестный фонд собрал группу исследователей для изучения новооткрытой пещеры в горах западной Аляски. По прибытии выяснилось, что местные края окутал странного рода туман, а среди жителей расплодились странные слухи о невероятного рода созданиях, заполонивших когда-то заброшенные территории. Списав всё на бредни, учёные решили немедленно отправиться к своей цели напрямиком через туманный лес... Последующие события изменили выживших из них навсегда.

Глава 1. Город на триста человек

Не совру, если скажу, что всё это началось с шума лопастей небольшого и старенького самолёта. О, да — именно с него, предрекающего рассечение дневных небес на сотни тысяч лоскутов. Не с внезапного контракта без точных указаний, но с внушительной суммой, не с полной кружки кофе и бессонной ночи бесполезной подготовки, нет — именно с того самого шума. Кажется, я начал осознать то, что мне предстояло, только тогда. Хотя... Может и позже.

Как и всех остальных, меня обязали купить авиабилет до Кордовы, что на самом юге Аляски, а оттуда уже служебным самолётом решили доставить в точку интереса — посёлок Кайана в Нортвэст-Арктик. Сказать по правде, когда я проверял на картах, он значился городом, но... триста с небольшим человек, полно вам — это посёлок. Одно было хорошо в тех бесконечных перелётах и таскании багажа от «птички» к «птичке» и от машины к машине — в Кайана было целых тридцать два градуса по Фаренгейту — уж очень не хотелось бы видеть снег в сентябре.

Уже спустя пять минут полёта ко мне сквозь сонливость пришло отчётливое осознание того, как же бесила трескающая лампа над дверью в кабину пилота. Хотя она всё ещё была и единственным, что вносило хоть немного красок в престарелую машину — бледно-красный фюзеляж снаружи с тонкой белой линией вдоль оказался полностью серым внутри: серые стены, серые балки, серые, даже тёмно-зелёные сиденья и рамы у иллюминаторов — всё буквально пахло холодным, покрытым пылью металлом, в который давным-давно въелось машинное масло и на котором мне с командой и предложили расположиться.

Всего пассажиров было пятеро. Трое на одном ряду — я, Сэм да какой-то спящий геолог, а на втором — выскочки. Вернее, как мне следовало называть их по этикету рабочий-подчинённый, «мистеры выскочки».

— Эй, чернявый! — щёлкнул один из них пальцами в отсеке. — Эй! К тебе обращаюсь!

Тот высокий, местами скрипящий голос принадлежал некому Энтони Смиту — учёному-спелеологу, одному из двух «исследователей пещер» нашей небольшой команды. О нём, учитывая продолжительность знакомства, я мог сказать две вещи: первая — характер у него был ещё более паршивый, чем голос, и вторая — он, как мне показалось, являлся лишь протеже другого, более старого и весьма полноватого деятеля науки — Дж... Мистера Джорджа Форварда.

— Я всё понять не могу: на кой ляд тебя вообще с нами взяли?

На кой ляд? Ну да, действительно — то-то дело он: белобрысый загорелый мужик с детскими чертами непомерно худощавого лица и причёской то ли хипстера, то ли хиппи — с ним-то точно всё было ясно... Чёрт, как вообще человек, копающийся в пещерах Канады и Аляски, мог получить загар?!

— Затем же, зачем и его, — ткнул я в плечо человека, сидящего по левую руку от меня.

— Ну, а его то зачем?!

— Младший обслуживающий персонал, Тони, — ответил мистер Форвард и продолжил смотреть свои очень важные отчёты.

— О, да... Знаешь, Джордж, младший персонал обязательно принесёт очень много пользы в горах Аляски... Нет — даже так: в пещерах у гор Аляски, в расселинах, когда речь пойдёт об исследованиях. Могли бы эти деньги и мне оставить.

Мне не в первой было слышать подобные речи. С тех пор, как случайное совпадение свело туповатого меня — человека, увлекающегося экстремальным туризмом, с учёными, я уже наслушался такого вдоволь. Как бы не хотелось не кормить стереотипы, но многие из них действительно оказались довольно высокомерными по отношению к другим, более «простым» людям, и всё это всегда приходилось терпеть ровно до той поры, пока не нужно было спускаться или взбираться по отвесным скалам, прокладывая маршрут, расширять некоторые тоннели для прохода оборудования, размещать тросы над водными или вполне воздушными пропастями — вот тогда их язык и засовывался ровно туда, где должен был быть. Так что я молчал — к чему кричать тому, кто смеется последним? Особенно, если его могут лишить за это премии? Однако Сэм не был того же мнения.

— Я посмотрю, как ты заговоришь, когда в своих драгоценных горно-пещерных, блин, сетях без света окажешься.

— Уймите своего напарника, мистер Фогг, — перевернув очередную страницу, потребовал главный.

— Прошу прощения, мистер Форвард, но и вашему коллеге стоило бы проявить немного уважения.

— Дохрена много уважения!

Что ж, в одном, как старший по бизнесу, я никогда не мог и не смогу превзойти Сэма — он всегда говорил всё то, что я не мог или боялся сказать. Чёртова горячая голова. Выкарабкавшись из алкогольной зависимости, покинув свой родной чёрный квартал западного США, он проехал полмира и прожил весь третий десяток лет как образцовый человек, чтобы совсем не измениться характером и остаться всё тем же дерзким и, в просторечии слов, быковатым парнишкой.

— Во-первых, проявлением агрессии этого точно не добиться, а во-вторых, достаточно было сказать моему коллеге, что сеть пещер, куда мы направляемся, никак не оборудована, чтобы он тут же переменял своё мнение.

На лице протеже тут же всплыло весьма радующее меня удивление, переросшее в смущение к самому себе. О, теперь угадать, кто из всех, находящихся в самолёте, даже не читал брифинг, было куда проще, чем элементарно, так что я просто молчал и улыбался, ожидая следующей реплики.

— Скажу это за помощника мистера Фогга, — прервал тишину Форвард, — тебе, Тони, стоило бы почитать брифинг.

— Не начинай — сам же знаешь, что...

— Ты сэкономил бы этим куда больше времени и нервов, чем пытаешься сейчас придумать какой-нибудь остроумный ответ. Тем более, что брифинг этот до неприличия короток, — он вытащил из своей кучи документов два листа ровно и вручил «мистеру Смиуту».

— Да ла-а-адно?

Тот взял бумагу двумя пальцами за краешек и, посмотрев на текст, как на нечто

инопланетное, застыл. Хотел бы я сказать, что момент моей победы настал весьма скоропостижно, но то ли Энтони был туп, как человек, то ли просто не любил проигрывать — за весь перелёт он так и не удосужился извиниться.

— Они что, не могли?.. — продолжил он. — Я думал... не знаю... Использовать местных? Прислать кого-нибудь ещё? Они вообще понимали, насколько это должно затянуться, если мы, по плану, должны приехать и начать оборудовать всё с нуля?

Ага. «Мы».

— Местные не первый месяц жаловались мэру на пропадающих в горах путников и, цитирую: «странные вещи в лесах», — но он додумался отправить отряд военных из городской базы совсем недавно. Как раз после того, как и они не вернулись, послали нас... Хорошее время, чтобы слетать в Аляску, — тот поправил очки на своей седой, почти лысой голове. — в Америке как раз творится та ещё чертовщина.

— О, да, — тут же улыбнулся Сэм, кивнув головой. — Вирус, митинги — я бы, блин, вообще дома сидел, будь я в своём родном Эл-Эй, да кофе попивал.

— Тебе то что, младший обслуживающий персонал? Там вообще-то за твою «свободу» памятники сносят и магазины разворовывают — ты бы наверняка не отказался от возможности присоединиться, а не «кофе попивал».

Отсюда стоит упомянуть о пятом пассажире того летающего корыта. Коротко стриженный... Нет — очень коротко стриженный лопухий парнишка в очках и со светлой короткой щетиной на длиннющей нижней челюсти мирно спал по правую руку от меня, заняв собою весь оставшийся ряд. Но то ли его так задевала проблема нынешней политики США, то ли его точно так же, как и меня, совсем задолбал «мистер Смит», но он, открыв глаза, начал медленно-медленно подниматься в сидячее положение, успевая при этом так быстро выдавать свою тираду, что даже я не остался безразличным:

— Если тебе, блядь, так хочется обсудить проблемы чёрных — обсуждай их со своим напарником, треклятый ты провокатор, — каждая мускула его весьма спортивного тела, казалось, напряглась.

— А вот это расизм, — тут же улыбнулся тот. — Там не только проблемы чё...

— Это констатация фактов, грёбаная мокрощелка, — уверен, если бы в тот момент было, куда плюнуть, этот парень точно выдал бы смачный тегаский плевок. — По-твоему, Джордж долбанный Форвард перестанет быть чёрным, не называй я его чёрным? Или я окрашусь в цвет морской волны, если меня в четыреждыблядском гетто «великого» Лос-Анжелеса перестанут называть «белоснежкой»?! Тот, кто хочет оскорбиться, найдёт причину, даже если ты ему в этот момент отсасывать будешь!.. Чёрт, да если так, как ты, думать, то ты сам ебучий расист — почему-то решил доебаться до паренька насчёт тех пизданутых митингов по стране, хотя он, как неожиданно, не флагом машет на дороге, а напротив тебя в самолёте сидит. «Там не только проблемы чёрных» — ясен хрен, там не только проблемы чёрных! Вечная «истинная» оскорбленность текущего поколения за действия дедов и прадедов, на деле являющаяся чёртовым лицемерием, — это, дери его, проблема всего ёбаного мира. Никто же на фоне этих событий не объявляет бойкот Германии за события Второй Мировой? И почему же это?! Верно — потому что у них качественный товар, развитая экономика и лояльное отношение к мигрантам — всем глубоко поебать на то, какими нацистами и ублюдками были деды и бабки современных немцев! Но как только у обычного ленивого уёбка в США появляется возможность подать на кого-то в суд и увидеть сумму, в несколько раз превышающую его годовую зарплату — так

он, сука, сразу же становится оскорбленным на весь мир и вспоминает прецеденты пятидесятилетней, столетней, мать мою, давности. Фейсбук, твиттер, прочие помойки, полные «осмелевших» и угнетённых... Такое ощущение, что все настолько охуенно живут на свои две тысячи баксов в месяц, что их совершенно не интересует ни коррупция, ни монопольные сговоры, ни тотальная слежка и фальсификации на всех этапах их жизни — нет, блядь, всем интересен только их сверх-пиздец-важный уровень меланина и вторичные половые признаки, давным-давно незаметные из-за их переросших туш!.. Так что да. Да, в каком-то смысле, — агрессивно кивнул тот, — там точно не только проблемы чёрных, белобрысый.

В самолёте наступила такая тишина, какой не было даже на похоронах моего шурина. Поклялся бы на те самые две тысячи баксов, что летели мы так не меньше часа, но на деле прошло максимум пять минут. Раскрасневшийся парнишка протёр свои очки, искажающие изображение даже чересчур сильно, и безэмоционально уставился в иллюминатор — потрясающая, как по мне, перемена настроения и не менее впечатляющий самоконтроль... Или его отсутствие? Впрочем, меня волновало только одно — сколько раз не перебирал его слова в уме, я не смог обнаружить ни одного повторяющегося мата — вот то было действительно потрясающе.

— Может скажешь нам, кто ты, блин, вообще такой? — осмелел наконец мой напарник. — Я имею в виду: респект, вся херня — это да, но...

— Геолог, — ответил тот голосом, более похожим на голос двадцатипятилетнего парнишки. — Рон.

— Или же Рональд Лео Уэйн, — добавил мистер Форвард. — Молодой человек, уже отличившийся несколькими научными работами о залежах серебряной руды на крайнем севере Канады и прецедентом с дракой на пресс-конференции в Квебеке.

— Подумаешь, — отмахнулся тот, — пара ссадин да и всё. Зато какой блеск для репутации — я ведь оказался прав!

— И какое было бы пятно, если бы ошибся.

Что могу сказать: судьба неплохо подобрала нам с Сэмом коллектив в том заказе — все знали всех, но никто не был настроен работать сообща. У меня было очевидно плохое предчувствие, притупляющееся лишь позитивом, что работёнка должна была быть ещё та.

— Скажи, Джордж, — не сводя взгляда с Рона, поинтересовался «мистер Смит», — давно ты знаешь нашего Поттера на стероидах?

— С две тысячи шестнадцатого, — коротко, но точно ответил тот.

— И?

— Почему бы тебе, коль так бьет любопытство, не спросить об этом самого, кхм... «Поттера на стероидах»?

— Плохо понимаю техасский акцент, — легко, но весьма отвратительно ухмыльнулся выскочка. — Он больше подходит для общения с коровами.

— Зря грубишь, немец, — поправил тот очки. — Я вполне коммуникабельный человек и готов подстраиваться под собеседника, если собеседник того стоит. Не можешь слушать — читай по губам, — он придвинулся к краю ряда, наклонил корпус вперёд и указал на собственный рот. — Пошёл нахуй.

— Господа, я предлагаю вам закончить этот балаган и начать привыкать друг к другу. Ссоры на почве недосыпа и политических взглядов — не самое лучшее начало.

— Да ладно тебе — какие ссоры могут быть с человеком из штата, где даже олени

настолько тупые, но живучие, что прыгают под машины несколько раз за жизнь?

— Травмоопасные ссоры, выbledок.

— Ха... Другого от фермера я и не ожидал.

— Мистер Смит, мистер Рональд, — не выдержал я и заговорил своим сонно-хрипящим голосом, — ради вашего же блага и грядущего плодотворного сотрудничества: найдите оба что-нибудь интересное снаружи иллюминатора и займите этим ваше внимание до конца перелёта, а если так хочется выяснить отношения — сделайте это снаружи, чёрт побери!

На том и повисла новая тишина, перебиваемая смешками Сэма. Тот, похоже, как и я, представлял двух агрессивно настроенных мужиков, выходящих из самолёта на полной скорости... Замечу лишь одно: выдавить из себя чёртово «мистер Смит» оказалось куда сложнее, чем предполагалось изначально.

Когда я узнал, что в Кайана был аэропорт, это тут же принесло мне ощущение некой... цивилизованности местности. Согласитесь — трудно поверить в то, что летишь в деревушку, если в той есть аэропорт, верно? Небольшая военная база, располагающаяся в посёлке, и вовсе приносила небывалый оптимизм в мысли и предположения о том, куда же мы всё-таки должны были сесть, но всё стало на свои места очень быстро — когда тот самый Кайана показался из-за туч.

Справедливости ради, должен заметить, что если бы срочность контракта не была столь вопиющей, то и гадать бы не пришлось — я был полностью сосредоточен остаток дня и всю ночь на отчёте о горах, выбирал подходящие инструменты, прикидывал то, какое снаряжение было необходимо взять и просто готовился морально — верить строчкам «мы обеспечим Вас всем необходимым» стал бы только законченный идиот.

— Прямо, блин, Американская Мечта... Интересно, здесь ещё играют джаз?

Сэм прилип лбом к иллюминатору, рассматривая спрятанные в елях и лёгкой, почти невесомой дымке тумана однотипные прямоугольные домики с острой крышей и, обязательно, крыльцом, располагающимся где попало. Облачённые в свои традиционно-нейтральные краски, те были построены то на небольших земляных насыпях, то просто на каркасе, выравнивающим и, так или иначе, немного возвышающим здание над грунтом — всё указывало как на сильные оттепели и осадки, так и на саму кривизну ландшафта — посёлок стоял у низины, спускающейся к одной из многочисленных рек Аляски. Но да — это было очень похоже на ту самую «мечту».

— Вряд ли эскимосы когда-либо играли джаз.

— Инуиты, мистер Фогг, — скорректировал меня главный, тоже изредка поглядывая наружу.

— Не одно и то же?

— А испанец и мексиканец — это одно и то же?

— В каком-то смысле, можно пр...

— Вот именно, — не успел я закончить, как тут же получил ответ — никогда не любил такие моменты. — Более корректно «инуиты», но правильно и «эскимосы», и «северяне», и «коренные американцы».

— Ха... Вот уж забавно слышать это определение в контексте эс... инуитов. И ведь, блин, правильно всё, самое главное.

— Что-то не так, мистер Сэм? — не зная фамилии, Джордж решил выкрутиться максимально неудобным образом.

— Да нет — непривычно просто. Всегда думал об индейцах, когда речь шла о «коренных американцах», об ацтеках, там... о прочей херне — не о них, в общем.

Самолёт резко пошёл на посадку, и всех нас тут же начало трясти, словно в каком-нибудь паршивом метро или на самом старом в мире поезде — посадочная полоса посёлка Кайана представляла из себя просто разровненную голую землю, ведущую в небольшой ангар. Что ж... хорошо хоть, что ёлке посреди всего этого прорости не дали.

— Прошу прощения за жёсткую посадочку — не самое ясное небо, видите ли, — бодрым голосом сообщил пилот, выйдя к нам в своей песочно-земляного цвета куртке и выпустив трап самолёта. — Добро пожаловать в Нортуэст-Арктик! Кое-где разжиревших медведей у нас больше, чем людей, а шансов того, что вас найдут, если вы здесь пропадёте, нет почти никаких — замечательное место для семейного отдыха, ха-ха!

— Вдохновляюще... — устало ответил Рон и, взяв свою большую походную сумку, выдвинулся первым. — Но лучше бы молчал.

Снаружи в нос тут же ударил холодный воздух, несущий собою запах свежести и умеренной влаги. Мои глаза, ослеплённые ясным голубым небом, пережили один из самых потрясающих в моей жизни контрастов: от обычных домишек у грязных дорог, от серого и пыльного вечно раскачивающегося самолёта — к бесконечным лесам, к горам, чьи шпили рассекали горизонт на несколько частей, к стремительной реке в низине, что за теми самыми домишками, к потрясающей взор свободе.

Когда смотришь на всякие города, на всё, что выше двух этажей и что распространяется чуть дальше, чем на две мили, то тебе тут же кажется, что вот они: весь мир, вся жизнь — сосредоточены в этих городах; что за городом находится только небольшой пригород, за коим следует новый город. Отчётливо помню, как удивился масштабам, переезжая из штата в штат: впереди меня всегда были необузданные вечнозелёные леса, странные и потрясающие в своей странности переливы гор, забытые и заброшенные домишки среди бесконечных зелёных полей — несколько часов без признаков людей, показавшиеся мне вечностью. Да, именно тогда я и понял — осознал, что цивилизация распространилась не так широко, как хотелось бы человеку, как ему представлялось. Прогресс — может быть, но не цивилизация. И это было прекрасно.

Однако всё хорошее рано или поздно заканчивалось — приходилось вновь опускаться на землю. Вязкую, всё ещё влажную и даже мокрую от прошедшего дождя, землю. Одно забавляло — фраза: «блядь» от Рональда Уэйна под каждый его шаг.

— Знаете, что, блин, хорошо в этих краях? — Сэм вышел последним и, высоко задрвав голову в горделивой, почти боевой позе, посмотрел на горы. — Процент муذاков на квадратный километр меньший, чем во всей Америке.

— Заткнись и шагай уже со своими сумками, обслуживающий персонал.

— Но мы всеми силами стараемся возместить это недостающее количество! — он ехидно улыбнулся и, не теряя оптимизма, бодро зашагал по грязи.

Путь до дома мэра занял буквально пятнадцать минут — мимо церкви, магазинчика, оружейной и почтового отделения к самой школе. Не хватало только банка, подло притаившегося где-нибудь за углом, для полного набора, что всегда был в подобного масштаба местах. Мне всегда казалось, что где бы ты ни был, на территории какого бы штата не решил остановиться в посёлке с милым названием, там всегда будет одна и та же инфраструктура: почта, магазин, церковь, школа и банк — только удовлетворение базовых

человеческих нужд да инстинктов, только самое необходимое, но ничего более.

— Как-то здесь, блин, скромненько.

Да, пожалуй. Пожалуй, сидя в одном из тех небольших прямоугольников, виднеющихся мне через иллюминатор, сидя и осознавая, что тот прямоугольник, в коем я сидел, не отличался ничем снаружи и не был выдающимся внутри, я был обязан согласиться: да, там было скромненько. Для жилища мэра-то...

На пороге нас встретил муж мэра Кайана, тут же ошарашенно заявив, что миссис мэр выдвинулась встречать нас, и, похоже, так выдвинулась, что мы разминулись. Разместив нас за столом просторной гостиной, он налил нам местного (до жути отвратительного) кофе и, поднявшись по открытой лестнице, что была прямо у входа в комнату, отлучился. Здраво прикинув, я тут же понял, что ждать нам придётся не больше пятнадцати минут.

— Не так уж и скромно для этих мест, мистер Сэм. Видите ли...

— Можно просто Сэм? Не пойми неправильно, Джордж, но «мистер Сэм» чертовски странно звучит.

— Хорошо. Если вам это так принципиально, Сэм. Я говорил о том, что здесь не так уж и скромно: более-менее новая мебель, электроника, — кивнул тот на плазму на стене, — пластиковые окна — я бы сказал, что здесь всё куда более современно и зажиточно, чем за тем же полярным кругом.

— Похоже на то, что младший обслуживающий персонал впервые не в шестизвёздочном отеле.

— Слушай ты... — Рональд уже было снял свои очки и отставил стакан подальше, но того остановил Сэм.

— Я вырос в самом хреновом чёрном районе самого хренового гетто в стране, белый парень. Поверь мне, я знаю, что такое не шестизвёздочный отель — когда я говорил о скромности помещения, я имел в виду: «для мэра этого городка», — но до этого ведь нужно додуматься, а чтобы додуматься, нужно головой не только жрать да пить.

— Ага. А ещё тебе стоило бы знать одно очень мудрое выражение: «Не корми тролля», — ткнул я его в бок, пытаясь предотвратить очередной конфликт.

— Мне нравятся ваши диаметрально противоположные реакции, младший обслуживающий персонал, — выскочка с нахальной улыбкой отпил кофе. — Вы вообще из одной команды? Как так получилось, что у одного младшего обслуживающего персонала абсолютно железное чувство компетентности, а второй — тридцатилетний подросток?

— Меня зовут не!.. А знаешь... Знаешь, — успокоился тот, — у меня к тебе тот же вопрос. Только вот мне двадцать девять, а тебе по телу сорок, по роже и уму — двенадцать.

— Хватит уже! — наконец вклинился мистер Форвард. — Если вы не можете терпеть друг друга с открытыми ртами — будьте добры их не открывать! Не нужно превращать недельную лёгкую поездку в «твою мать, вот бы побыстрее домой, как они все меня задолбали». Если так дальше пойдёт — лишитесь части своей суммы за нарушение дисциплины!.. Оба!

— Аминь, — Рональд поднял над собой чашку кофе и, кивнув, надпил.

В доме повисла неловкая тишина, среди которой стук часов, чей циферблат, клянусь честью, очень напоминал мне типичный офисный, раздражал всё больше и больше. Вот ведь мэр... Неужели нельзя было идти быстрее?!

— Извиняюсь за опоздание! — в комнату ворвалась дамочка средних лет с типично эск... инуисткой внешностью — высокий лоб, чёрные волосы, узкие глаза. — Я хотела

встретить вас, но вы... А чего вы вообще пошли мимо магазинов? Проще же было прямо через церковь.

— Мы не так часто бываем здесь, чтобы знать это, миссис мэр, — после этих слов и дамочка, и её жених, и вся моя команда здорово рассмеялась. — А что? Как вы вообще предлагаете называть человека, не зная имени?

— А если бы ты не знал, что она мэр, обслуживающий персонал? «Миссис женщина»? — вторая, ещё более сильная волна смеха окатила помещение.

— Зовите меня просто Эммой.

— Отлично, ми... Эмма, — Форвард решил не допускать дважды одну и ту же ошибку. — Давайте к делу.

— О, ну, если вы настроены... В общем, я позвала ещё пару ребят — они помогут вам завтра с утра донести ваше оборудование и погрузить его на...

— Вот об этом я и хотел поговорить: оборудования не будет. Как раз за день до вылета нам урезали бюджет, так что мы просто не можем позволить себе проживание в деревнях Аляски дольше, чем на неделю. Наши баулы — всё оборудование, что нам нужно.

— Как так? — искренне удивилась та. — Я же ещё третьего дня общалась с...

— «За день до вылета», — повторил тот, — то есть: «вчера ровно».

Я вспоминал Смита, несущего походную сумку с небольшим рюкзаком, и понимал, что их вещей действительно было немного. «Урезали бюджет», — нет, то был бы бред. Контракт с нами был заключен за... за день до вылета. Получается, сумма была ещё больше? Нет — он был подписан датой, как раз подходящей под фразу «третьего дня», так что получалось... Так что получалось, что за буквально копеечную работу предлагалась космическая сумма?

Трудно было сдерживать удивление, когда ожидал многонедельной, если не месячной экспедиции с доставкой оборудования в ближайшую точку цивилизации (какую-нибудь полуразваленную деревню), обустройство мобильного лагеря по месту, многократный сбор пород и минералов, исследование пещер от корки до корки, занимающее целые дни, наполненные профессиональным риском для жизни, а вместо этого... Но сдерживать его всё же приходилось.

Возможно, я просто попал на распил бюджета какого-нибудь гринписовского фонда? На другой изощрённый метод коррупции? Поражало и то, как спокойно отвечал мистер Фогг и как безразлично, даже не оборачиваясь реагировали «мистер Смит» с Рональдом. Не могла же быть наша зарплата уже урезанной? Тогда какой она была до этого?

— А раз уж время — деньги, то нам сойдёт и более мобильный транспорт — какой-нибудь... что вы используете для перемещения?

— В хорошую погоду — квадроциклы, — не без скепсиса и подозрений ответила она, облокотившись на дверной косяк. — Но если ваш бюджет и это не покрывает — предлагаю пеший ход на роликах.

— Сарказм здесь излишен, Эмма. Поверьте, я сам уже морально и физически подготовился к длительной командировке, и я так же удивлён тому, что она не состоится, — точнее и не скажешь.

Она отошла от двери и, подойдя к столу, оперлась на него обеими руками, опустив голову. Наступил момент непродолжительного, но очень неловкого молчания.

— Да я понимаю. Просто людей уже проинформировала, транспорт нашли, водители и сопровождающие рассчитывают ровно на ту выручку, что я им сказала — неудобно получается...

Вот тебе и минусы жизни мэра в маленьком посёлке — все всех знают, так что отказывать или составлять приоритеты одинаково неудобно. Ну, по крайней мере, в этом случае она точно скинет всё на нас, когда будет оправдываться. На кого же ещё?

— Ладно... По крайней мере, — Эмма выровнялась во весь рост и взглянула в окно, как в собственное светлое будущее, — можно будет пересадить тех же водителей и сопровождающих на квадроциклы. И цена за вашу доставку остаётся та же — либо, если завтра не будет дождя, больше аренды транспорта, большой расход топлива, либо вы поедете на том же грузовике, а это значит, что наши условия не изменились.

— Идёт, — мистер Фордвард согласился, не задумываясь.

— Вот и отлично. Тогда пойду и сообщу ребятам, что ещё не время расслабляться.

Миссис мэр облегченно вздохнула и направилась к выходу, но лично мне легче не стало. Как определить то, что урезают бюджет? Очень просто — зарплату убавляют рабочим самого низкого ранга. Кто, в подобной небольшой экспедиции, был ниже меня и Сэма? Только тот, кто стал бы нас везти — тот, с кем ответственный за наш бюджет вообще не торговался. Что-то было явно не так.

— Эмма, — окликнул вдруг ту Сэмюэл, — можно задать вам ещё один вопрос?

— Конечно.

— «Странные вещи в лесах», — это было указано в официальном отчёте... брифинге или, блин, как его там — что это?

Старый добрый главный сержант Филлиппс из моего воздушно-десантного полка как-то сказал: «Я, сынок, могу за секунду опознать ложь — если ты хоть секунду промолчишь мне вместо «сэр, да, сэр» или «сэр, нет, сэр» — пойдёшь под чёртов трибунал», — пока мы служили, я всё никак не мог догадаться, откуда он это взял. Уже потом — спустя годы и сотни неудачных попыток вновь социализироваться после армии, я понял: всё дело было в весе ответа, определяющего его скорость. Тебе не нужно долго думать, если ответ элементарен, не нужно думать, если ответ сложен, но актуален — ведь ты над ним, получается, уже думал. Молчит и медлит только избирательный человек, человек неискренний, а также, в случае с гражданской жизнью, ещё и неуверенный. Миссис мэр нельзя было назвать неуверенной, но её молчание слишком затянулось.

— Ничего такого, о чём бы вам следовало волноваться, — проговорила она это очень медленно, будто пережевывая каждое слово.

— Так раз, блин, ничего такого — скажите, о чём идёт речь? Нам, вообще-то, лагерь нужно будет в этих лесах разбивать.

— Поддерживаю, — вдруг вклинился Рон. — В твоих этих деревушках, не мелькающих ни на одних картах, даже мобильной связи нет — всю ночь потратил на то, чтобы в этом убедиться. Так что будет печально, если окажется, что «странности в лесах» — это куча изголодавшихся хищников, нападающих по ночам, или беглые террористы-исламисты, а я тебя даже не смогу обматерить за то, что не предупредила.

— Ты что, потратил ночь на то, чтобы удостовериться в отсутствии связи и интернета, геолог? — «мистер Смит» смотрел на того с явным удивлением и презрением.

— Агась.

— Но зачем?

— Кроме, очевидно, звонков? Срачи на Реддите, видео с котиками и порно с трапами — за этой частью интернета я уже начинаю скучать. Ну так что, «миссис мэр»?

— Ну... В общем... В общем, там...

— Я отвечаю, дорогая, — раздалось вдруг сверху. — Иди.

— Да знаю я, как ты ответишь — мне кажется, что не стоит принимать всерьёз...

— Да ладно тебе. Ты просто не слышала этих молодых людей десять минут назад. Если они смогли объединиться и не наорать друг на друга — значит, это их действительно интересует. Пусть послушают.

Эмма неспешно покинула нас, несколько раз попытавшись, но так и не решившись ответить. Сверху вернулся её, не побоюсь сказать, любезнейший муженёк, встав перед всеми нами. И что же такого важного было в причине, что для этого нужно было проводить рокировку рассказчика? В любом случае, поправив свои седеющие локоны и прищурив узкие да тёмные, такие же, как у его жены, глаза, он молча стоял перед нами, поставив руки на пояс. Может, в Аляске всегда было принято растягивать ответы на простые вопросы?

— В общем... Жуть! — он вдруг ударил ладонями по столу и пристально посмотрел на нас всех. — Трупы, убийства, хищники, бандиты, авантюристы и террористы!.. Как вы сказали?

— Исламисты.

— Да! И террористы-исламисты, скрывающиеся от правительства!.. — чем дольше он молчал, улыбаясь жёлтыми зубами, тем более неловко мне становилось. — Ха-ха-ха-ха-ха! Да ладно вам — просто мужики, приезжающие сюда изредка, жаловались на своего «мёртвого» медведя. Меня зовут Даниель, кстати говоря.

— Как-то, блин, странно ты произнёс «мёртвого», Даниель.

— Так в том-то и дело, что бред! Как вообще можно жаловаться на мёртвых, верно? Приехали эти двое пару месяцев назад — ещё когда это землетрясение пошло — и выдают: попали они, значит, в туман, а там — медведь, обглоданный до костей! Мол: бежит на них, бежит да так, что сам лес громыкает, а потом — бац, и исчезает за деревьями. Вот и всё.

— Ты и твоя жена решили записать отчёт на два листа рассказы отшельников?

— Да если бы... — почесал тот репу. — Наши, видимо, наслушались и тоже начали мне рассказывать: «Дэн, правда в лесу такой есть! В тумане бежит на тебя, а потом раз — и исчезает», — и у кого-то он целый, у кого-то — обглоданный, у кого-то — вообще скелет ходячий. Такую несуразицу начали нести, что и глаза некуда деть! — лучше бы действительно их куда-то дел, потому что с широко открытыми он выглядел как минимум пугающе. — Ну, я подумал и решил попросить военных о помощи, чтобы этот бедный четырехлапый мерзавец позже не стал шатуном и обрёл покой. А дальше вы всё знаете — вояки не вернулись, — муженёк так легко махнул рукой, как будто не говорил о, возможно, погибших знакомых. — Сомневаюсь, что четверо храбрых солдат с пушками не справились бы с одним раненым Тедди, так что...

— То есть медведей ещё и несколько?

— В том-то и дело — не стайные животные медведи-то, а терпимости к собственным собратям у них меньше, чем у людей за полярным кругом. Так что... странные вещи.

Сэм задал явно хороший вопрос. Получалось, что, кроме всего прочего, в наш лагерь мог наведаться один-другой израненный да голодный мишка — превосходно. Но...

— Скажите-ка, Даниель, — вырвалось у меня, — я правильно понял: вы решили записать медведей у транзитных дорог как «странные вещи»?

— Стаю обглоданных медведей, появляющихся, по рассказам людей, только в тумане — да. Не знаю, как там у вас — в других штатах, а у нас это — странные вещи.

— Резонно, — добавил мистер Форвард. — Медведи как стайные существа —

прецедент. Впрочем, то, что они предпочитают одиночный образ жизни, не отрицает того, что ради выживания они могли сгруппироваться... В каком-то смысле, господа, вы оба правы — это необычное явление, вполне заслуживающее название «стая медведей».

— Аминь второй раз, — Рон вновь торжественно поднял чашку над собой, чтобы осознать, что та была пустой. — Блядь.

Уладив все вопросы, мы расположились на ночлег. Кайана, ожидаемо, не обладал ни мотелем, ни каким-либо подобием гостевых домов, так что нам просто отдали пустующий — обычный забытый прямоугольничек, лишившийся своего хозяина по неизвестной причине. Все вещи, вся мебель, всё имущество — всё было на своих местах, покрывалось пылью и временем, пока какой-нибудь самаритянин не решится это выкупить за самый-самый мизер.

В таких местах всегда было... по-особенному пыльно. И в тот раз, разумеется, — тоже: кроме самой пыли, кроме ощущения забытья и затхлого воздуха было ещё кое-что очень важное — запах человека. Въевшийся аромат кофе на кухне, пережившее многое диван, даже постельное белье и подушки, что остались нетронутыми — дом всё ещё казался живым, всё ещё ждал своего хозяина и хранил его часть вместе с собой.

— И вот он мне говорит, что я, должно быть, ненавижу свою работу, — геолог говорил со своим давним другом-спелеологом, перетирая кости прошлого на старом диване.

— Это он зря...

— Ещё бы, это он, сука, зря! Я, конечно, всё понимаю — не сахар работёнка. Как-то мне даже приходилось собирать образцы лавы с активного вулкана на Камчатке. Прямо так — разрывать небольшой затвердевший слой и черпать именно расплавленную породу небольшой лопаткой, — он подключил активные жесты к своей речи и продолжил, — охренеть провёл отпуск, скажу я тебе, но один хрен это лучше, чем чёртова работа в офисе. Ни за что бы сейчас не променял этот затхлый и пыльный саркофаг на какую-нибудь конуру без кондиционера. А ты, я слышал...

Разложившись, я стал думать. В моих планах было всего два пункта: задать вопросы мистеру Форварду и как следует выспаться. Так как вечер уже подходил к концу, желания медлить не было.

— Кхм, мистер Форвард, Рональд, вы не против? — указал я на свободное место на диване напротив.

— Конечно нет, мистер Фогг.

— Да — падай, — свободно махнул рукой Уэйн.

— В общем, есть несколько вопросов, не покидающих мою голову, — молчание обоих послужило мне разрешением. — Первый: о каком сокращении бюджета шла речь при Эмме, если такового точно не было? И второй — более рутинный: Даниель сказал, что расселины или же пещеры появились около двух месяцев назад, и в отчёте указаны «месяцы» — почему «экстренная экспедиция» была собрана только сейчас?

Главный явно замялся, не ожидая такого — по нему было видно, что ответы составлял он прямо на ходу и, так же, как и Эмма, он слишком долго молчал для очевидных и простых ответов.

— Сокращение бюджета произошло до подписания вами... — наглая, но ожидаемая ложь.

— Мой контракт был составлен на несколько дней раньше даты подписания и разговора

Эммы с начальством.

— Значит, вас решили не осведомлять об...

— Об уменьшении зарплаты? Кому ещё, как не «младшему обслуживающему персоналу» урезать деньги, когда речь идёт о сокращениях в бюджете?

— Они могли посчитать ненужным...

— Джордж, вы вообще слышите себя? Может, это вы посчитали ненужным что-то мне сообщить? — тон голоса и мимика сменились на скептические сами по себе — я чувствовал себя хозяином положения.

— Я думаю, что...

— Ха-ха-ха-ха-ха... — парень прервал своего товарища искренним смехом и снял очки. — Признайся, старик, он только что схватил тебя за самые яйца. Ха-ха-ха-ха-ха... Сказал же: то, что ты хотел провернуть, не провернёшь только с частью команды... Ладно, смотри сюда, «мистер Фогг», — его издевательство над приставкой «мистер» привлекало и отталкивало одновременно. — В две тысячи шестнадцатом году у пролива Фери и Хекла, что на севере Канады, рыбаки жаловались на странные звуки в море. Прибывшие военные ничего не нашли и уехали с пустым отчётом, доложив только о нескольких морских обитателях в районах поисков. То же самое было у озера Леди Малвилл в том же году, на острове Дженни Линд в семнадцатом, у острова Дженни Линд — и так по цепочке: большинство жалоб списывали либо на слабые землетрясения (до четырёх баллов), либо на...

— К чему это?

— Но потом в Найскуте на территории Аляски отшельники сделали некоторые сенсационные фото — они запечатлели небольшую пещеру, возникшую в следствии сейсмической активной и, что страннее, её полнейшее исчезновение. Это дало старт небольшому расследованию ещё более мелкого фонда — они собрали информацию, что везде, вплоть до пролива Фери, открывались подобные пещеры и, разумеется, «затягивались». Джордж, будучи первым приглашённым в нашу небольшую группу, порекомендовал меня и своего... кхм... этого... — указал он на уже спящего Энтони. — Как мне назвать это уё?..

— Протеже, — тут же выдал мистер Форвард.

— Да — протеже. Но круг знакомых был выбран не просто ради удобства, а именно ради этой лжи. Отвечая на оба твоих вопроса: этот фонд — тот же, что нанял и вас — собрал экстренную экспедицию по одной причине: он узнал об этой пещере слишком поздно — по этой же причине мы решили соврать.

— Не... не понимаю, — искренний ответ сам вылетел из моего рта.

— Чего понимать? Эта пещера «затянется» со дня на день. Мы узнали о ней несколько дней назад, а она существует уже два месяца — велик шанс на то, что мы, придя на место, обнаружим только филигранный природный «шов» — местные номады не сильно обновляют информацию по ней, знаешь ли. И вот мы подумали...

— Мы подумали, мистер Фогг, что если шансы на провал столь велики, то можно сэкономить некую сумму денежных ресурсов, выделенных на эту миссию.

— Ага... Это воровство.

— Не пизди, — резко помрачнел Рональд, — эти деньги и так должны были пропасть, если бы мы сделали всё по-честному и привезли бы сюда тонну всякого дерьма, чтобы потом просто вывезти его обратно. А так — напишем, что всё привезли, но поздно, и к сумме

гонораров каждого из нас прибавится.

— Сколько прибавится?

— Прилично, мистер Фогг. Вопрос в другом: собираетесь ли вы хранить в тайне наш небольшой трюк?

Это был чертовски хороший вопрос. О, чертовски хороший... Не то, чтобы меня не прельщала идея заработать больше денег без риска — вся команда, если верить Форварду и Уэйну, была в курсе, но с другой — удар по репутации больнее удара по кошельку, и если миссис мэр в своей упёртости произвела бы звонок нужным людям, это просто уничтожило бы мои отношения с тем фондом и поубавило уважения в среде учёных.

К тому же был ещё и альтернативный вариант — тот, что прельщал меня, пожалуй, больше всего: самому совершить нужный звонок. Так же, как и в случае разоблачения, это дало бы серьёзный удар по репутации спелеологов и геолога (внушительный, по крайней мере), а вот мы с Сэмом...

— Собираюсь, — ответил я. — Собираюсь с надеждой, что всё это не ради двух сотен баксов. Мне и напарнику — по двадцать процентов от суммы.

— Разумеется.

— Без базара, — парень протянул мне руку, чтобы пожать. — Знал, что с тобой будет просто договориться, мужик.

Ну, вещи явно стали яснее. Несмотря на то, что с городка до самой ночи так и не сошёл тот небольшой туман, вещи явно стали яснее — трое выскочек просто хотели подзаработать побольше, чем очень много. Что ж... пока они думали, что я в деле, у меня было время подумать о том, в деле ли я.

Всё это действительно выглядело неплохим подарком судьбы — либо прибавка к и так хорошей сумме за ничтожную в объёме работу, либо солидная прибавка к умеренно положительной репутации. Оставалось лишь одно — пробраться утром через туман от Кайана к тем деревьям и лично лицезреть тот «идеальный природный шов» либо, что было более реально, небольшую расселину-пещеру — всего-то.

Глава 2. К деревне бога смерти

— И где эти грёбаные скутеры?

Было раннее утро — где-то семь после полуночи. Мы стояли в слабой, едва заметной пелене посреди дороги, пока к нам приближался очень дряхлый грузовик военного образца. Массивные покрышки, тёмно-зелёные цвета, квадратные, очень ровные углы — от него за милю пахло стариной и полным отсутствием учёта аэродинамики при проектировании. Но главное: это был вовсе не тот транспорт, на который Джордж договорился вчера.

Впрочем, можно было понять причину или отговорку, что скажет водитель, — погода была просто отвратительной: более-менее чистое небо затянуло очень тёмными тучами, погружая землю во тьму, сырость и влага чувствовались даже в самом воздухе, и даже вид — тот прекрасный горный пейзаж, что открывался нашему взору настолько, насколько хватало горизонта, скрылся за туманом и тьмой, перекрывающими всё на своём пути, и веял... неизвестностью.

— Квадроциклы, геолог.

— Чего, блядь? — резко обернулся тот.

— Нам обещали квадроциклы, а не скутеры.

— То есть ты сейчас решил доебаться?! — Рональд звучал куда более раздражённо, чем вчера.

— Я сейчас решил тебя просто поправить, но понимаю — твоя быковатая натура всё ищет себе проблемы.

— О, а может быть если бы ты меня не «просто поправил», а просто пошёл нахуй, как я тебе советовал вчера, всё было бы нормально?!

— Ни рефлексии на собственных ошибках, ни тактичности — да ты, похоже, действительно имел дело с одними коровами.

— Ты сейчас у меня!..

— Тише, девочки! — Сэм встал между ними стеной, разнимая обоих. — Давайте, блин, лучше разберёмся, почему к нам прислали этот антиквариат.

Грузовик остановился, и из него вышел никто иной, как Даниель — тот, кого я точно не ожидал увидеть на месте водителя. С одной стороны: да, триста людей — немного, но неужели больше некому было выполнять обязанности со столь небольшой ответственностью и сложностью, как перевозка?

— Да. Да, люблю вас обоих, — мистер Форвард, подходя к нам, завершал телефонную беседу. — Да, и скажи ему, чтобы все задания делал. Приеду — проверю. Да, пока... Как думаете, — шепнул он уже более хриплым и уставшим голосом, — сегодня может пойти дождь?

Серо-чёрное небо медленно вращалось над нашими головами, подталкиваемое лёгким ветром. Запах свежести — привычный, как я понял, для тех мест — не нёс в себе ничего необычного, а туман был точно таким же, как и вчера — в день, когда дождя не было.

— Нет, — ответил каждый поочерёдно.

— Верно — нет, — кивнул тот. — А вот он сейчас будет убеждать нас, что таковой намечается...

После тех слов улыбка водителя начала казаться мне надменной. О, да — то была как раз одна из тех гримас, с коей к тебе подходили в магазинах консультанты; с коей осторожно, но очень нагло подлезали промоутеры на улицах или же с коей работники HR выслушивали твой бред на собеседованиях, когда окончательно решали, что брать человека, вернувшегося из армии с психическим расстройством, «слишком рискованно для их небольшой компании».

— Ну что, ваша исследовательская команда готова ехать к месту исследования? — а ещё его пожелтевшие зубы — они тоже действовали на нервы; что-то в нём явно мне не нравилось, но до меня всё никак не доходило, что именно.

— Даниель, — мягко начал Джордж, — кажется, вчера мы договаривались о более быстром и мобильном транспорте.

— Несомненно! Но, как мне кажется, погода...

— Дождя нет, — по привычке сказал я солдатским тоном.

— Да, но он может...

— Не «может», Даниель. Дождя нет. Где транспорт?

— Знаешь, я бы мог сейчас достать его, но, думаю, что это будет слишком дол...

— Тогда доставайте.

— Я...

— Вы же можете, верно? Доставайте.

«Слишком долго», — а? Дольше, чем поездка на медленной старой развалине, не едущей вверх по поверхности, что выше пятнадцати градусов? Дольше, чем с бесконечными объездами-заездами, как это часто бывает, узких горных троп по одной-единственной

дороге, что подходит по ширине? Нет — то тоже была явная ложь.

— Доставайте, — вновь повторил я, — мы подождём.

Все из команды были согласны — молча стояли, смотря на муженька местного мэра, и ожидали от него обещанного решения. Хороший момент — момент разоблачения лжи. Человека будто выкидывает из его придуманного мирка в мир реальный, мир настоящий. Может быть, я просто очередной идиот, но на моём опыте всегда было так, что после раскрытия люди начинали нести чистую правду, насколько бы сильно она их не топила — ниже, как считал их мозг, им падать было уже некуда.

— Ну... Я...

— Давай-давай, честный парень. Я же вижу — ты не врёшь нам, — Рональд покосился на того в полуулыбке, похожей на оскал.

— Я бы с радостью, господа, — сцепил он ладони за спиной. — Но дело всё в том... Я бы... У нас нет квадроциклов — буквально несколько дней назад ребята уехали на них в Аипалувик и всё ещё не вернулись... Синячат, наверное.

— А Аипалувик — это?..

— Деревушка в двенадцати милях отсюда — наш перевалочный пункт к Тагитуку.

— Потрясающие, блядь, названия.

— То есть ещё есть шанс найти их там и пересесть на нормальный транспорт — я правильно понимаю?

— Я... О! А, кстати, да! — резко оживился тот. — Хорошая идея!

— Ага. Потрясающая, блин. Давайте уже поедем, а не будем лясы точить.

Причин возражать не было.

До нашего перевала было всего-то двадцать четыре мили. Даже если учесть скорость грузовика, особенности рельефа и предположить сложность дороги — это было, максимум, два часа езды, и это было чертовски хорошо — на том раритете чувствовался каждый ухаб, каждая кочка, на которую водитель откровенно специально наезжал, приносила отличные ощущения копчику и всему сопутствующему.

Деревянные лавки по обе стороны кузова грузовика действительно сильно напоминали мне о военных временах, когда автомат был моим лучшим другом и самым ценным сокровищем, а пыль и песок въедался в кожу и зубы, всё время преследуя зудом. Несмотря на моё... не самое удачное прошлое, я скучал по военной жизни. Ещё когда только вернулся, и мои редкие родственнички встретили меня с небольшим праздником, мой крёстный сразу сказал: «Я знаю, что ты чувствуешь: ты чувствуешь, что это всё — не твоё, что тебя не понимают эти люди и никогда не поймут, а твоё призвание — умереть с оружием. Это чувство с тобой навсегда», — и как же он, сукин сын, был прав. «Никто не может понять морпеха так, как он сам либо как другие морпехи», — к снайперам это тоже относится.

Всякий раз, когда я пытался говорить с кем-то про свою солдатскую жизнь... я видел ужас в их глазах — жуть и страх, свойственные зелёным рядовым, свойственные гражданским... Печально, когда люди смотрят на тебя либо как на калеку, либо как на героя — будто бы ради войны нужно быть самым бесстрашным и патриотичным сорвиголовой. Нет — всё дело было в мышлении.

Отсутствие опасности как уверенность в собственной бессмертии — это очень хрупкая, но мощная иллюзия, ей окружают себя все, кому не лень, чтобы потом любое отклонение от плана, любой выброс из зоны комфорта вызывал жуткий, по-настоящему животный страх.

На войне не так. Свистящие над ухом пули не заставляют бежать — они заставляют реже высовывать голову. Каждый раз отправляясь в бой чувствуешь... присутствие опасности и смирение с ней. Как длительная монотонная боль — отрицание сменяется гневом от раздражения, потом — попытками убедить себя в том, что всё не так плохо, суицидально-депрессивными мыслями и, в конце-концов, смирением — принятием. Но это на войне...

Чёрт, мой крёстный был настолько прав, что даже спустя десятки попыток устроиться на «обычную» работу, я всё равно выбрал ту, где риск сравнительно выше, а количество людей сравнительно меньше — экстремальный туризм вправду чем-то похож на армейскую вылазку. Технически, по крайней мере — ты выходишь далеко от цивилизации, снабжённый только необходимым для достижения твоей цели, ты продвигаешься вперёд, несмотря на риск, а после достижения тебя ждёт такой же тяжёлый путь обратно. И люди — они вовсе не являются отморозками, живущими одним днём, нет — они тоже идут «в бой» за тем же... ощущением, что и ты, за чувством братства, единства в цели и победе — они идут ради себя, а не ради войны.

— В чём дело, Рональд? — вдруг раздался голос Джорджа, выкинувший меня из моих мыслей. — Ты сегодня какой-то... нервный?

Уэйн действительно казался беспокойным с утра. Его красные глаза и немного бледная кожа говорили о явно бессонной ночи, но лучше всего, разумеется, твердил об этом он сам — бранью и крайней нетерпимостью к окружающим.

— Да, парнишка, на тебе, блин, лица нет.

— Я в порядке, — пробубнел тот под себя. — Мамочки мне тут нашлись...

— В порядке? — ухмыльнулся «мистер Смит». — Да ты, геолог, на ходячую мумию тянешь — ещё пара часов, и хоронить можно будет.

— А ты вообще ебало завали! Всё это твой грёбаный медведь...

— Не понял.

— Чё тут, блядь, понимать?! На кой хрен ты сказал ночью, что слышал рык под окнами?! Не мог просто промолчать и дальше упасть дрыхнуть?!

— Рык под?.. А-а-а... А-ха-ха-ха-ха-ха! — Энтони разразился искренним, очень высоким смехом. — Вот это ты впечатлительный!

— Заткнись!

— Сам заткнись, мямля, — только тогда я уловил едва заметный немецкий акцент. — Я-то действительно слышал рык, но подумать, что это медведи — чистый бред. Наверняка это был тот же грузовик, что прямо сейчас рычит и тарыхтит двигателем у тебя под ногами.

Интересное, но глупое предположение — грузовик приехал со стороны гор, то есть — с очередной маленькой деревушки, так что вряд ли бы он проезжал ночью рядом с домом. «Рык»... Готов поклясться, что, несмотря на приоткрытое окно, в ту ночь я спал, как младенец.

— Ага — хрена с два! И нахрен, блин, было вчера выслушивать эти рассказы?.. — он опустил голову и потёр лицо руками. — Всю треклятую ночь просыпался из-за рычания и силуэты за окном видел.

— Ну ты, блин, даёшь, парень.

— Ага! А сам что?! Ты же... Блядь! — мы все знатно подпрыгнули на ухабе. — Ты же, блядь, на соседнем диване спал!

— И? Всё верно — спал. Спал, как убитый медведем-призраком.

— Пошли вы! Оба!

— Да ладно тебе — смешно же. Ты же не серьёзно, да? То есть ты реально не спал, блин, просто из-за мишки?!

— Я бы посмотрел на тебя, если бы ты!.. — поднял тот глаза, но тут же опустил, успокоившись. — Заткнитесь, а? Все.

— А слова вежливости?

— Обойдётся, белобрысый. Просто держи... Да блядь!

На очередной кочке наш грузовик подпрыгнул выше, чем рейтинг преступности в США в последние месяцы. Дружно подлетев от удара со своих сидений, мы, неудачно пытаюсь удержаться в нормальной позе, повалились куда попало по кузову. Когда же всё затихло, и каждый из нас смог выровняться, то обнаружилось, что грузовик стоял.

— Даниель! Даниель, мать твою! — постучал по стенке между водительским местом и кузовом Рон.

— Эй, муженёк, чего стоим? — «мистер Смит» держался за нос, пытаюсь говорить нормальным голосом. — Эй?!

Сэм с большим неодобрением посмотрел на нелепые сцены взывания к водителю нашей чудо-машины и, молча отвязав дверцу кузова, вышел наружу. Не стоит и говорить, что все, забыв об ушибах, медленно пошли за ним.

— Ох, нихрена...

Каждый, включая меня, не мог не замереть от удивления, что довелось почувствовать, выбравшись наружу. Мы стояли посреди плотной и серой стены тумана, настолько густой, что уже ровно через пятьдесят метров она действительно напоминала стену какого-нибудь древнего хосписа. Вечнозелёные ели, их верхушки, горы — всё тонуло в той обесцвечивающей мгле, а сама дорога, всё ещё не высохшая до конца, напоминала вязкое, тягучее коричневое болото. Вот тогда, смотря на бесцветное серое небо и потемневшую округу, я бы без промедления поверил, что мог бы идти дождь. Более того — я бы даже поверил, что он уже прошёл.

— Даниель, что там, блин, с твоей хернёй? — Сэм зашагал впереди всех к месту водителя. — Клянусь моим несуществующим шурином, если у тебя от твоей езды слетели клеммы с аккумулятора — я буду орать с тебя как самая последняя сучка. Даниель? Дэн, блин?! — уже раздражённый, он подошёл к водительской кабине и рывком открыл дверь. — Какого?! — но вдруг резко перешёл на шёпот. — Какого хрена?

Я быстро подошёл к своему напарнику и увидел внутри машины то, чего точно не ожидал бы увидеть: Даниель лежал на сиденьях и, придерживая разбитый нос, испуганно таращился на нас. О, в тех глазах было многое — ужас, страх, отчаяние, непонимание, удивление и шок — всё это передавалось и мне. Он с большой опаской поднёс указательный палец к своему рту, призывая сохранять тишину, и заговорил так тихо, что сама та тишина, сам беззвучный гул ветра, гуляющего по лесу, были громче него:

— Он здесь.

Я тут же резко повернул голову в даль дороги, скрытую туманом — кто бы там ни был, но водитель обязан был увидеть его именно оттуда. Однако... ничего не было. Или не совсем ничего? Тишина, то самое звучание леса, начала давить на уши — как поразительно быстро почти неуловимый шум становится самым громким воем, перекрывающим всё остальное — за этим ветром вполне мог скрываться чей-то шёпот, могли едва слышно хрустеть ветви под чьими-то тяжёлыми шагами, могла разлетаться грязь от шин, но нет — было тихо. По-прежнему тихо.

— Кто? — вырвалось у меня.

И вот тут-то я почувствовал весь его страх, даже не получив ответа. Одного взгляда на его взъерошенные волосы, на трясущие зубы было достаточно, чтобы понять — то, что превращало его следующие слова в нелепые обрывки и стук челюстей друг о друга, было чистым страхом, было настоящей паникой.

— Он, — едва выдавил из себя Дэн.

— Да кто «он»?!

— Ме... Медведь.

На его лице не дрогнул ни один мускул, ни малейшего перехода от ужаса к смеху в его мимике не было — он точно говорил серьёзно, но... Он, блядь, шутил, что ли?!

Нигде, вообще нигде вокруг нас не было ничего, соизмеримого по шуму с медведем — ни приближающегося звука хрустящих ветвей, ни рыка, ни тяжёлого дыхания. Он действительно ожидал, что мы поверим в сказку, рассказанную им вчера? Это при том, что сам он этих медведей до нашей вылазки не видел?! Он, блядь... Что?!

— Даниель, мать мою! — вскричал я тому. — У нас нет на это времени!

— Что он, блин, сказал?

— Что где-то здесь бродит «тот самый» мишка!

В одно мгновение Рональд, выходящий последним, залез обратно, а Сэм застыл, смотря то на водителя, то на дорогу.

— Но... он здесь. Он здесь, клянусь.

— Я повторяю: у нас нет на это времени!

— Но он был здесь.

— И где, блин, он теперь? Оленя в тумане терзает? То, что ты нам вчера рассказал бред, ещё не значит, что мы всё... Твою мать. Смотрите! — указал мне мой напарник в стену тумана. — Эй, чувак, гляди! Вы видите?!

— Нет, — тут же отчитался я.

— Не вижу, — заявили почти одновременно Джордж и Смит.

— Что?.. Что там?! — испуганно спросил водитель.

— Там... Там... Да! — вытаращился он широко открытыми глазами и кивнул. — Там бежит твоя совесть, дерьма кусок! — Сэм рывком захлопнул дверь грузовика и пошёл обратно. — Медведи у него, блин! Сказочник хренов! «Представляете — я увидел ровно то, во что не верил сам, но о чём вчера вам рассказывал», — как удобно, мать мою!

— Но я!.. — тот осторожно открыл дверь и попытался что-то ответить.

— Разочаровывающее зрелище, Даниель, — подытожил мистер Форвард.

— Я видел!

— А никто другой, блин, не видел!

С одной стороны — да, бред. С другой... Может быть, нам просто повезло, и животное, испугавшись грузовика, убежало прочь? Мог ли он не врать?..

Всю свою жизнь до войны я не был особо впечатлительным парнем. Кровь, ранения, смерть — ничего из этого не трогало меня изначально, будто в детстве мне просто не привили здоровый страх к подобного рода вещам, но... С тем же самым у меня отпала и религиозность — рациональное и холодное мышление просто не может идти в связке с верой, ведь сама она подразумевает то, что тебе необходимо отбрасывать сомнения и принимать истину просто на слово — не быть рациональным.

И получалось, что либо панчлайн шутки, заготовленной вчера, слишком затянулся, либо

нас действительно миновала серьёзная опасность в виде разъярённого хищника. В любом случае, Даниелю не поверил бы никто — один в поле не воин, а лёгкая мишень, так что у меня было единственное рациональное решение: вряд ли мой суровый взгляд отпугнул бы тысячефунтового бурого медведя, но если он и был, и стая действительно нападала на людей и транспорт у дорог — хотелось бы это видеть, пускай и перед собственной смертью.

— Спокойно, — развернулся я к группе. — Я поеду с ним на месте штурмана. Если подобное приключится ещё раз или действительно приключится впервые — вы услышите об этом от меня.

— Ой, да пошёл ты! — улыбнулся мне напарник. — Хрена с два я поверю, что ты купился — ты, блин, просто хочешь пересесть на мягкое кресло с той грёбаной скамьи!

— Может быть, — ответ был не без излишнего ехидства. — Но это к делу не относится.

Очень долго ехали в абсолютной тишине, время от времени прерываемой шутками и бранью из кузова. Тогда, видя дорогу, на которой приходилось маневрировать Даниелю, я абсолютно не удивлялся тому, что грузовик вскакивал в ямы, прикрытые листвой, и подпрыгивал на едва заметных кочках, больше похожих на переливы света и теней. Более того — больше поражало меня то, что «влипали» мы слишком редко.

— У вас здесь всегда такая напасть с дорогами?

— Нет, — пытаюсь не отвлекаться, медлил водитель. — Медведи обычно...

— Я не про это.

— Тогда про?.. А, да. Да, такое здесь всегда. Летом ещё более-менее неплохо, пока дожди не пойдут, но осенью и весной картина не меняется, а зимой и вовсе приходится использовать снегоходы.

— Я так понимаю, тем, кто живёт у реки, проще?

— Разумеется, проще, — для него это действительно был слишком банальный вопрос, так что и отвечал он не без раздражения. — Большинство посёлков расположены как раз возле них — можно сплавляться или подниматься по течению, не используя наземный транспорт. Даже топливо в Кайана подвозят на баржах по реке, так что...

— Да, трудно не догадаться об их важности.

— И, кстати, переводится «Кайана» как «место, где встречаются реки».

В тумане не было видно ничего, сколько не всматривайся. Странные мелькающие тени деревьев, что складывались в пугающие и масштабные силуэты, вечный треск веток из-за местных оленей — я отлично понимал, почему Даниелю могло показаться, что он видел медведя-призрака. Более того — даже я сам попадал на удочку собственного воображения. Несколько раз кряду лишь мой рационализм позволял отмахнуться от ощущения того, что кто-то бежал параллельно медленно едущему грузовику, что кто-то вот-вот должен был бы нагнать нас или даже перегнать — чего только нельзя было увидеть, когда весь мир за десять метров от тебя представлял сплошное серое полотно и простор для фантазии.

— Если Кайана — это место, где встречаются реки, — в один миг ко мне пришло осознание, что просто терпеть тишину и всматриваться в абсолютно тёмный лес было слишком невыносимо, — то Аипалук — это?..

— Аипалувик. Нет, не ищи в этом логики. Никогда не знаешь, когда именно была основана деревня — между соседями всегда может быть расстояние в целые столетия.

— Так как это пере?..

— Бог, — привычку перебивать давно пора было занести во «вредные». — Дух, вернее.

Хозяин бушующего моря, вестник смерти, разрушающий лодки и корабли.

— Интересное название для деревушки в горах.

— Старики мне рассказывали, что всё это ради того, чтобы задобрить его. Мол: старая деревня была расположена прямо у реки Сквирел, что течёт с севера Кайана. Её жители, обратившись в христианство, начали порицать да винить старых духов во всех своих бедах. Представляешь, — сказал он с явным сарказмом, — столько лет боялись их, преподносили им дары, а бог-то, оказывается, «всего один». Но духи — это тебе не просто выдумка. Вот и в отместку ночью «разлилась река по велению Алигнака, и повыходили из неё Арнапкапфаалук, состоящая наполовину из рыб, вместе с Нерривикой, окутанной моллюсками, и забирали они всех и каждого к Аипалувику, кого не забрала сама река». Только шаман — древний и преданный самому старью — остался жив, чтобы нести этот урок.

— Я думал, что большинство здесь давно стали христианами, забыв старые сказки или променяв их на новые.

— Вряд ли. Да, влияние колонистов сильно сказалось на нас, но забыли ли мы? Нет. Люди здесь часто бедные и одинокие, если сравнивать с другими штатами или даже просто взглянуть на юг. А только бедные и одинокие и умеют помнить.

Когда мы подъезжали к деревне, прошло два часа ровно. Я ещё раз убедился в том, что без сопровождающих или знающих путь не выйти из подобных мест — многие потемневшие ели, растущие достаточно далеко друг от друга, казались мне правильным проходом, многие пешие тропинки, теряющиеся в грязи, создавали иллюзию нормальной дороги, многие голые и холодные поляны, разложенные природой тут и там, виднелись мне пропущенными поворотами — всё, что я видел из-за тумана, говорило о том, что путь был неправильным, а всё, что я слышал в нём — что он был опасным. И даже возле гор — там, где лес редел, а пустых степей было куда больше, по-прежнему можно было мало что разглядеть — только голые, лишь изредка покрытые снегом шпильки, глядящие небо своими неострыми верхушками.

Каждые несколько минут — ровно в те моменты, когда замолкал Дэн, прерывая свои истории о мифологии инуитов, раздавался хруст ветвей за деревьями, пробивающийся даже сквозь рёв двигателя. Вот уж не могу сказать, что именно там было — медведи, лоси, зайцы или моя паранойя, но когда мы приехали к той деревеньке, окутанной чёртовой мглой, единственное, чего я жаждал — услышать людские голоса.

Грузовик очень медленно, очень осторожно въехал на территорию хутора — восемьдесят деревянных домов, расставленных хаотично у ближайшего колодца. Не знаю, каков был цвет дерева у тех стен и крыш, но в том тумане он точно казался мне чёрным, покрытым влагой и мхом, что въелся в трещины в разохшихся окнах. Подкосившиеся дома, сырые тропинки, запах мочевины и сырой земли везде, где можно — думая о том, что человечеству пора бы колонизировать Марс, не стоит забывать, что кто-то до сих пор не может выбраться из Средневековья.

— Сейчас-сейчас...

Пытаясь не застрять в вязкой, очень плотной грязи, мы то ускоряли, то замедляли ход, направляясь к небольшому наполовину сгнившему сараю. Смотря на покосившиеся балки, можно было смело говорить, что один слабенький порыв ветра или неудачно упавшая шишка свалили бы всю конструкцию напрочь, но того, удивительно, не происходило — лишь

монотонные, так надоевшие мне треск и хруст сопровождали все отчаянные попытки водителя втиснуть машину в том домишке. Видимо, Даниель как никто другой был уверен в том, что дождь действительно пойдёт.

— Амарук и Тек должны быть где-то здесь, — заключил он, заглушая двигатель. — Если мне не изменяет память, то они переселились в ближайший к колодцу дом.

— Здесь всего два человека, что ли?

— Да. До недавнего времени было три.

— А... Где остальные-то?

Тот широко улыбнулся, растянув губы и надув щёки. Я знал, что ответ будет шутливым — если можно было посчитать все его зубы и узнать, сколько было выпавших, то ответ точно был не из серьёзных, но то, что он был и неожиданно жутким, глупо отрицать:

— Утонули.

Молчание после шутки слишком затянулось. Задней мыслью я-то понимал, что от меня ожидали смеха, но... лучше бы он молчал.

— Эй! — вскричал Сэм и постучал по стенке корпуса. — Это мы приехали, или стоит вызывать экзорцистов?

— Приехали!

— Вот и хорошо, — раздался тут же хрип Форварда. — Моя спина...

Когда мы вышли, я тут же ощутил две большие разницы: первая — тумана стало явно меньше, и вторая — похолодало как минимум чертовски сильно.

— Бр-р-р... Как же холодно то, блядь.

— Прошу прощения, господа. Сами понимаете — почти в горах стоим, — указал он на край леса, знаменующий резкое возвышение и «начало» горы.

— Не удивлюсь, если тут, блин, двадцать градусов максимум.

— Это сколько по Цельсию, персонал?

— Где-то минус семь, Тони.

— Бред, — сказал и тут же вжался в свою куртку «мистер Смит». — Впрочем... не так уж это и далеко от истины. Чёртов ветер.

Мы незамедлительно проследовали к нужному дому. От остальных он отличался предельно слабо. Пожалуй, настолько слабо, что сколько я ни всматривался, разницы рассмотреть не смог — то был всё такой же обветшалый и «почерневший» домишко, как и остальные. Ни живности, ни чистых окон, ни даже убранного крыльца — складывалось крепкое ощущение, будто бы деревня и вовсе пустовала, если бы не одно «но» — она точно не была пустой.

— Подождите здесь, — указал нам Даниель. — Теккейт ещё более-менее терпим к чужакам, но вот его отец... Тот ещё затворник.

Дверь тут же захлопнулась прямо перед носом Энтони, оставив нас всех на морозе. Расположившись у порога, каждый из нас молча стоял и смотрел в лес. Было тихо, даже слишком тихо. Это было тем, что называли «хищной тишиной» — когда вся мелкая живность умолкала при виде грозного зверя побольше, но... Вокруг был только туман.

— Слишком здесь тихо, — подытожил за меня Сэм. — Стремновато как-то, блин, жить в таком месте.

— Это всё из-за погоды, уверяю вас, Сэм. Без тумана отсюда наверняка открывается прекрасное зрелище.

— Ну, не знаю, Джордж, не знаю... До ближайшей цивилизации — два часа пс

извилистым дорогам, телефонной связи нет, заборов от хищников тоже нет, а ещё эта тишина... Нет — грёб я далеко и долго жить в таких местах.

С ним нельзя было не согласиться. Временную изоляцию от мира любил и расценивал как хороший способ заработка и отдыха, но вот отшельничество или, тем более, аскетизм...

— Кстати о грёбанных хищниках, — Рональд облокотился о стену дома рядом с дверью и начал протирать очки от испарины. — Помнишь, мистер Фогг, как я тебе вчера рассказывал про пролив Фери и Хекла? Так вот, есть ещё кое-что — вспомнил ночью, пока думал, сколькими способами медведь может прожевать человека: в новостях этого не писали, но когда вояки поплыли выяснять причину «шумов в море», они обнаружили настоящую бойню. Вернее, как: это описали в новостях, только забыли добавить одно слово — к: «Обнаружили стаю касаток, шесть моржей и две стаи китов», — следовало добавить: «мёртвых».

— Опять ты свои сказочки рассказываешь, Рональд?

— Это, не четыреждыблядские сказочки, Джордж. Да и не придумаешь такое, — он со всей серьёзностью и сильным прищуром взглянул на Форварда.

— Ты же сам этого не видел.

— А, по-твоему, мужичьё на крайнем севере будет сказками жить? Когда появились эти звуки — у них начала исчезать рыба, а потом, когда военные отправили разведывательный самолёт, пошли рассказы об этой бойне — трупы, буквально, выносило на берег стаями. Акустики поздно спохватились — когда они приехали, звуков уже не было.

— И всё это слышал один удачливый геолог, пишущий неподалёку работу на тему серебряных залежей.

— Да ну тебя, старик! Слишком эмпирическое у тебя мышление, чтобы соглашаться на подобное.

— Верно, — кивнул тот. — И это правильно. Если что-либо не было доказано, проверено и засвидетельствовано — это ложь.

— Понятно всё с тобой, — махнул Рон рукой и развернулся ко мне. — А как ты думаешь, мистер Фогг: может то, что вокруг нет хищников, как-то связано с этими расселинами? Если всё правильно, то те самые «звуки» из моря, чем бы они ни были, должны быть и здесь.

Это звучало интересно и бредово одновременно, но, как я и говорил раньше, рациональность всегда брала во мне верх.

— Вряд ли.

— Вот видишь, мальчик мой, опыт не позволяет верить в подобную...

— Я не сказал, что не верю, — пришлось тут же отмахнуться, так как не хотелось занимать чью-либо сторону. — Я хотел сказать, что если бы «это», чем бы это ни было, действовало на наземных животных — почему бы этому не действовать на людей? Мы же не режем друг друга сейчас?

— Хм... А ты, сука, в чём-то прав. Хотя, думаю, всё не так про...

Дверь резко открылась, и Уейн, утратив равновесие и подскользнувшись, упал на землю.

— Блядский разврат! Мои очки! — в его руках, покрытых грязью, поплёскивала погнутая оправа и треснутое стекло на одном из глаз.

— Прости, парнишка, — сразу же подал руку Дэн. — Кто же знал, что ты так перепугаешься, а?

— Ты...

Никогда прежде за жизнь я не видел, чтобы человек краснел от возмущения и бледнел от злости одновременно. Сжав кулаки, чем ещё сильнее сдавливал оправу, Рональд стиснул зубы и, клянусь честью, был уже готов подпрыгнуть со своего места. Словно израненный зверь он смотрел на своего попутчика, словно лишенный чести и смысла безумец, словно самый отпетый боец в первых рядах, и никто не мог ему ничего сказать, чтобы остановить...

Но в один миг, когда в его груди было уже воздуха под завязку, он выдохнул, что есть сил и засмеялся. Всё громче и громче — из тихих смешков в настоящий гогот — разносился его смех. Одев мятые, гнутые и треснутые очки на голову, он вытер пот, выступивший на его лбу, и сцепил хватку с Даниелем, произведя просто оглушительный хлопок рук.

— Повезло тебе.

— Это точно! — чутка побледневший водитель тоже приходил в себя. — Я уж думал, что тут ты меня и порвёшь.

— Это да... — он ещё раз облегчённо выдохнул, а потом рывком притянул Дэна к себе и сказал со всей серьёзностью. — Я просто осознал, что если переломаю тебе твои ёбаные руки сейчас, то вряд ли ты согласишься вести нас дальше, а заставлять тебя — только зря тратить время. Повторяю: повезло тебе.

Он резко отдернул руку и, отойдя подальше, начал отряхиваться.

— У тебя хобби, что ли, такое — вступать в конфликты? А, геолог?

— Заткнись, выскочка, — бесполезно пытался тот стряхнуть влажную и вязкую грязь. — Главное — результат и карьерная репутация. Ссоры никак не влияют на последнее, а вот на первое — существенно.

— Да? И что же изменилось?

— Мой день стал лучше, — он выровнялся и, прохрустев всеми костяшками пальцев, взглянул на Даниеля. — Ну так где наши «друзья» с очень сильной нетерпимостью?

— Ха-х... Хотел бы я сказать, что один из них, как оказалось, снаружи, — почесал тот репу, улыбаясь, — но, кажется, не время для шуток.

— И ведь всё равно пошутил, — улыбнулся Энтони.

— Это да... В общем, здесь никого нет. Ни Тека, ни Амарука, ни ребят.

— Есть предположения, где?..

— На рыбалке, скорее всего, — он, дери его, прямо издевался надо мной со своими перебиваниями. — Сквирел в пяти километрах отсюда.

— Уверен, муженёк? А если они не на рыбалке?

— Тогда... Тогда они могут быть и в Аипалувике. И если они там... Мда... В общем, друзья-исследователи... Как бы это ни звучало, но предлагаю пойти пешком.

— Нет, ты, походу, реально нарываешься!

— Дослушайте! — вскрикнул Дэн под всеобщее неодобрение. — Если бы скутеры действительно были здесь — это бы поменяло дело, но в моих планах было предложить вам это изначально. Прошедшее землетрясение разрушило ближайшую дорогу, повалило много деревьев на срезках и снесло оползнями тропинки — я всю ночь потратил, чтобы привезти эту чёртову развалюху в Кайана из перевала, что чуть севернее отсюда. Если вы хотите быстрее — грузовик не является вашим вариантом, товарищи исследователи, потому что путь к Тагитуку, догадайтесь, лежит через север.

— Резонно, Даниель, — подытожил мистер Форвард. — Но скажите: а сколько отсюда до нужной нам деревни?

— Где-то... миль шестнадцать, если по прямой. Тринадцать с половиной, может быть.

— Около четырёх часов ходьбы, — тут же подытожил я. — И это на более-менее покладистой местности.

— С местностью... проблем не будет. Ну так что?

— Мистер Фогг, вы у нас являетесь экспертом в подобного рода вещах. Что скажете?

А что я должен был сказать? Наш проводник даже не рассказал о том, сколько времени у нас заняло бы ехать по объездам, если те вообще были. Сомневаюсь, что он хоть пытался рассматривать другой путь, а значит, если бы я стал противиться — он бы стал противиться в ответ, а мне это было ни к чему — шли мы налегке, работы, если я правильно понимал, вообще не предстояло — к чему было сопротивление? Разве что к тому, что чёртовы шумы в тумане доконали меня окончательно... Впрочем, поддаваться страху я не собирался — тогда я был явно сильнее всего этого.

— Согласен с Даниелем. Отдохнём здесь и выдвигаемся.

Глава 3. Аклак Тактука

Когда мы вышли, было примерно одиннадцать часов после полуночи. Поднявшееся во всю силу солнце в своих жалких потугах пыталось пробиться сквозь плотную стену из туч и густую пелену тумана, но куда там было ему — у всех сложилось отчётливое ощущение того, что утра просто не было, а термин «отвратительная погода» придумали специально для того дня.

Покинув дом, нагло занятый нами без разрешения, мы пошли прямо на северо-восток — в сторону той самой реки, у коей и должны были рыбачить местные. Даниель, как тот, кто ориентируется в любую погоду, двинулся первым, Сэм пошёл с ним, а я — замыкающим. Решено было идти колонной, так как в той мгле очень просто было потеряться, а потеряться в горах без телефонной связи и каких-либо ориентиров направления для наших учёных означало скорую смерть, а скорая смерть не была вариантом.

Река должна была показаться спустя семь миль. Постепенно спускаясь в низину, я буквально чувствовал то, как становилось теплее и как сгущался туман, превращаясь из слабой пелены в настоящую стену. Меньшее, чего хотелось в том пути — встретить тех самых медведей. Грозные бурые хищники — не ровня человеку в открытом бою. С чёрными медведями ещё можно было бы справиться или даже просто запугать, а вот с ними... Хуже были бы только полярные — кроме их агрессии, от них в их тундре было бы банально некуда бежать.

Забавно, но перед выходом мне довелось спросить Дэна о том, действительно ли один из стариков ходил на рыбалку к той же реке, у которой погибла вся его предыдущая деревня, на что тот ответил, что соседство со смертью и одиночеством на Аляске являлись привычными вещами. И ведь действительно — многие, жившие в субарктическом поясе, и были такими людьми — жаждущими одиночества, не боящимися смерти. Многие должны были быть, ведь иначе было просто нельзя — иначе не получилось бы долгие-долгие месяцы или годы жить только с шумом ветра за стенами, не получилось бы привыкнуть к вечному молчанию как мира, так и собственному, не получилось бы верить в древних жестоких богов, но возвращаться на те места, где должен был умереть по их воле. У многих всё это действительно не получалось. Лишь единицам по миру, суммарно собирающимся в пару миллионов, был дан подобный дар — дар умиротворения в одиночестве.

Через сорок пять минут сырость и влага в воздухе начали концентрироваться — мы приближались к Сквирел — но вместе с тем усилился и туман, сгустился, словно молоко. Признаться честно, я видел такой всего пару раз за жизнь — когда всё исчезало уже на

расстоянии нескольких футов от тебя. И, чёрт возьми, как же это было не к месту — все те шумы реки, бурлящая вода меж порогов, все те трещащие ветки где-то впереди меня — они только грели моё воображение.

Совсем недалеко от нас, если всё было правильно, должны были стоять руины той самой деревни-призрака, чья судьба погрязла в жестокой воле богов, что лишь отголосками мелькала в слухах и историях местных. Странно, страшно и забавно одновременно было то, как из-за простых предрассудков жители были вынуждены покинуть то место. Или лучше сказать: «оставшиеся жители»?

Да, не мне судить о предрассудках, не мне измерять правдивость или лживость историй, это точно, но... Не берутся же они из ниоткуда? Злые боги, резня в море, жёсткие духи медведей — всё это имеет под собой какие-никакие опоры, всё стоит на своём фундаменте, и это «всё» всё ещё не рассыпалось, а это означало, что доля истины во всём том была — ложь редко когда проходит проверку временем. Но то, какими были те слухи и истории, какой была та ложь, что выросла из правды...

Пока мы ещё ехали, внимательнее всего я слушал про ту самую Арнапкапфаалук, что тут сократил просто до Арны — про женщину, чьей задачей было вселять в людей страх. Даже её внешний вид представлял из себя кучу кусков тел, поедаемых рыбой, что создавали в симбиозе своём человеческий силуэт; груды останков и морских созданий, настолько отвратительных, что, уверен, умеи рисовать — не решился бы изобразить такое. Именно ей — повелительнице морских тварей, Дэн и приписал большинство убийств в старой деревне. Будто бы за ней по реке пошли все чудовища океана, чтобы отомстить неверующим, будто бы ни она, ни сама стихия не жалели никого... Как показывала практика, чем первобытнее, тем более жестокой моралью обладала. Анимизм инуитов — их веру в душу и духов — нельзя было назвать молодым, но... Насколько жестокой могла быть вера людей, свыкшихся с самой смертью и одиночеством?

— Стойте, — вдруг раздался голос Даниеля впереди всех. — Слышите это?

От неожиданности я невзначай врезался в спину идущему впереди меня Уэйну. Несмотря на то, что расстояние между мной и началом колонны была всего в пара метров, я не видел даже силуэта человека, задавшего тот вопрос. Впереди громко шумела река, оттачивая пороги до феноменальной гладкости, сбивая собою и разбивая о них всё, что попадало в воду; позади шумел лес тысячей и тысячей деревьев, миллионами ветвей и иголок, а под нами шуршала земля да листва, покорившиеся холодной субарктической осени.

— Река шумит? — предположил Сэмюел.

Но в ответ наш проводник молчал, спешно оглядываясь по сторонам. Молчал достаточно долго, чтобы насторожить каждого.

— Вслушайтесь, — вдруг шепнул он. — Прошу, вслушайтесь.

Не понять причину его паники — означало быть настоящим идиотом. Конечно, куда же без этого — стоило согласиться пойти пешком, как хищник, преследующий нас всю дорогу, оказался рядом. Чёрт возьми... Чёрт возьми!

— Не расходиться! — я старался не кричать, но подталкивал Рональда поближе к толпе. — Сгруппируемся и стоим.

— Какого чёрта, персонал?!

— Не спрашивайте, а встаньте в кольцо!

Мы встали спины к спинам, пытаюсь огородиться от тумана. Там, в его тишине, прерываемой лишь ветром и рутинным, почти вечным скрипом стволов деревьев, каждый из

нас пытался услышать то, чего слышать не хотел бы никогда. За шумом воды, за биением стихии о камни, точно проскальзывало что-то. Что-то, чего точно не могла издавать вода, что-то, что точно не было шумом ветра или скрипом деревьев — что-то глухое...

Лишь спустя десятки секунд — безумно ценных и жизненно важных секунд, я понял, чем это было. Глухие ритмичные стуки, раздающиеся со стороны леса были чьим-то грозным и тяжёлым шагом, приближающимся к нам. И лишь одно обстоятельство говорило о том, что это был не человек: стуков всегда было четыре.

— Даниель... — отозвался я. — Ты сейчас сможешь провести нас по мосту? — тот вновь не реагировал, остолбенев. — Даниель!

— Я!.. Да. Думаю, да.

— Тогда медленно и очень тихо идём к нему. Не разрывайте кольцо.

— В чём дело, мужик? — ткнул меня Сэм локтем в спину. — Какого вообще хрена?

— Шаги. Вслушайся.

— То есть ты реально хочешь сказать?..

— Да — медведь.

Круг тут же дёрнулся — Рональд, побледнев, словно сам снег, пытался ускорить ход и вырваться из хватки Джорджа.

— Сейчас не время, Рональд!

— Ты же знаешь... Знаешь, чёрт побери, что я не могу себя...

— Тогда пытайся сильнее! Мистер Фогг, — обратился он шёпотом, — вы уверены, что это не человек? Я тоже слышу шаги — да, но...

— Вы правда хотите это проверить?!

Он взглянул на меня со всей строгостью, присущей начальникам, но молчал. Молчал и смотрел, пока я не увидел в нём страх и не понял, что он глядит позади меня.

— Джордж? — спросил я того, не оборачиваясь.

— Вы правы. Держите Рональда крепче и давайте ускорим ход.

Нам везло. Несмотря на всё то, с чем мы столкнулись ровно за секунду, нам везло — ветер дул в нашу сторону. Возможно, я и не был биологом, не был знатоком охоты, но, как гласил один старый фильм: «Подкрадываться к индейцу нужно так, будто крадёшься к животному — с подветренной стороны». Хотя бы ветер был всё ещё за нас.

Медленно, даже слишком, как казалось тогда, передвигаясь к реке, каждый из нас всё смотрел в туман, вглядываясь в него, словно в видение собственной смерти. Я всё не мог разглядеть то, что же увидел Джордж — сколько ни пытался вглядываться, не видел и тени того, что вызвало бы тот ужас в его глазах. Словно страх Рональда передался ему и усилился во многие разы. Мне лишь удавалось слышать те самые шаги. Громкие, грузные, опасные шаги; ощущать то, как с каждым миллиметром пройденного расстояния наше кольцо становилось всё менее и менее плотным. Через целую вечность река, находившаяся от нас в паре шагов, наконец показалась нам.

— А сейчас мы должны...

Но кое-что не дало Даниелю договорить — рык. Самый громкий, самый сильный в моей жизни рык. Клянусь честью, если бы меня позже под протокол спросили, откуда я услышал тот невыносимо свирепый и протяжный рёв — я бы вытянул руку всего лишь наполовину и указал прямо на точку рядом со мной.

— Бежим!

Первым сорвался именно Уэйн, и это было единственным, в чём я был уверен. Как

только он побежал, Дэн тут же рванул за ним. Неясно было то, собирался ли он его остановить, потому что тот побежал в неправильную сторону, или же наоборот — обогнать на верном пути и повести дальше, но причин медлить не было ни у кого.

Шум лап. Сквозь грохот реки, сквозь крики, сквозь панику я слышал его. Слышал отчётливо, словно был на войне, словно весь мир замер в ожидании того, куда же придёт этот шум, кого же настигнет. Пробираясь сквозь неприступную серую стену и проталкивая других вперёд, нужно было смотреть всего за двумя обстоятельствами: чтобы ни один неразличимый силуэт из бегущих впереди не свернул, и чтобы шум, чтобы жар от дыхания, преследующий моё ухо, не подобрался слишком близко.

— Бегите! Бегите, блядь! — всё раздавалось впереди из-за стены.

Но нельзя было слишком спешить, нет. Если быстро бежать от смерти — можно её раззадорить. Нет — со смертью нужно быть внимательным и уважительным. Первое и главное, чему учат бойцов при штурмах зданий, первое и единственное, что спасёт твоего нерадивого напарника от смерти, если он зазеваётся — привычка смотреть под ноги.

Шаг, шаг, шаг, шаг — каждый мог стать роковым. Правой, левой, правой, левой... В тот момент не было узких коридоров, не было растяжек, но была влажная земля, были мокрые, отточенные и отполированные до идеальной гладкости камни, скользкие участки пожухлой травы и рык смертельно опасного хищника позади. Нельзя было давать смерти повод себя забрать. Нельзя было позволять ей взять кого-либо ещё. Ведь... в этом и была моя работа.

Но одна мысль не давала мне покоя — всякий раз, как я врезался в спину Джорджу, она мне говорила: «Без него ты можешь бежать быстрее». Это была предательская мысль. Мысль дезертира. А я не был дезертиром.

Нам всё ещё везло. В самом котле ада, в самом свидании с призраком нам везло — это наверняка был тот самый израненный, побитый самой жизнью и попытками дать ей бой косолапый. Как я это понял? Благодаря одному лишь мгновению — когда «мистер Смит» упал, а мне удалось его поднять. Это был почти рефлекс, почти столп мышления, состоящий в том, что команда — это ты сам: я увидел его, распластавшегося на коленях, и одним рывком подкинул на ноги, бросил вперёд, чтобы бежал дальше. Скорость лучших в мире бегунов — двадцать пять миль в час, скорость медведя, бегущего за среднестатистическими нами — больше нашей. Уверен, если бы тогда за моей спиной был здоровый и молодой зверь — там бы мы двое и остались, у той чёртовой мокрой травы у речки.

— Спа... Спа!.. — пытался выговорить Энтони слова благодарности, но на то не было времени.

— Заткнись и беги!

Через вечности, через самые настоящие вечности адреналина, паники и попыток сконцентрироваться посреди них, показался мост. Вернее, даже не показался — лишь Даниэль оповестил нас своим истерически-радостным криком о том, что жизнь была близко.

— На мост! Быстрее, быстрее!

Сэм тоже остался на берегу, направляя нашу группу вперёд. Чёртов смельчак, а?.. Может быть, он и не служил в армии, но вот ощущение братства и единства, чувство долга и ответственности у него точно было. Наши взгляды столкнулись, и я тут же осознал, что он, как и Джордж, глядел куда-то позади меня.

Завидев, что остались только мы со Смитом, гид и мой напарник тоже взбежали на мост. Топот не отставал ни на секунду, не сбавлял, но и не нагонял ровно настолько, чтобы

бояться оборачиваться на него. Меня безумно терзало любопытство — да, но ещё больше — страх того, что если я обернусь, то мой шаг станет на йоту медленнее.

Как только доски закрипели у меня под ногами, ко мне тут же пришло ощущение, что вот оно было — спасение. Старое дряхлое дерево под моими ногами едва выдерживало меня или, что вообще чудо, мистера Форварда — медведь точно провалился и запутался бы в верёвке, отдавая себя течению. Но, к сожалению, у меня были и другие знания: медведи — отличные пловцы. И лишь то самое чудо — ранение — что не позволило ему нас догнать, могло не позволить ему плыть. Или могло бы... Но пытаться удачу не хотелось.

А пока я думал, всё осматриваясь по сторонам, у меня из-под ног ушла земля.

— Чёрт! — вскрикнул я и повис в воздухе.

Наверное, это вырвалось из меня рефлекторно — точно помню, как подо мною треснула одна из досок, а дальше я уже висел над рекой, пока меня держала чья-то рука. Подняв голову, я увидел не Сэма, которого ожидал увидеть, но Смита, чьи зубы трещали от напряжения, а худощавое тело дрожало как осиновый лист.

— Один-один! — едва выдавил из себя тот. — А теперь поднимайся и давай бежать дальше!

В тот момент я и оглянулся. Сквозь мглу на той стороне моста мне открылись два жёлтых глаза животного, стоящего на двух лапах. Он был высоким. Нет — очень высоким. Выше трёх, а то — и четырёх метров. И этот рык... это дыхание — оно доносилось до меня даже там, даже тогда, когда мои уши глохли от биения моего собственного сердца, а всё остальное время по ним беспощадно била река.

— Куда ты пялишься, персонал?! Думаешь, у тебя есть время, чтобы глазеть?!

Очухавшись, я схватился за локоть Энтони, а затем, подтянувшись, и за плечо — у него явно не было сил, чтобы поднять меня. Стоило мне оказаться на ногах, как взор вновь устремился в ту же точку — на всё те же два глаза. Они завораживали своим страхом. Само животное завораживало и пугало из-за своей... сознательности. Оно не пыталось плыть, словно знало, что нельзя бежать — лишь стояло и смотрело на нас.

— Пошли, — ударил меня по плечу спелеолог. — У меня нет желания потеряться здесь из-за вашей общей паранойи... Ещё и в такой компании-то.

Когда оцепенение всё-таки прошло, я взглянул на Смита и понял, что тот выглядел совершенно спокойно — не было ни тени страха, ни какой-либо паники — он просто быстро шёл, стараясь всматриваться вперёд. Он тоже воевал? Или... Тогда... Откуда вообще такое самообладание?

Выбежав, мы застали всю нашу команду, ожидающую нас у моста. Сэм и Джордж были напуганы, а на Рональде и Даниеле вовсе не было лиц.

— Я же, блин, говорил — они выберутся!

— Мне просто почудилось, что доски треснули, Сэм. Я не спорил с вами — я лишь...

— «Они наверняка упали в воду», — мой напарник сделал более низкий голос, пародируя главного, — я так и понял, что вы не спорили со мной, Джордж, я так и понял.

— Мы можем, блядь, продолжить бежать?!

— Согласен! Товарищи исследователи, нам лучше!..

— Стоять!

Смит вскричал настолько громко, что даже лес не поглотил всё эхо. Придерживаясь за запястье руки, державшей меня, он сошёл с моста и, весь вспотевший и красный, со всей злостью и непониманием уставился на команду:

— Кто-то в этом треклятом мире вообще может мне объяснить, — он оперся на одно колено, переводя дыхание, — почему шестеро здоровых мужиков побежали как последние истерички, заведя перед собой лося?!

Мы все устали на него, словно ошалелые. На выражении лица каждого был написан его собственный букет эмоций, но одна из них, как по методичке, была у каждого — непонимание. И так в той беззвучной и всё ещё опасной мгле время и ускользало от нас, пока наконец не заговорил Джордж:

— Значит, не показалось...

— Что?! — резко перевёл на того взгляд Уэйн. — Джордж, какого хера?!

— Рык... Крик этого животного действительно показался мне слишком высоким для медвежьего.

В какой-то момент между нами стеной встала очень странная, неясная тишина. Ни я, ни, думаю, кто-либо другой не мог понять: а что было правдой? А было ли хоть что-то?

— Вы, суки, издеваетесь, что ли?! — почти завопил Рон. — Я, блядь, на всех парах щемил от этого четырёхдыблядского медведя! Я видел его почти впритык, мать вашу, и практически поседел из-за этого! А теперь вы мне говорите, что!..

— Я тоже видел, — отозвался Дэн. — Большой самец, действительно сильно израненный.

— Да вы все крышей поехали, — не сдавался «мистер Смит». — Я могу поверить в медведя, но в медведя с рогами...

— А какого хера ты сразу не сказал, если всё видел, выскочка?!

— Какого?! Да потому что!.. Потому что, — выдохнул он, — вы все стали паниковать. Я не видел его, пока был зажат в круг — это да, но вот когда мы все рванули, то я чётко увидел чёртовы рога. И бежал я не за компанию, — остановил он открывшего рот Рональда, — а чтобы не потеряться в неизвестности с опасным травоядным. Надеюсь, то, что разъярённый лось представляет ту же опасность, что и голодный медведь, достаточно очевидно, чтобы я это даже не озвучивал?

— Давайте так, — предложил я, — к мосту подойдут все те, кто видел медведя, а напротив встанут те, кто считает, что это был лось.

Даниэль и Рональд тут же встали ко мне. Мистер Форвард и «мистер Смит» — напротив меня. Сэм остался посередине, оглядываясь по сторонам.

— Сэм? — окликнул я того.

Он ещё раз взглянул то на спелеологов, то на нас, а потом молча сделал шаг вбок.

— Это, блин, всё херня какая-то. Конечно, ведите мою мать в кино, если я хоть раз в жизни слышал или вообще видел медведя или лося вживую, но не кажется вам всем, что мы сейчас маемся совсем не тем, чем должны?

— Но всё-таки, Сэм? Что вы видели?

— Да ни черта я, блин, не видел. Если главный сказал встать в кольцо — на то есть причина. Это зовётся доверием в команде, знаете ли. Рык слышал. Чей — чёрт его знает.

— Тогда у нас три к двум, — подытожил я.

— Это бессмысленно, мистер Фогг.

— Знаю, мистер Форвард. Но споры лучше закрывать. В любом случае, мистер Смит прав: разъярённое травоядное таких размеров, уверен, не менее опасно, чем голодный хищник. Одно но: медведи неплохо плавают, так что...

— Так что, иметь вас всех по очереди, давайте уже двинемся! Стоим тут как полные

идиоты — неужели нельзя просто решить всё это позже?! Нет, блядь, они стоят и чё-то там... — брань и возмущения продолжались даже после того, как мы всё-таки пошли.

Нельзя сказать, что вся последующая дорога прошла спокойно. Более того: каждый был настороже сильнее, чем когда-либо до того. Я не знал, было ли сказанное Энтони попыткой всех успокоить, но зато точно понимал — помнил, что в тот момент, когда он схватил меня за руку и посмотрел на другую сторону моста, ужаса в нём было слишком много для просто увиденного лося.

— Мистер Смит? — подозвал я того к себе в конец колонны. — На пару слов.

Как и раньше, в нашей группе поддерживалось практически полное молчание. Даниель был занят ориентированием на местности, Рональд и Джордж дулись друг на друга из-за различия в версиях, а мы с Сэмом были просто отделены колонной. Но рядом со мной шёл Смит, и моё любопытство становилось всё сильнее и сильнее.

— Скажите, мистер Смит...

— Давай просто «Смит», — хрипло ответил тот. — Официоз после того, как мы друг другу шкуры спасли, лишним кажется.

— Хорошо. Скажи, Смит... Ты правда видел там лося? В том?.. — он не отвечал. — Я просто подумал, что твоё выражение лица, когда ты посмотрел на берег...

— Если официально, то я уверен, что это был лось — медведь наверняка бы нас нагнал. Но если между нами — должниками друг другу, то я не знаю, что видел, — он посмотрел вперёд себя и будто погрузился взглядом в туман. — Когда обернулся, то увидел лишь силуэт, стоящий перед мостом, лишь размытую тень того, что бы там ни было. Для животного это очень умно — знать, когда остановиться, несмотря на отчаянное положение. А ты? Ты можешь быть уверен в том, что это был медведь?

И вот тогда я действительно задумался. Могло ли быть то, что я видел, лишь иллюзией моего мозга? Лишь двумя слабыми солнечными лучами, пробившимися из-за туч? Всякий раз, когда пытался вспомнить, воображение искажало картину. Будто бы на самом деле не видел правды, а верил в любую собственную ложь, даже в самые надуманные воспоминания и образы.

— Н... Нет. Я не могу быть уверенным в том, что видел.

— И это очень хорошо, Фогг, — я уставился на него с абсолютным недопониманием. — Хорошо, потому что если бы это был медведь, и он нас не догнал — значит, это был тот самый, что встретился нашему проводнику на дороге. Знаешь, сколько отсюда до этой дороги? Сколько времени потребовалось бы медведю? Сколько выносливости? Пускай мнения у нас всех и разное, но кое-что общее, уверен, есть: никто из нас не хотел бы иметь дело с медведем, без усталости бегущим со скоростью грузовика и точностью автопилота Теслы.

Нельзя было отрицать долю истины в его словах. Я не подумал об этом во время паники, но да — шансы встретить того же самого медведя были чрезвычайно низкими, невозможными.

— Но учти, младший обслуживающий персонал, — заговорил он в своём привычном тоне. — Если вдруг тебе и твоей любознательности захочется высказаться в какой-нибудь... подходящий для этого момент, то окажется, что мои слова, как и долг перед тобой за моё спасение, были лишь твоей выдумкой.

— Мог бы и не говорить.

— Судя по общему уровню соображения нашей команды, нет — не мог.

Нужная нам деревня была расположена у реки Кросс-Крик — ещё более мелкого потока воды, чем Сквирел, чьи воды омывали старый посёлок. Спрятанный в густых вечнозелёных лесах, он едва-едва издавал шум, так что, хоть и увидеть его нельзя было из-за деревьев, сложилось впечатление, что то был и вовсе очень мелкий ручеёк.

На дворе было пять часов после полудня. Должно было начать вечереть, но полно — только цвет неба поменялся с серого на тёмно-серый. Поднимаясь вверх по течению, мы то и дело слышали всякую живность из бесящей и пугающей нас белой пелены. Сколько себя помнил, туманы всегда сходили быстро. Появлялись утром — когда тебя ещё по старой рутине подкидывало в шесть без явной на то причины, и ты просто смотрел в окно, а пропадали уже в восемь, но не на Аляске... Чёртов «последний рубеж»...

— Кто идёт?

На нас из границ леса с осторожностью шепнул хриплый, будто влажный старческий голос.

— Свои, Амарук, — отозвался Дэн. — На рыбалку собираешься?

— А, Даниель... Ты всё-таки принял мои речи про Обитель?

— Нет, я ещё не настолько выжил из ума, старик, — улыбнулся тот в серую пустоту, обнажив жёлтые зубы. — Но вот мои друзья хотят и будут очень рады исследовать эту твою Обитель как вдоль, так и поперёк.

— Верно. Моё имя Джордж Форвард, а это — моя команда.

В ответ начали раздаваться шаги. Неспешные и тихие, будто бы их владелец плыл по воздуху, они не задевали собою ни одной ветки на земле, не заставляли шуршать ни один лист. Правду говорят: настоящего охотника можно отличить уже по ходьбе.

К нам вышел сгорбленный старик среднего роста, одетый в бурую кожаную накидку. Так сразу нельзя было сказать, сколько именно ему было лет, но торчащие седые локоны, зачёсанные назад, редкая и острая щетина на подбородке, куча морщин на впавших щеках, и сам возраст, давящий ему на вечно полузакрытые глаза и густые брови — всё это говорило только об одном: обладатель того лица был очень-очень стар.

Он обошёл каждого из нас, игнорируя жесты приветствия. Словно пёс, обнюхивающий новоприбывшего гостя, он глядел на нас, вглядывался, внюхивался, искал что-то так, будто знал, что точно должен был это что-то найти. И лишь потом, спустя многие секунды неловкой тишины и закрепления за ним титула «чокнутый старикан» на веки вечные, он встал перед нами и, высоко подняв голову, пожал руку главному, произнеся своим широким ртом лишь собственное имя:

— Амарук.

— Что... это... блядь... было? — очень медленно выговорил Рональд, смотря на старика из-за плеча.

— Я лишь осмотрел вас и убедился, что дух не нанёс вам никаких ран.

— Какой к чёрту дух?

— Тот самый, что заставил вас бежать, не единожды падая, путаясь в собственных шагах и мыслях — этот дух. А теперь пойдёмте. Кажется моим старым костям, что время не для рыбалки.

Пока мы шли по лесу, меня не покидала одна простая, но ничем не подкреплённая мысль: «Что-то в этом старике не так». И дело было даже не в вызывающем поведении или

взгляде, полном холода и безразличия, нет — было что-то ещё.

Мы вошли на территорию деревушки, и, должен сказать, ничего не изменилось внутри меня — всё тот же туман окутывал всё те же почерневшие стены редких домов, вся та же тревога пронзала до самых костей, а над исчезнувшей землёй, будто шпиль горы, парил тоже почерневший деревянный крест — верхушка небольшой местной церкви. Всё выглядело обветшалым... Нет. Всё выглядело заброшенным.

Ах, да — ещё люди. Они пугали даже сильнее. Слабо заметные, медленно текущие во мгле силуэты. Как и Амарук, они были очень немногословны и безумно тихи — молча шли по воздуху, будто бы плывя в вязком молоке. И ещё их глаза — возможно, это было лишь отражение той мглы, но создавалось стойкое ощущение, будто бы все они были слепы, будто бы холод, окутывающий Аляску зимой, проморозил и их глаза, заледенил их души. И даже приветствием был только лёгкий кивок. Клянусь, замри обитатели той деревушки на месте, и я бы тут же принял их за стволы деревьев, за чучела, стоящие у грядок в своей невзрачной одежде, но нет — это были живые люди, это были силуэты живых людей.

— Располагайтесь.

Дверь со скрипом открылась, впустив нас и туман внутрь дома. Там было всё ровно так, как я и предполагал: стены из тёмных посеревших брусьев, куча выцветших тряпок, ковров, скатертей на полу и стенах, защищающих ту хибарку от холода, на редких окнах — тёмно-белые, почти прозрачные гардины, висящие на непрочной ниточке, и кругом она — пыль, несущая в себе запах времени.

— Вот уж не думал, что застаю тебя в этом доме снова, — сказал Даниель идущему впереди Амаруку.

— Я здесь лишь до того времени, пока не построят алтарь.

Должен признать, со спины он сам походил на какого-нибудь старого хищника — накидка, точно сшитая из шкуры медведя, воротник из какого-то тёмного пушистого зверька, сами волосы, похожие чем-то на дикую волчью шерсть... Его точно нельзя было назвать человеком современным.

— Алтарь? То есть Тек не врал, когда говорил, что?..

— Юный Теккейт слишком много болтает.

Мы вошли в небольшую комнатку, играющую роль гостиной. У окна с крестообразной деревянной рамой стоял старый стол, накрытый какой-то клеёнкой, у него — два стула и один табурет. Все стены были увешаны разными картинами или фотографиями, стёкла в рамах коих настолько запылились, что уже было невозможно разглядеть содержимое. Но также там были и символы старой религии — какие-то полотна с узорами, образы странных звереподобных существ, скрывающихся в лесах, различные символы из дерева или нитей.

— Ты же знаешь, что об этом думает...

— А ей-то какое дело? — старик взял с полки бледно-красный кувшинчик и, открыв его, наполнил комнату ароматом трав.

— Большое, Амарук. Она — мэр, а я — её муж. И наша задача...

— Ваша задача... — оглянулся он. — Кайана. Ты же не чувствуешь власть своей жены здесь, верно? Не чувствуешь свою собственную?.. Кто бы вообще мог подумать, что сын Адралтока и Атаксаки, пускай и названный колониистским именем, будет пресекать его истинную веру...

— Не начинай. Ты — единственный, кто не прошёл через сиккитик из наших.

— Бред! — оскалился старик. — Ваша проклятая демографическая статистика не

учитывает многих из нас.

— Не разделяй наш народ на «вас» и «нас». Даже если так, сколько здесь, по-твоему, «наших»? Оглянись — многие уже давно белые, как снег, а больше половины и вовсе смешанные. Даже твой сын...

— Не смей заикаться о моём сыне! Как ты можешь говорить всё это даже после того, что вы все!..

Тот ударил по столу кувшином, и дом накрыла тишина.

— Алтарь... — продолжил он. — Будет построен. Хочешь ты того или нет. Твои боги — это сказки. Мои же духи снизошли ко мне.

Даниель посмотрел на того со всем возможным презрением. Думаю, ему точно было что ответить. О, судя по продолжительному молчанию, у него было много того, чем он мог ответить, но нет — лишь выпустив свою ярость из себя громким выдохом, наш проводник покачал головой и направился к двери.

— Как знаешь, — его медленный шаг и тембр голоса говорили куда больше, чем он мог бы сказать словами. — В конце концов, я и так в курсе, что ты с высоты своего возраста не внемлешь моим советам.

— Если смеешь напоминать мне о!..

— Я ничего не смею, старый мудрый Амарук, нет — просто констатирую факт. Где Тек? — Дэн застыл у двери.

— Разумеется — в церкви, — тот высоко задрал подбородок. — Юный Теккейт тоже участвует в...

Но дверь захлопнулась, так и не дав старику договорить. Он всё молчал, смотря то на дверь, то на кувшин, то на нас. Нечасто в жизни мне доводилось чувствовать себя настолько нежеланным.

— В общем... — попытался начать Джордж.

— Не надейтесь, что этот разговор никак не относился к вам, — он всё ещё держался за бледно-красный кувшинчик, словно за уплывающий оплот здравомыслия. — Вы не лучше, чем он. Вы здесь чужды. Они вас здесь не ждут. Если ваше правительство, что мнит себя хозяином этих мест, решило позволить вам опорочить Обитель — так и быть. Но наши обычаи вам придётся соблюдать. И то, как здесь к вам будут относиться, не регулируется ничем, — оглянулся он на нас и тоже направился к выходу. — Ни вашим богом, ни вашим правительством.

Покинув нас, Амарук оставил после себя только дребезжание окон от удара петель входной двери. Слои пыли, поднявшиеся в воздух, начали курсировать помещение из «оттуда» в «туда», поражая своей бесцельностью.

— Потрясающее, блин, отношение к приезжим.

— А вы ожидали другого от инуита, Сэм?

— Я ожидал другого от человека в принципе, — в ответ мистер Форвард рассмеялся искренним низко-хриплым смехом.

— Надеюсь, что вы никогда не покинете США — традиции гостеприимства некоторых народов поразят вас до смерти.

— Но Даниель — инуит, — поддержал я напарника. — И вот этот старик — инуит. Почему такое?..

— Поддерживаю, — кивнул Рональд. — Даже мужичьё за полярным кругом дружелюбнее будет.

— Ну, это просто объяснить господу — нам везёт.

— Охренительное, блин, объяснение.

— Дело в том, что из примерно тридцати тысяч инуитов, оставшихся на территории Аляски, нам попался человек из «старой школы».

— А-а-а-а, — потянул Рон, — ты про...

— Если кратко — это воспитанник школ пятидесятых-шестидесятых годов. Тогда правительства Канады и США всеми силами пытались окончательно подавить самоидентификацию эскимосов как отдельного народа. Большинство из них и так уже было христианами, но вот принудительное переселение и обучение в школах целило именно в вопрос самосознания.

— Так себе получилось, мистер Форвард.

— Именно. Те же ученики, вернувшись домой, начали бороться за права своего народа, так что...

Следующие несколько часов мы провели в прослушивании исторического да культурного прошлого местных народов, пока Даниель, где бы он ни был, точно не торопился. Исходя из тех самых историй, нам действительно везло. Впрочем, казалось мне, дело было вовсе не в том, к какому народу принадлежал Амарук — мудаки всегда были и будут интернациональным явлением.

Но через несколько часов, когда уже начало смеркаться, когда разговоры медленно перетекали в тягучее молчание и пустоту, всё ещё ничего не менялось — ни Даниеля, ни того старика всё ещё не было. Причём сколько у каждого из нас не возникало возможности выйти и проверить — когда очередная тема беседы изживала себя — никто этого не делал. Словно сбежать то ли от медведя, то ли от лося, то ли от призрака так и не удалось, словно он всё ещё был там, в той серой мгле, словно он сам был этой мглой. И только они — свыкшиеся со смертью и одиночеством люди, не чувствовали её присутствия.

Речь шла даже не о Даниеле, что, без шуток, смело покинул нас в поисках своего товарища. Речь шла скорее о таких, как Амарук — действительно холодных, безразличных ко внешним обстоятельствам. Если забыть о его характере, то его нрав, его внутренняя сила были просто поразительны — он сумел пронести веру в то, во что все верить отказались, сквозь декады, сумел противостоять миру даже тогда, когда мир начал противостоять в ответ. Но его цель... Нет, нельзя было абстрагироваться от того, кем он являлся, нельзя было им восхищаться или даже просто уважать за выбор. Ведь... Жертвоприношения, детоубийства, странные чудовища и чрезвычайно жестокие наказания и законы — это явно не то, к чему следовало бы возвращаться. Это явно не то, как стоило бы жить — жить прошлым, жить сказками.

— Тони? Эй, Тони, ты вообще слушаешь? — голос Джорджа начал пробиваться ко мне в мысли сквозь тишину. — Тони!

Смит резко обернулся, отвернувшись от окна. Его голос звучал по-другому — очень тихо и удивлённо, будто бы он был загипнотизирован тем, что происходило снаружи.

— А?

— Я говорю: что думаешь?

— Я?... Я не... Скажи, а тебе не показались все эти люди каким-то... странными?

— Люди?

— Ну да — те, что снаружи. Сколько ни смотрю на них — они всё бродят. Так тихо. А ещё их глаза...

— Ты о чём? — он встал со своего места и пошёл к окну. — Здесь не должно быть... А... Действительно. Странно.

В тот момент уже все были обращены на него и окно рядом с ним, все смотрели на те мрачные, почти неразличимые тени, полутона тумана.

— Что странного?

— Эмма в телефонных разговорах говорила мне, что деревня рядом с пещерой заброшена. Мол: что это всё — лишь плод сумасшествия какого-то шамана, потерявшего всю свою деревню вследствие наводнения.

— Как, блин, понимать «плод сумасшествия»?

— Это... Не важно, — помедлив, ответил мистер Форвард. — Я бы не стал воспринимать это, как правду. Тем более, если вот они — люди.

— Люди, с которыми что-то не так, — подправил я.

— Это, блядь, точно. Ещё и тот чёртов старикашка — сначала обнюхал всех, словно собака, а потом ещё и за «обитель» втирать начал... Вы же поняли, что он?..

Дверь отворилась. На пороге стояли Амарук, опустивший голову и держащий руку на плече Даниеля, и сам Даниель, в чьих глазах был неестественный, нечеловеческий страх.

— Всё в порядке, Дэн? — осторожно спросил я того.

— Вам нужно будет пройти с ним, — указал он на старика.

— В чём, блин, дело, Даниель?

— С ним, — вновь повторил он.

— Юный и глупый Даниель, — Амарук не двигался с места и не поднимал головы, всё больше и больше походя на ожившую мумию, — уверовал. Увидел. Увидел и поверил в то, что вы все видели, во что вы все верили, но так боялись признаться. Если вы и вправду хотите пойти в Обитель — вам придётся пройти со мной. Придётся пройти ритуал, что избавит вас от вашей наивности. Так что...

— Да? А если мы не захотим принимать этот религиозный бред?

Тот остановился и, смотря на Энтони, какое-то время молчал. Хотелось бы пошутить о том, что в любом другом штате Смита упекли бы уже за оскорбление чувств верующих и забанили в Твиттере, но атмосфера явно была не для шутки. Одно дело иметь своё мнение — в этом нет ничего плохого. Другое — вызывать им конфликты — такого делать нельзя. Жизнь, как и политика — это игра в лезть с выгодой для себя.

— Ты считаешь то, от чего ты бежал не так давно, бредом, чужак? — в тоне голоса появилось явное раздражение.

— Верно. Я могу поверить в израненного вами же медведя и в то, что у кого-то была слишком тонка кишка его добить, но не в ваши ритуалы. Знаешь, как я стал атеистом, старик? Я прочёл Библию, — голос того был абсолютно спокойным, хотя он тоже понимал, что что-то было не так. — И больше, чем лицемеров и идиотов, я ненавижу людей, прикрывающихся за догмами, за религией. Вы мне отвратительны. А ситуация у вас здесь явно не для плясок с бубном. Вот, что я тебе скажу: мы сейчас просто пойдём к нужной нам пещере, задокументируем всё и уберёмся отсюда, чтобы ты мог проводить свои свистопляски в гордом одиночестве, как и многие декады раньше. Что ты на это скажешь? Что сделаешь, а?

В тот момент он поднял руку и легонько ударил Даниеля по плечу. Ничего не произошло. Он оглянулся назад в туман, и хлопок повторился с большей агрессией, а уже ровно через мгновение послышался свист, а ещё через одно в ногу нашего проводника

торчала стрела.

— Остаться на местах!

Он очень быстрым для старика движением вынул кривой нож из-за пояса и приставил Дэну к горлу. Через несколько секунд из тумана показался рыжий и очень бледный парнишка, держащий наготове деревянный длинный лук.

— Что же я сделаю?.. — повторил он вопрос и, наконец, поднял голову. — Я буду настаивать.

Глава 4. Анимизм Воплощённый

— Какого хрена?!

Сэм почти подпрыгнул со стула, откинув тот в сторону, и уже было рванул к Даниелю.

— Ч-ш-ш-ш, — Амарук лишь ещё сильнее вдавил нож в горло нашему проводнику. — Сказано было: не дёргаться.

Дэн, стиснув зубы и прокусив губу, всё пытался посмотреть на своё простреленное колено. Не хотел бы я даже представлять, что за боль он испытывал, но я знал о подобной слишком хорошо.

Учёных парализовало — замерев в остолбенении, они уставились на инuitов дикими, полными непонимания и отчаяния взглядами. Их можно было понять — ситуация из спокойной резко превратилась в ту, к коей не привык обычный человек: их лишили зоны комфорта, сузив её до минимума, их заставили подчиняться против воли, забрав все свободы, их инстинкты внушали им страх, повторяя, что ради безопасности нужно просто сорваться и бежать прочь. Да, их точно можно было понять.

Пока не появился лучник, у меня даже была мысль о том, чтобы бросить кувшинчик с травами в голову нашему не умалишённому шаману и поскорее захлопнуть дверь. Но кроме того, что времени, чтобы сделать это, так и не хватило, это было бы чистой воды самоубийством — быть окруженным в деревне вдали от цивилизации. Хотя... Кто мог знать, было ли самоубийством не сделать так?

Из тени тумана спустя несколько секунд показался и сам чёртов стрелок — рыжий, высокий и белый как само молоко парнишка лет двадцати, широта чьих бёдер явно говорила о наличии какой-то болезни, стёршейся из моей памяти. Взглянув на нас широко открытыми голубыми глазами, он замер, как те же учёные, и уставился прямо на Сэма, всё ещё стоящего наготове.

— Теккейт, — приказным тоном обратился старик, — возьми самого воинствующего из чужаков под нож. Я возьму его, — указал он лезвием прямо на меня.

— А что остальные?

— А остальные... потащат предателя.

Как только Сэм подошёл с поднятыми руками к рыжему, тот приставил ему к горлу небольшой охотничий нож, а старик бросил нашего проводника прямо на учёных. Остриё стрелы сломалось при падении, Дэн завыл.

— Берите это животное и идите вперёд. Можете нести его вдвоём, можете — втроём. Если будете идти нарочито медленно, или один из вас окажется таким же подлым лисом, как этот сучий сын — умрут все. Ты, молчаливый чужак, пойдёшь со мной. Правила про медлительность и побег тебя тоже касаются.

Подняв руки, я, смотря прямо на врага, осторожно пошёл вперёд. Чёртов старик. Чёртов

сын старика. Нужно было попробовать идею с вазой. Попробовать что-нибудь другое. Попробовать, чёрт побери, хоть что-то, чтобы не оказаться бараном на бойне, к голове которого невинно приставляли пистолет со стержнем, и, нашёптывая ласковые слова, нажимали спусковой крючок. Но нет. Но, блядь, конечно, нет...

Дверь отворилась, туман тут же ударил в нос свежестью и влагой. На дворе уже давным-давно потемнело. Силуэты треугольных крыш смешались с верхушками гор в темноте, высокие деревья стали вытянутыми, извращёнными воображением чудовищами, пытающимися съесть луну, и лишь фигуры редких людей — убийц, мелькающих в дымке, никак не изменились.

— А если... — заговорил испуганным шёпотом лучник. — А если они не одобряют всего этого, пап?

— Ступай смело, юный Теккейт. Если в твоём сердце, в тебе самом будет искреннее желание — они одобряют, — но сам старик тоже не горел желанием двигаться.

— Дохрена ты выёбисто говоришь для того, кто стоит на месте, — Рональд, в одиночку держащий под руку Даниеля, вышел из домика.

— Лучше закрой свой рот, чужак, а не то...

— Не то что? Твой грёбаный сынуля и мне колено пробьёт? Что вам от нас нужно, а?!

Амарук, резко повернув корпус, приставил нож прямо к горлу геолога и, посмотрев на того со всей возможной для прожившего жизнь отшельника ненавистью, произнёс:

— Чтобы вы молчали и шли вперёд.

С лица Рональда не спадала улыбка, больше похожая на оскал. Он пытался бороться, пытался казаться более сильным, нежели был на самом деле. Ему это удавалось.

— Давай пустим его вперёд, пап. Добрые намерения, плохие намерения — ты видел, что они сделали с Инуком.

— Инук теперь у Агуты.

— И что?! Ты видел, чтобы хоть кто-нибудь вернулся вместо него?! Как ты вообще можешь так говорить, когда речь идёт о!..

— Ладно! Ладно... Но вперёд пойдёшь ты, — после этих слов я почувствовал, как остриё лезвия ткнуло меня в спину через куртку. — Если захочешь увидеть свою команду живой — не побежишь.

— Почему ты вдруг решил?.. Чего мне?..

— Вперёд, — остриё ткнуло меня ещё сильнее. — Не заставляй смерть дожидаться.

Другого не оставалось — пришлось идти вперёд. Через страх... Нет, даже хуже — через незнание собственного врага. Человек, пробивший собственному собрату ногу стрелой, не стал бы бояться другого человека. По крайней мере, если бы тот был один. Так что это было?.. Медведь? Что похуже?

Я неспешно и осторожно зашагал к церкви — туда, куда кивком указал мне Амарук. Ступая так, будто в земле были закопаны мины, оглядываясь, будто в каждом доме была засада, а на каждом дереве был снайпер, внюхиваясь и вслушиваясь, будто по многоквартирному дому пустили газ, а я собирался дать смерти прикурить. Чего мог бояться такой, как Амарук? Чего мог опасаться?

«Хуже гибели только ожидание гибели», — сказал как-то какой-то мудрый и, по-видимому, живучий сукин сын. Он был прав. В тот момент, когда мой бок царапало лезвие, мой взгляд лишь искал, за что бы ухватиться — где же должно было произойти то самое изменение, влекущее за собой опасность? Но ничего не происходило. Деревья всё так же

трещали своими ветвями, в домах, кажущихся пустыми, всё так же не горел свет, а ещё были люди, всё так же бродящие вокруг.

И тут меня словно осенило: если и было что-то, о чём знал и чего боялся шаман, то был и шанс на то, что об этом знал Даниель. Я лишь на немного замедлил свой и без того крошечный шаг, чтобы оглянуться на того, но бесполезно — кажется, он отключился из-за болевого шока.

— Стой! — вдруг остановил меня старик, и мы замерли на месте. — Не шевелись.

Глаза бешено дёргались в поисках опасности. Вправо-влево, влево-вправо. Безумно быстро билось сердце, пытаюсь вырвать грудную клетку. Как бы ни пытался избавиться от страха — это инстинкт, нельзя избавиться от подкорки собственных мозгов, можно только подавить, но... и этого не получалось. Совсем не того я ожидал от вылазки в горы, чтобы настраивать себя на опасность.

Мы простояли так целую вечность, слушая давящую тишину, прерываемую лишь холодным ветром, пока я не увидел его — слабо заметный силуэт, летящий через дымку возле нас. «Какой-то житель?» — промелькнуло у меня в голове. Но почему приближающийся сосед заставлял старика, чьё лицо застыло то ли в злости, то ли в презрении, бледнеть?

«Деревня у пещеры заброшена, — вспоминал я тогда. — Лишь плод сумасшествия местного шамана», — но тогда... кем были все эти люди?

Как только силуэт начал приближаться, мой рот прочно закрыла рука, а остриё пробило куртку, оставив небольшое ранение на спине. Намёк был более, чем понятен — не издавать ни звука. Тень становилась всё ближе. Разгребая собою туман, она медленно плыла в нашем направлении. Ни звука шагов, ни амплитуды рук, ни даже... ни даже движения ног. Тогда я и понял, в чём была странность: люди,двигающиеся по деревне, не делали ничего, чтобы двигаться — они действительно «плыли» в тумане, лишь изредка покачиваясь из стороны в сторону.

И глаза. Чем меньше расстояния между нами оставалось, тем больше я понимал: мне не удавалось разглядеть ни одной черты лица, кроме глаз. Ни цвета волос, ни формы головы, ни выражения эмоций — чернота. Но только не глаза. О, их было видно более, чем хорошо. И ещё они казались круглыми. Слишком круглыми.

Ближе. Ещё ближе. Кем был этот силуэт? Чем он был?! Почему, сколько бы он не приближался, он не становился отчётливее?!

Позади меня вдруг раздался тихий, но очень быстрый шёпот на неизвестном мне языке — парнишка-лучник нашёптывал что-то, совсем не скрывая своего страха. Когда мы поравнялись с той тенью, клянусь честью, я не слышал ни дыхания, ни шума от ходьбы, ни даже шарханья штанин одна об другую — ровным счётом ничего. Да и он сам... прошёл мимо, словно нас и не существовало.

— Ёбаный... — не успел Рональд выговорить, как рыжий парнишка тут же закрыл ему рот.

— Идём дальше, — почти беззвучно прошептал мне старик, и мы пошли.

Шаг за шагом мы приближались к церкви, шаг за шагом многие тени, бродившие вдали от старой избышки, становились всё ближе, шаг за шагом непонимание того, что же всё-таки происходило в той деревне, росло.

— Они окружают нас, па, — быстро оглядываясь по сторонам, торопил шамана его сын.

— Не сбавляй шаг.

— Что за херня здесь вообще происходит?!

— Закройте рты, если жить хотите, и идите вперёд, — то был первый раз, когда с ним никто не спорил.

Сколько бы мы ни прошли, церковь, казалось, не приближалась — всё тот же старый деревянный крест витал над туманом ровно на том же расстоянии. Хотелось идти быстрее, хотелось бежать быстрее, но не было возможности — старик крепко держал меня за плечо, буквально впиваясь в него своими когтями через куртку.

— Эй, старикан, не хочу нагнетать, но твои ебучие дружки...

Мы оглянулись и увидели, что все фигуры застыли прямо позади нас. С того расстояния, что отделяло нас, невозможно было разглядеть, но готов спорить, готов поставить все деньги мира и своё звание, что в тот момент, когда мы посмотрели на них, они смотрели на нас.

— Хватайте предателя под руку и ускоряемся, чужаки, — всё таким же спокойным тоном ответил Амарук. — Побегите — умрёте.

Нельзя было придумать худшей ситуации, и дело было даже не в угрозе жизням или страхе неизвестности, нет — дело было в доверии врагу: некому было верить, кроме врага, так что приходилось подчиняться.

Двери церкви отворились и, как мы вошли, тут же заперлись. Изнутри здание казалось бы типичной католической церквушкой, если бы не одно но: куча фотографий на стенах. Самых разных: портреты мужчин, женщин, детей, стариков, фото с рыбалки, охоты, различные трофеи или просто приятные глазу пейзажи, мелькающие в тусклом свете восковых свеч.

Пыльные окна, пыльные скамьи, рядами идущие к пьедесталу с большим деревянным крестом на нём, комната пастора за всем этим — всё в том старом здании было таким, будто бы его не трогали целую вечность. Но было что-то другое — запах трав, смешанных друг с другом, характерный привкус сырости на языке. Да и... кто-то же зажжёт свечи, верно?

— Разбудите его, — ткнул старик на Даниеля, но никто не шевелился.

Учёные повалились у двери, как брошенные марионеточные куклы. Рональда одолевали настоящий страх и паника, Смита — непонимание и усталость, а Джорджа — одышка. И лишь один Сэм, пытаясь смотреть сквозь щель в двери, не уставал задаваться простым, но ни черта не риторическим вопросом:

— Что это за херня сейчас была?!

— Разбудите, я сказал.

Но никто и не думал двигаться. Ещё бы — погоня от медведя, ранение проводника, взятие в плен и странные... люди — этого всего было явно много для нескольких часов. Для одного дня или недели, месяца — этого всего было чертовски много для простых людей.

Глухой стук, и через мгновение в моей голове уже раздавался гул. То явно был не простой старик, старик с непростой жизнью — понимая, что я и Сэм были единственными, кто мог дать отпор, он быстро решил проблему, оглушив меня и не оставив собственную спину открытой.

Но именно там — на грязном, пыльном деревянном полу до меня и стало доходить: да, то действительно была простая католическая церквушка, построенная не католическим Амаруком. Странно было видеть шамана в таком месте, но ещё более странно было осознание, что он, якобы, возвёл это собственноручно. И если всё то место было «плодом сумасшествия старого шамана», то все те фотографии на стенах и люди на них... Это были

люди из прошлой деревни, из погибшей, исчезнувшей почти под корень деревни. И хуже этого осознания, хуже того, что за нами сейчас гнался непонятно кто, было понимание, что этого кого-то, по идее, не должно было здесь быть.

— Встань, изувер! — по пустому залу эхом пронёсся хлопок от удара. — Чёртов предатель!

— Полегче с ним, пап! Агута разберётся, предатель он или нет.

— Не оставлю я ему одному такого удовольствия! — тот вновь ударил Дэна по щеке. — Я хочу, чтобы это животное само видело низость своего неверия! Чтобы само познало вкус неправоты, что несло все эти годы за собой!

— Пожалуйста, — Джордж, держась за сердце, еле выговаривал слова, — объясните, что здесь происходит!

В тот миг Даниель и открыл глаза. Амарук с потрясающей для старика силой одним рывком поднял того с колен и, приставив тот самый нож к горлу, громко зашептал всем присутствующим ответ, после которого Дэн впал в настоящую панику:

— Агута вам объяснит.

— Ты... Да ты шутишь, старик, — попытался улыбнуться Дэн. — Шутишь ведь?

— Конечно, шучу, — на лице того тоже появилась едва заметная, больше похожая на жалостливую, улыбка, что тут же исчезла за жестоким взглядом. — С таким, как ты, он даже разговаривать не станет.

Затем последовал очередной удар. Упавший Даниель вновь завыл, но ударивший быстро заткнул ему рот и, вновь приставив лезвие к горлу, обратился к нам:

— Бежать отсюда без него — самоубийство. Если хотите прожить дольше, чем несколько часов — подходите по одному к моему сыну, он свяжет вас верёвкой.

— Да?! А как насчёт того, что один из нас просто грохнет тебя и твоего сынка, ублюдок?!

— Можете попробовать. Но будьте уверены, — он сделал на шее нашего проводника небольшой надрез, — моя рука будет быстрее ваших. Сядьте на первый ряд и не сопротивляйтесь.

— Не взду!.. — Дэн хотел что-то сказать, но не смог — холод металла, вжавшегося в его горло, остановил поток слов.

— В ваших же интересах не медлить.

Всех нас посадили на первую скамью — прямо перед небольшим подиумом с пьедесталом на нём. Через пыльные окна пробивался слабый лунный свет. Кажется, прошла целая вечность, прежде чем парнишка, вяжущий всем руки, дошёл до меня — кроме того, что он связывал руки каждому, он ещё и вязал нас между собой, будто бы мы действительно могли броситься бежать без проводника...

— Зачем ты это делаешь? — спросил его я, хоть и был уверен, что каждый спросил его о том же. — Просто послушание? Преданность отцу? — но тот молчал. — Ответь мне!

— Вы многого не видели, — стоило признать, что хоть на вид он и казался шестнадцатилетним не до конца сформировавшимся подростком, узлы он вязал очень хорошо. — Если всё получится — папа наконец сможет зажить спокойно. Как раньше — без ночных кошмаров, без постоянных плачей и выпивки... Без этой деревни, — он посмотрел мне прямо в глаза, силы в его взгляде было больше, чем я думал. — А этот шанс — всё, что ему нужно.

— Но в чём состоит этот шанс для тебя?!

— А вам... — он на миг оглянулся на своего отца и перешёл на шёпот. — Вам ещё не стало ясно? Всем вам? — он затянул последний узел жёсткой толстой верёвки и взглянул на нас поочерёдно. — Действительно — изуверы... Тогда и говорить не о чем — сами увидите, если не способны видеть сейчас.

Проверив всё, он ушёл, а эта фраза засела у меня в голове на ближайшие десять минут: «Если не способны видеть сейчас». То ведь была простая церковь: белые стены, деревянные окна, чёрный крест... Что, кроме кучи фотографий, могло выделяться?

Инуиты удалились в комнату пастора, оставив нашу группу наедине с самой собой. Если бы был день, я бы тогда побежал прочь, не задумываясь. Если бы знал, что нам предстояло — побежал бы. Но, нет — снаружи было темно, а мои незнание и непонимание только усиливались.

— Что они, блин, собираются с нами сделать? — Сэм, сидящий в другом конце ряда, не скрывал своих эмоций.

— Судя по реакции нашего проводника, персонал, ничего хорошего.

— Это, блядь, и дауну понятно, что ничего хорошего — что именно?! Джордж, твою мать?!

— Сердце... Сердце болит, — схватившись за грудь, отвечал тот. — Нельзя здесь умирать.

— Никто здесь не умрёт, не пизди!

— Да?! — выпучил глаза Сэм. — Тогда какого хрена они собираются с нами делать?! Что, блин, обычным эскимосам от нас нужно?!

— Заткнитесь на секунду, — вдруг прошептал Смит.

— Сам завали ебало! Сука, я же не один видел ту странную хрень снаружи?! Я, блядь, слепой на полтора глаза — да, — указал Рональд на свои очки, — но иметь меня во все места, если это был человек!

— А что ещё, блин, за хрень это тогда была, умник?!

— Заткнитесь, я сказал! Чувствуете это? — он громко вдохнул воздуха, подкрепляя эффект жестами. — Чувствуете?

На мгновение спор затих, оставив из звуков лишь ветер за окнами.

— Ну да, — шёпотом выдавил из себя Уэйн, — где-то здесь лежит куча блядской травы — я это ещё на входе учуял.

— Нет, — закивал тот в ответ. — Запах существенно усилился. А ещё вместо сырости появился привкус... Есть ощущение, как... Глаза щиплет...

— Дым.

Через несколько секунд из комнатки, открыв своим телом дверь, выпал Даниель. Держась за своё лицо, он истошно вопил и, пытаясь опереться на простреленное колено, ковылял прочь от проёма.

— Что случилось?! — но лишь крик служил мне ответом.

За ним спокойной, очень горделивой поступью вышел и сам Амарук. Держа в одной руке кадило и используя его как трость, он сопровождал своего сына, несущего поднос с тлеющими травами. Они пошли к кресту и церемониально, почти пафосно разложили травы у его основания, нашептывая что-то себе под нос.

Даниель прополз мимо меня и распластался на полу, проливая огромные, полные боли слёзы. До меня не сразу дошло, что случилось, но запах гари, запах палёного, немного передержанного мяса, говорил сам за себя.

— За что ты с ним так?! — вскричал Сэм. — Он же твой друг!

— И именно он первым увидит глубину своего падения. Через боль, — старик подошёл к своему «другу» и наступил тому прямо на простреленное колено, — через принятие собственной неправоты он познает... что проживал я все эти годы, — ещё несколько несомненно длиннейших секунд адской боли отбили у нашего проводника всякое желание бежать — он упал на пол и, скуля, принимал свою судьбу. — Сядь, Даниель. Пускай я и называю тебя животным, но ты, как и любой другой, заслуживаешь здесь места.

Он одним рывком поднял стащестидесяти-стасемидесятифунтового мужика и усадил на первую скамью, где тот, тут же покосившись, и рухнул. Если бы не обстоятельства — я бы поражался подобной силе у старика. Только вот обстоятельства...

— Эй! — окликнул того Смит. — Что это за травы, шаман?

Тот оглянулся. Кажется, его давно так не называли — улыбка обольщения, смешанная с подлостью, выдавала его с потрохами. Он подошёл к нам, но, плавно проведя кадиллом узкий полукруг, ничего не сказал взамен. «Сами увидите, — говорили его действия, его движения. — Сами всё увидите».

Уже через несколько десятков минут у меня пошла кругом голова. Ощущения тяжести и потери равновесия, хоть я и сидел на месте, перебивались болью от освещения — даже тусклые огни свеч слепили меня, если смотрел прямо на них.

— Какой-то галлюциноген, — едва выговорил мистер Форвард, обливаясь седьмым потом. — В травах... точно есть. Воды.

Рональд трясущейся рукой попытался снять очки и потянулся в рюкзак за бутылкой воды. «Точно! В рюкзаке ведь был нож и сигнальный пистолет», — но вместе с тем в памяти также грелась мысль о том, что Уэйн был единственным человеком, взявшим рюкзак. И то — только потому, что не снимал его с себя всё то время, пока сидел в избе.

— Грёбанный свет, — поморщился Сэм и так же, как и я, закрыл лицо. — Точно какая-то наркота. Как под ЛСД сажу.

— Кому, как не тебе, младший обслуживающий персонал, об этом знать, да?

— Ты правда решил, что сейчас время для?..

— Но ты прав. Вон — смотри.

Вспотевший и положивший пару пальцев на шею, Энтони указал в направлении Даниеля. Тот, приподнявшись с лавки, припрыгивал на прострелянной ноге, глупо посмеиваясь при этом. Лишь когда в ней, сопровождаясь отвратительным, самым отвратительным в мире звуком, что-то хрустнуло, он успокоился и упал на пол.

— Бред, — Рон взглянул на стену и тут же попятился на скамье в другую сторону. — Какой-то ебучий несуразный бред...

Шаман стоял у пьедестала и не прекращал нащёптывать молитвы. По его лицу тёк пот, блестящими, переливающимися в тусклом свете каплями, падающий на пол; его руки, коими он опирался о пьедестал, дрожали, словно ветви деревьев от ветра; а в тембре его голоса слышались то насмешка, то скорбь, то ярость, то плач, но он не замолкал. Его речь — странная, точно не английская — звучала всё громче, всё глубже в моей голове.

— Ага'ур таши рраин нарин.

А ещё сам звук — будто бы эхо от него дублировалось одно за другим. Будто бы там был не один голос, а целые десятки. Нет, то была лишь галлюцинация — нельзя было забывать о том. Но тот голос... Всё громче и громче. Он будто обволакивал стены и закупоривал окна,

перекрывая собою все остальные шумы.

— Почему так жарко? — голос Сэмюеля буквально утопал в нём. — Какого хрена здесь так жарко?!

— Я вот вспомнил... — едва выговорил Джордж. — Тиннех. Не инуиты. Коренные жители Аляски...

— Не время!

Было ли мне жарко? Я не мог этого понять. Всякий раз, как пытался прикоснуться к лицу, я не чувствовал прикосновения. Словно рука проходила сквозь. Даже нет — словно моё лицо не принадлежало мне. Но при этом меня не покидало странное ощущение... спокойствия, безразличия ко всему происходящему. Я глядел по сторонам и не разделял возмущения, паники, непонимания или страха — лишь странные тени от свеч привлекали моё внимание, гипнотизируя своим замысловатым танцем. И даже удивление... Даже его не было. По крайней мере — до тех пор, пока я не взглянул на Дэна.

— Руг гур'ишш иссангри тур.

Побледневший, точно туман, он сперва попятился от стен, затем — от скамьи, всё ближе и ближе подползая к алтарю. «Не может быть, — читал я по его губам. — Не может быть». Но это что-то явно могло быть. Я обернулся и попытался рассмотреть то, что напугало нашего проводника, но шёпот шамана — то самое странное бормотание, переросшее в гул, перекрывало мне обзор. Было ощущение, что я не только слышал его речь, но и видел, как она обтекала потолок, просачивалась сквозь резные узоры скамей, исчезала в трещинах на дереве и краске стен.

— Смотрите! — Сэм вскочил со своего места и указал прямо на вход. — Смотрите! Что за херня?!

Лицо шамана расплылось в недвусмысленной улыбке. Прочие из нашей команды, также обернувшись, были повергнуты в невиданный мною ранее шок — вся их эйфория, страхи, непонимания и домыслы превратились в один сплошной испуг.

Заткнув уши, я попытался всмотреться в здание, и это помогло — изображение в глазах становилось чётче и ярче, но вместо спокойствия появлялся страх — что такого они могли видеть? Что могло их так испугать?! Те же стены, те же окна, те же двери и фотографии на стенах. Даже тени от свеч — всё было точно таким же!.. Но...

Вот тогда-то я и понял. Тогда страх, окутывающий всех остальных, опоясал и меня — тени от свеч были такими же, что означало: такими, как когда мы только вошли в церковь — несколько человеческих теней отражались на двери, ещё пара — на стенах; на окнах, на скамьях — везде были слабо заметные, едва-едва дёргающиеся тени... без видимого на то источника.

— Кто это, блядь?! Откуда?! Окна?!

— Бред, геолог... И Луна... почти в зените.

— Тогда кто это, умник ебаный?!

— Не знаю, но... — Смит попытался встать на ноги, но тут же покосился и упал, потянув за собой двух соседних людей.

Современный человеческий мозг заточен на отрицание паранормального или мистического. После Индустриальной революции, когда технология и наука впервые начали бежать впереди морального прогресса, многие чудеса перестали быть чудесами. Охота на ведьм, распятие провидцев и изуверов, войны древнеримских царей с морем — всё это стало восприниматься нами как бред, как варварство и непонимание устройства нашего

собственного мира, но... То, что я видел, нельзя было назвать простым непониманием.

Даже человеческая вера не допускает паранормального. Христианство, буддизм, исламизм, мусульманство, конфуцианство, прочие — они являются лишь попыткой человека отрицать научную систему, противопоставив ей свою собственную. Христианство не допускает перерождений, но это является правилом в буддизме; мусульмане посчитают корову священным животным, а на землях не менее священной старушки-Америки её просто выдоят досуха и забьют. Вера — это не разрешение к существованию необычного, а лишь попытка объяснить обыденное по-другому.

Однако что, если были исключения? Что, если за всеми нашими выдумками, за всеми нашими жалкими попытками приспособиться к миру, найти ложную высшую цель в существовании или оправдать собственные поступки было действительно нечто, что мы не способны понять? Что-то, что было настолько редким и незаметным, что просто прошло сквозь поры сита нашего скептицизма и исчезло в веках? Что-то, что просто ждало тенью на стене, пока его заметят?

Я глядел на те силуэты, гуляющие по церкви, и у меня не было другого объяснения. Каждый раз, когда, как мне казалось, они подбирались ближе, перепрыгивая с одной свечи на другую, обходя окна, в которых могли пропасть навечно, становясь всё контрастнее и яснее, мой страх усиливался. Нельзя было быть уверенными ни в чём, нельзя было ничему доверять, но... не только я ведь видел их, верно? Невозможен был тот факт, чтобы мы все видели одно и то же, если этого не было, верно?!

— Братишка?.. — шепнул Даниэль, посмотрев вдаль зала, и медленно пополз вперёд. — Братишка!

— Сядь! — Теккейт схватил того и усадил обратно на скамью. — Не смей к ним прикасаться, иначе все умрём!

— Брат! Братишка! — однако он даже не слышал слов лучника. — Ику!

— Да... — шаман, завершив молитвы, встал перед алтарём. — Теперь ты видишь? Видишь, что было на самом деле?! Ты видишь их, верно?! Войдите же! Сядьте и пиршествуйте вместе с нами!

Ровно после этих слов как по какому-то глупому совпадению в двери ударил порыв ветра, а цвета принялись становиться насыщеннее. Я бы не поверил ни за что на свете, если бы не увидел сам — тени, гуляющие по стенам, становились толще. Всё такие же бесформенные, уродливые и нечеловечески-извращённые, но объемные, они боялись света и, колеблясь от его порывов, приближались к нам.

Схватившись за сердце, Джордж, так же, как и Дэн ранее, пополз прочь от алтаря. Не было сомнений — проводник действительно «видел» раньше нас. Не намного — да, но его восприятие опережало наше.

— Твою мать! — Рональд и Сэмюэль проговорили это одновременно, обернувшись назад.

Они вошли. Ровно такие же, какими я их и видел раньше — блёклые, идеально чёрные, неразличимые. Ни единого движения ног, ни единого дрожания мускул — ожившие силуэты, неспешно, но идеально точно приближающиеся к нам.

— Я ждал вас, — старик вышел прямо вплотную к рядам скамей и вытянул руки вперёд. — Столько лет... Я верил в вас.

Тени принялись занимать ряды. Одна за другой, одна за другой. Что-то изменялось в них... Какой-то странный блеск глаз, какого раньше не было, какие-то странные переливы

и... цвета.

Этого не могло быть. Во всех известных смыслах, во всех доводах и теориях науки этого не могло быть! Каждая... Каждая из тех теней начала приобретать человеческие черты и очертания! Я не мог это выдумать, и мне не могло это привидеться — я никогда не видел этих людей, я никогда!..

Что-то схватило меня за ногу... Кто-то — подползший ко мне Смит заплетающимся языком пытался вымолвить какие-то слова, но насколько бы сильно ни пытался, лишь их обрывки срывались с его губ — он, кажется, был слишком восприимчив к тем травам, чей запах витал в воздухе.

Но он всё же донёс свою мысль — одним простым движением он заставил меня откинуть все сомнения и поверить. О, уверен, что бы мне ни сказали в тот миг — я бы всё воспринял за чистую монету после того, что увидел — учёный-спелеолог трясущейся от тремора рукой указал на фотографии на стенах. С них на нас смотрели те же тени.

Рыбаки, селяне, охотники, фермеры, кочевники — на всех тех фотографиях, выцветших, чёрно-белых, съёжившихся от влаги и потерявших детали — на них всех были они, стоящие в рядах скамей, смотрящие на нас пустым, нечеловечески чистым и пристальным взглядом.

— Братишка!

Дэн вновь закричал и прополз мимо Теккейта, добираясь до рядов. Лучник застыл. Я так до конца не уверился в том, был ли то страх, или он увидел в толпе знакомое лицо — Энтони, крикнув во всю силу, попытался вернуть меня в реальность:

— Дер... Держи... придурка!

Вывавшись из оцепенения, я сделал ровно один шаг. Как только тело попыталось двигаться, пришло осознание, что ни ноги, ни руки не слушались меня. Даже глаза, на коих застыла всё та же до жути контрастная и яркая картина зала, двигались из стороны в сторону медленнее, чем обычно. Покосившись, я попытался сгруппироваться и упасть ровно на Даниеля. Получилось паршиво, но удержать я его всё-таки сумел. Смит мыслил правильно, выдернув меня: если всё то, о чём говорили отшельники, оказалось правдой, то и трогать те тени или тех людей, или чем бы они, чёрт возьми, ни были, явно не стоило.

— Порд... Залз... — мои слова, ровно как и у Энтони, застывали на языке. — По... Жена! — вдруг осенило меня. — М... Эмма! Эмма!

Дэн замер на месте, опалело на меня обернувшись. В какой-то момент я даже предположил, что всё сработало, пока он не заговорил да ещё и так отчётливо, что меня пробрало на чёрную зависть:

— Да! Жена! Нужно к жене!

— Ст!.. Де!.. Сука!

Моя хватка быстро ослабла — лишь счастливое совпадение в виде Теккейта, вовремя вырвавшегося в реальность, помогло мне. Что странно: ни он, ни его отец не испытывали то же, что мы. Видели — да, но их самоконтроль... Их самоконтроль говорил только о том, что этот эффект был для них не новым.

— Они все здесь, па. Все! — шепнул сын, придерживая мужчину.

— Да... — с нескрываемым удовольствием выговорил тот. — Все. Да направимся же мы... Да свершится же!

Безо всякого озарения он зашагал вперёд, выставив перед собой руку, а люди... «люди» сами расступались перед ним. Перед тяжёлой поступью, поведавшей многое, трепещали даже они... На миг даже почудилось, будто бы сам старик был одним из них — всего лишь

одной из теней, не ведающих страха перед живыми. Но нет — мёртвые не рассказывают сказок и ножи к горлу, уверен, тоже не приставляют.

— Встаньте в ряд, — попытался поднять нас Тек. — Нужно идти.

Сказать, что поднять нас на ноги было испытанием — означало не сказать ничего. Даже открытая дверь, выпускающая концентрат дыма и галлюциногена прочь, не особо помогла — ведь был ещё и страх. Впрочем, страх от того, что промеж твоих глаз направляют лук, был сильнее.

Проходя мимо них нельзя было не бояться, нельзя было не пытаться преодолеть страх и посмотреть на них, нельзя было не ощущать того, что, пускай они и смотрели на тебя в считанных сантиметрах, пускай кто-то тянул к тебе руки, а чьи-то зубы почти впивались тебе в кожу, от них всё же не исходило тепла — ни жара от дыхания, ни каких-либо запахов — только леденящий саму душу холод, только пустота вместо биения сердца. Зачем человеку вообще может понадобиться вызывать мёртвых? А зачем мёртвым откликаться?

Когда мы вышли наружу, по нашим воображениям тут же ударила ночь. Когда мы вышли наружу, они тоже пошли за нами. В темноте, уже не такой спокойной дрёме планеты, почернел даже туман, а самым опасным стал он — смертельно молчаливый сон леса, безумная и апокалиптическая в своей силе тишина.

— Не расходитесь, — посоветовал нам сын шамана так, как будто верёвка нам бы это позволила.

Они действительно плыли, а не шли за нами. Ни шума шагов, ни шёпотов, ни даже веяния ветра не было за нашими спинами. И ещё теней... Теней они тоже не отбрасывали.

— Отпустите нас, — слабо прозвучал шёпот Джорджа к парню, — отпустите... Я же вижу, что вам это тоже не нравится.

— Не могу, — идущий впереди и держащий Даниеля у лезвия Теккейт старался не терять самообладания, но получалось у него явно не идеально. — Это шанс... Это шанс...

— На что?!

— Ему просто нужен шанс. И простите, но этот шанс — вы.

После этих чудом различённых мною слов, я перестал сомневаться в том, что мы не должны были пережить ту ночь. Да, всё точно встало на места — глоток свежего ночного воздуха вместил в меня осознание того, что жить нам было не суждено. Почему? Я не мог понять. Мозг отчаянно пытался вообразить тот пазл, что уже, казалось, сложился в голове, но я просто физически не мог этого понять — весь мир всё ещё был слишком медленным, весь мир всё ещё окутывал слишком сильный туман.

— Но как?.. — мы начали подниматься вверх по грязи, скользя подошвами. — Как вы можете быть уверены?! — тот не ответил, пытаясь шагать вверх. — Вы вообще уверены?!

— Я... Да. Нельзя сомневаться. Нельзя бояться. Это шанс... Это точно шанс! — поднял он высоко голову. — Идите вперёд, дьявол вас поберёт!

С горем пополам преодолев тот чёртов грязевой холм, мы оказались у подножья небольшой горы. Осторожно шагая вперёд, я чувствовал, как к телу возвращалась подвижность, а вестибулярный аппарат переставал шатать меня из стороны в сторону, но силуэты позади всё не исчезали. Более того: в один из моментов — когда Сэм подскользнулся на том холме — клянусь честью, одна из теней почти ухватила его за ногу, прошептав что-то себе под нос.

— Они... Они... — попытался выговорить я.

— Не останавливайтесь — сказано же было.

Чем ближе мы подбирались вперёд, тем меньше оставалось сомнений о том, куда мы шли — Обитель, та самая чёртова дыра в чёртовой скале чёртовой Аляски; просто пещера, расселина, созданная сейсмической активностью и боготворённая престарелым психопатом.

Но зачем? Зачем вести нас туда? Мысли не лезли в голову. Я точно знал. Точно! Ответ явно был в моей голове, потому что с каждым шагом всё больше и больше хотелось бежать прочь, но каков был этот ответ?! «А это важно? — вдруг понял я. — Смерть. В любом случае, это смерть. Нужно бежать».

Расселина открылась прямоком у горы — ровно в том месте, где шло резкое возвышение, была тёмная, очень похожая на рваную рану от когтей какой-нибудь дикой собаки, пещера с десятков футов в высоту и тридцать в ширь. Прямо перед резким, но всё же возможным для неподготовленного человека спуском стоял Амарук, обернувшись к темноте спиной. За пару месяцев, в течение которых существовало то место, туда даже смог проникнуть мох, у самого входа валялась какая-то пожухлая трава, а повсюду были следы ног. Неудивительно — человек, считающий какое-либо место «обителью», явно навещал бы его очень часто.

Силуэты обступили нас полукругом, протягивая свои руки, но не подступая, словно повелевая жестам старика. «Он точно и есть тот самый шаман», — подумал я и тут же осознал: вот оно — анимизм. Все те рассказы старых инуитов, всё то бормотание передо мной, все бессвязные молитвы — всё правда.

— Уанга — Амарук! — прокричал он. — Уанга киа кулит, кулит арракку! Уанга апиригук паник! Уанга апиригук нулиак! Уанга... Уанга апиригук ирник.

В тот же миг из нескольких теней... Нет — из нескольких духов двое вышли вперёд, две женщины. Одна — высокая, стройная, а вторая — совсем ещё девочка.

— Аскукул, — улыбнулся он им. — Подойди сюда, юный Теккейт. Подойди сюда, сын мой, и скажи мне, что я ошибался!

Тот медленно отошёл от нас, и пошёл к отцу. Уже на середине пути он бросил нож и опустил руки, осторожно, даже с опаской шагая вперёд.

— Мама?.. — прошептал тот. — Сестрёнка?.. Не может быть... — сын шамана инстинктивно потянул руки к духам. — Не может...

— Подожди, сын, — поймал его ладонь старик. — Сам знаешь, что ещё рано.

— Я... Верно. Верно... А как же Инук, отец?

— Тот... — он опустил глаза. — Тот, кто попал к Агуте, не возвращается скоро... Раз он не отозвался — значит: он ещё на пути в мир духов.

— И нам придётся ждать?

— Верно. Но они... — указал он на тени. — Скажи, что это не то, чего ты ждал столько лет?

Парень посмотрел сперва на девочку с женщиной, а потом — на нас. Уверенности в его взгляде становилось всё больше.

— Дай мне нож, отец, — поднял тот голову. — Дай его мне.

Мы с группой переглянулись между собой. «Бежим», — указывал я головой на лес, но стоило мне посмотреть на Джорджа, как я тут же понимал, что всё это было бы бесполезно. Тем временем, шаман улыбнулся и, достав из кожаной кобуры за плащом тот самый нож, протянул его Теккейту.

— Рад, что ты понял меня, но это должен сделать я. Бери же... Бери любого, и позволим

духам исполнить нашу волю.

Парнишка, не торопясь, пошёл на нас, прожигая взглядом охотника каждого.

— Не смеешь! Ты не смеешь, выблядок! — прокричал Рональд.

Но тот выблядок посмел — подойдя к нам, он отрезал верёвку Джорджа от общей и повёл того к пещере.

— Не надо... — шептал мистер Форвард. — Не надо...

— Стой! Стой, сволочь! Убью нахер! Остановись! — Уэйн, словно бешеный зверь, пытался тянуть нас всех вперёд.

— Смотри, — шепнул мне Смит. — Нож.

У лука, брошенного Теком, действительно лежал нож. Лежал всего в паре шагов от самого лучника и шамана.

— Агута! — прокричал старик, встав с заложником на краю пещеры. — Обращаюсь к тебе!

— Быстрее, уроды! — прошипел Уэйн. — Подходим вместе и берём чёртов нож!

— За каждую жизнь! За каждую кровь, пролитую здесь сегодня, верни нам наших людей! наших матерей! наших сестёр, жён, дочерей, отцов и братьев! Верни каждого, кто захотел вновь увидеться с нами!

— Блядь!

Рональд сделал последний рывок и, буквально протаскивая нас всех, дотянулся до ножа.

— Прими чужака вместо наших людей! Прими его и верни наших нам!

В темноте ночи я видел, как рука Амарука, держащая нож, опустилась прямо на грудь Джорджа. Как тот схватился за ручку, застрявшую у него промеж рёбер и, пошатнувшись, упал вниз. Звук его падающего тела, бьющегося о разные выступы и скалы, стоял у меня в ушах как никогда отчётливо.

— Сука! Сука-а-а-а-а!

Уэйн завыл и, выставив нож вперёд себя, что есть силы помчался на инуитов. Вся его слепая ярость, вся сила, что он мог собрать, была сосредоточена всего на двух людях. Уже в тот миг, когда его и Теккейта отделял буквально один шаг, старый шаман всё-таки успел оттолкнуть сына. Впервые в жизни я видел то, как нож не только пробивал, но и ломал грудную клетку. Амарук отлетел от силы удара далеко в темноту, так и не успев закричать от боли. Даже не переведя дыхание, Уэйн накинулся на Теккейта, голыми руками обхватив шею тощего парня.

— Что ты натворил?! — выдавил из себя Тек. — Ты даже не знаешь, что ты натворил!..

Я стоял и смотрел на всё то, замороженный абсурдом. Мы со Смитом всё ещё были связаны между собой, и единственной мыслью, посещающей мою голову, было: «Теперь мы остались без ножа».

— Нет! Что за?.. Оставьте меня!

Оглянувшись, мы увидели, как тени подходили всё ближе, обступая Даниеля. Их образ — весьма схожий с человеческим — вновь стал расплываться, но нельзя было сказать, что они становились хоть на йоту прозрачнее. Сэм, связанный по рукам, подбежал к нашему проводнику, но едва-едва смог вырвать его из цепких лап тех созданий.

— Смотрите! — крикнул он нам. — Руки!

Руки силуэтов становились длиннее — пальцы, предплечья, ногти... Их и без того бледная кожа белела на глазах, будто покрываясь инеем, а сами лица... Сами лица наживую обростали каким-то странным мхом.

— Рональд! Рональд! — крикнул я тому. — Нужно бежать отсюда!

Но он не слушал — он всё ещё боролся с Теком, чудом додумавшимся вытащить одну из стрел и вколоть её тому в плечо.

Тем временем, с некоторых силуэтов спадали волосы, кто-то терял кожу на голове, на руках, чьи-то щёки наполнялись дождевыми червями и личинками, но все они неспешно шли к нам, и все они становились явно выше, чем были.

— Мужик! — подбежал Сэм к Рону и, обхватив связанными руками за шею, скинул с лучника. — У нас нет на это времени!..

Тот уже хотел было вцепиться в Сэмюеля, но перевёл взгляд — мы все были окружены этими бледными, белыми как само молоко мертвецами. В тенях ночи они просто стояли и смотрели на нас своей пустотой вместо выгнивающих глазниц, превращались в нечто настолько извращённое и непонятное человеку, что сама мысль о том, чтобы смотреть на них, поражала своим безумием.

— Нужно бежать... — прошептал Смит, но не двинулся с места. — Бежим...

Мы стояли в оцепенении до тех пор, пока нас не окружили плотным кольцом, до тех пор, пока позади нас — прямо из пещеры, не послышался рёв, а из темноты пропасти не показалось огромное бледное нечто, тянущее свои продолговатые кости к нам.

— Бежим!

Глава 5. Встретив Лимб

Лес. Всё, что я помню, всё, что было перед моими глазами — огромное тёмно-серое полотно, разрезаемое чёрными столпами самой тьмы.

Под моими ногами всё время был хруст ветвей, шуршанье еловых игл, перемешивающихся под моей подошвой, а позади — крик. Нечеловечески громкий, сильный и высокий вой, переходящий в отчаянный хрип. Так не мог кричать человек, так не могло кричать животное — лишь Нечто, вылезшее из своей странной, апокалиптически долгой спячки, лишь Нечто, существующее в шатком балансе между вымыслом, фантастикой и непониманием людьми-варварами — только Оно. Не человек.

Что-то тяжёлое потянуло меня вниз очередного холма — Смит, подскользнувшийся в грязи или запутавшийся в собственных ногах. Я упал вместе с ним. Удар. Гул.

Нельзя было разделяться. Нельзя было действовать поодиночке или думать о самом себе, будучи связанным с кем-то общей верёвкой. Но верёвка уходила в туман. Напарник, как и ощущение команды, тоже уходил в туман. Единственное, что чётко мелькало перед глазами — это чёрные деревья и странно-белые пятна, очень напоминающие своим оттенком кожу тех мертвецов. Нельзя было разделяться — да, но мыслью, самим страхом мы уже были разделены. Оставалось лишь ждать, пока какое-нибудь случайное дерево не довершило бы дело.

«Невозможно, — всё звучало в моей голове всякий раз, когда мне чудилось, что я видел что-то в тумане. — Это всё невозможно», — но за тенями от елей, за плотной стеной мглы где-то точно были Они. Не люди, не живые, не мёртвые. Перед моими глазами всё ещё стояла та картина, когда у какой-то случайной женщины просто упал кусок кожи с головы, обнажив кровавый череп, а та даже не шевельнулась. Будто бы та кожа перестала быть частью неё давным-давно и просто ждала момента, чтобы упасть, пока её ленивая бывшая хозяйка даже не обращала внимания. Нет, всего того точно не могло быть.

Не знаю, сколько мы пробежали за ту долгую, словно сама вечность, ночь, но точно знаю, что бежали мы правильно — река, небольшой ручеёк, как мне показалось днём,

бушевала возле нас бурным потоком, временами перебивая крики и оглушая, словно мы ударялись о её пороги головой. По крайней мере, так было до той поры, пока мы не услышали крик Сэма:

— Сюда! — подзывал мой напарник откуда-то сбоку.

Верёвка снова натянулась — я побежал на голос, вбок, а Энтони — всё ещё вниз. Меня дёрнуло назад, когда натяжение резко достигло предела, и мы оба покатались по холму. Мгновение, другое, ещё несколько — и хруст. Громкий, резкий, протяжный... но не мой. Я почувствовал острую боль в правом плече, почувствовал, как моя рука стала на мгновение немного длиннее, но хруст был явно не моим.

Несмотря на то, что вязкая и одновременно скользкая грязь всё ещё тянула моё тело вниз, мне удалось подняться на ноги и пойти по следу верёвки. Конечно же, она натянулась из-за дерева, стоящего на склоне, почти идеально по середине, а на другом её конце был связанный, лежащий в грязи и воющий во всю глотку из-за переломанного запястья Смит.

Я что-то сказал, подбежав к нему. Не помню, что именно — что-то о том, что нам нужно было бежать к Сэму, бежать на голос и не разбредаться.

— Смерть! — лишь это прокричал он мне в ответ. — Это смерть!

Но я не послушал его. Мои инстинкты, моя выучка, мои принципы — всё говорило о том, что нужно держаться вместе, что единственный способ выжить — это в команде, а самая частая ошибка, что видел в триллерах и ужастиках с паранормальными явлениями — это как раз разделение на маленькие группы.

Однако спелеолог, связанный со мной, всё тянул меня назад. Через боль от перелома, через слёзы. «Смерть», — всё повторял он, едва выговаривая заплетающимся языком. Слушать его не хотел — потянув сильнее, я, буквально, заставил его бежать, подчиниться инерции, потому что иначе он вновь бы упал. Цену совершённой мною ошибки мне предстояло узнать лишь немногим позже.

— Сюда!

Через, по моим ощущениям, минут десять-двадцать бега, мы услышали знакомый крик вблизи нас. Он то отдалялся, то приближался, неизменно следуя по одной и той же высоте, пока мы, казалось, бесконечно лавировали между деревьями, меняя скорость, стороны, сворачивая, снижаясь и поднимаясь, когда нам чудилось, будто голос менял направление, или одно из «белых пятен», что видел хотя бы один из нас, подбиралось слишком близко.

— Сюда!

Нечеловеческие крики всё ещё следовали за нами. «Побежал ли Рональд один? — вдруг остановились мысли на том странном вопросе. — Побежал ли вообще и смог ли оставить Теккейта в покое? А Даниель? Если Рональд побежал один, то Дэн — труп. А без него... Без него!..».

— Сюд!..

Вновь удар. Глухой стук, сопровождаемый таким же гулом, перекрыла знакомая мне брань — то был Сэм, в этом не оставалось сомнений. Мы догнали его.

Рядом со мной, дыша и хрипя, словно израненная лошадь, упал Смит. Верёвка ослабла и слезла с его сломанной руки, но здоровой мы всё ещё были связаны. На нём не было каких-то новых повреждений или травм, нет — он просто выдохся.

— Вы?.. — Сэмюель, оглянувшись, одарил нас ошалелым от удивления взглядом, в котором смешались как большая радость, так и не менее громоздкая досада. — Сука... Ха-ха-ха-ха-ха... Сука! — крик слабым эхом исчез в пелене.

— В чём дело?.. — тоже переводя дыхание и валяясь в грязи, спросил я у того. —

Призрака увидел?

В ответ он просто рассмеялся, не открывая глаз. Что-то неправильное было в том смехе

— что-то с надрывом.

— Я, вообще-то, не вас звал... — обернулся он на меня. — Рон не смог бы убежать с Дэном на плече далеко, если бы за ним гнались.

— Так ты?..

— А ты думал, что я, блин, зная о хреновом хвосте, буду орать на весь лес, чтоб до вас дозваться?!

Стоило мне призадуматься, как я действительно понял, насколько глупо звучало моё предположение, но это уже было неважно — нужно было думать и действовать дальше:

— Мы всё же здесь.

— Именно, — раздался хрип Энтони позади меня. — Так что скажи мне... — он перевернулся на живот и обхватил моё горло здоровой рукой, буквально отталкиваясь от него, чтобы подняться, а потом, замерев надо мной, задать роковой вопрос. — Где теперь река, придурок?!

Примерно та же мысль настигла меня, когда мы с Сэмом столкнулись: «Если Даниель окажется мёртв — провести обратно нас будет некому». Мы втроём поднялись на ноги и, встав спинами друг к другу, глазели в разные стороны — кругом были только туман и деревья. Идеально ровная поверхность земли, штиль, полное затишье как фауны, так и вообще — ничего не было вокруг нас. «Где теперь река, придурок?!» — всё звучало в моей голове. Он был прав. Как же он, чёрт возьми, был прав. Взглянув на небо, я понял, что и Луна — последний наш возможный ориентир — скрылась за тучами. Остались только мы, только туман, только то, что могло быть в нём, и не было никакого понимания того, куда нам нужно двигаться.

— Твою мать, — слова сами сорвались с уст.

— О, да! — обернулся на меня Смит, придерживая запястье. — До него наконец дошло! Я ведь говорил тебе!..

— Прости, — тут же попытался парировать я.

— Нет! Я! Ведь! Говорил! Тебе! — он отпустил сломанную руку и тыкал меня пальцем под каждое слово. — Мы могли просто вернуться по течению и привести помощь, а теперь!..

— Мужики! — вновь стал стеной в конфликте Сэм. — Я всё, блин, понимаю!.. Вернее, я нихера не понимаю, как и вы, но бежал я не просто так — набьёте друг другу рожи позже! Сейчас — это точно не то время, чтобы срать — двинули!

Он развернулся и тут же, даже не проверяя стороны, рванул в случайном направлении.

— Учти, — схватил меня за плечо Смит и заговорил сквозь зубы. — Если мы здесь сдохнем — никто не оценит твоего альтруизма, а твой напарник, ради которого ты потратил наш гарантированный шанс, тоже умрёт. Альтруизм — это мягкая форма самопожертвования, а самопожертвование — это смерть ради дела, результаты которого ты никогда не узнаешь. Будь умнее, раз мы на одной привязи.

В темноте мы ворвались в какой-то одинокий домишко на горном склоне, что показывался из тумана, и тут же повалились на пол. Прошло неизвестное мне количество времени, но гудящие ноги, синяки на руках и коленях от множественных падений, одышка — всё говорило о том, что бежали, а позже — и шли сквозь ночь мы минимум вечность.

— Вот я буду орать, — Сэм практически упал на старый пыльный табурет у входа, — если мы пришли в ту же деревушку, откуда убежали.

— Орать будешь от боли, персонал, — Смит опёрся на стену и медленно съехал по ней спиной, осев на пол. — А я — от глупости принятых нами решений.

— Ой, блин, будто бы сам не принимал этих тупых решений, а?

Войдя внутрь, я сразу же запер дверь на ржавый, едва поддающийся моей ослабшей хватке засов. Не был уверен в том, что он мог помочь против того, что нас преследовало, но ощущение безопасности явно усилилось.

— О, — указал на меня спелеолог, кивнув, — а вот и мои глупые решения.

— Нужно наложить шину на руку, — устало произнёс я, еле волоча ноги.

— Верно. И нужно до тех пор, пока мой болевой шок ещё более-менее силён, а адреналина в крови достаточно, потому что потом...

Одна из двух внутренних дверей, что была в комнате, с грохотом отлетела, и из неё на нас с ножом выбежал некто, чей силуэт не был виден из темноты. Впрочем, понять, кем был этот «некто» оказалось проще простого:

— А ну стоять, ублюдки ёбаные, а не то я!.. — знакомый голос звучал очень рвано и хрипло. — Охренеть... Охренеть, блядь... — старинный нож с резной ручкой упал на пол, вонзившись в деревянную доску.

— Всегда знал, что дураки везучие, — фыркнул Энтони, глядя на силуэт Рональда.

— Блядь... Вы живы! Да, сука!

— Не ори, блин.

— Да... Да, точно. Короче, я... закрыл грёбаные шторы, — он подошёл и, выглянув за карнизы квадратных окошечек, ещё плотнее закрыл их, — не зажигал огни — спрятался, в общем говоря...

— Но оставил входную дверь открытой?

— Чтобы вы, блядь, зашли, а не, постучавшись, побежали дальше! Если бы меня нашла эта... хрень — сомневаюсь, что против неё помогла бы зубочистка и засов, держащийся на «длани божьей».

— Тогда зачем? — указал я на нож.

Взгляд Рона резко потемнел, а брови — нахмурились. Вытащив оружие с половой доски, он смахнул опилки и, взглянув на лезвие, прошептал:

— Для того ёбаного мелкого лучника... Сраные деревенские ублюдки, — его глаза загорелись, — если бы я хоть предполагать мог, что он и его ёбнутый папаша собираются с нами сделать — я бы!..

— Никто из нас не мог предполагать, — окликнул того Сэм.

— Ну, нет! Если бы я мог, я бы и целой костяшки в них не оставил! Нужно было забить на всё и прибить этих двоих ещё в той четыреждыблядской избушке... Кто же мог предполагать, что деревня пустая?! — он резко развернулся и лезвие в его руке прошло опасно близко к нам.

— Рон, успокойся.

— Но ничего — пускай только мне выпадет шанс. Если я не придушил его тогда — это не значит, что прямо сейчас я!..

— Рональд, твою мать! — тот наконец откликнулся на зов. — Где Дэн?

Глаза того округлились, но ответа не последовало. Он просто стоял в тишине, смотря на нас.

— Рональд, где Даниель? — переспросил уже я. — Если я правильно понял, то Сэм...

Тот медленно осел на колени, а затем — и на пол, обхватив голову руками. В его глазах читались страх и сожаление.

— Рональд? — осторожно повторил я.

— Я... не хотел... Не хотел, — он елозил ногтями по макушке головы, царапая себя. — Там не было выбора.

— Понятное дело, — Смит, поднявшись, сел за небольшой столик по правую сторону от двери и осторожно положил на него руку, — своя шкура дороже, да?

— Я не виноват! Там нельзя было по-другому. Те твари — они... не переключились... Они бежали и бежали за нами...

— Спокойно, мужик, — Сэм подошёл к Рональду и хотел похлопать того по плечу, забрав нож. — Главное — что ты... — однако стоило тому прикоснуться к ручке оружия, как Рон тут же отскочил к двери, выставив оружие перед собой.

— Я не виноват! — вновь прокричал тот. — Даже думать не смей!

— Я и не думаю! Тебе, блин, нужно успокоиться нахрен!

— Не подходи ко мне! Тебя там не было! Не было!

— Тебя никто не обвиняет — положи нахрен хренов нож!

Однажды один парнишка — Анри, кажется — повёл себя точно так же: во время операции по спасению заложника, что оказалась засадой, он, оттеснив наступающих боевиков, всё продолжал стрелять. Кто бы ни показался в зоне его поражения — враги или гражданские — его ярость не обошла никого. Благо, священные секреты американской демократии навсегда скрыли полтора десятка мирных трупов в горах документов, а старина Филлипс, подбежавший со своей точки, парой чётких и точных ударов ввёл парнишку обратно в колею. Однако этот момент, эти самые страх и паника в глазах солдата, когда он был готов наставить оружие даже на своих братьев по оружию — они навсегда отпечатались в моей памяти.

Паника, смешанная со страхом — опасное оружие. Слишком опасное, чтобы хоть что-то, кроме смертельно холодного расчёта, могло ему противостоять, но и слишком бесконтрольное и хаотичное, чтобы пытаться хоть как-то им управлять в своих корыстных целях.

В тот момент Рональд был этим оружием, нацеленным на нас — бездумным, безосновательным источником жестокости, ведомым одними инстинктами самосохранения. Ситуация от прошлой отличалась лишь одним: старины Филлипса, умершего от инфаркта, не было рядом, а кто-то точно должен был им быть.

Не было никаких шансов ни подбежать к нему, ни обойти его — он стоял у той же двери, из которой вышел, и мог в любой момент скрыться или напасть. Было и желание метнуть в него чем-нибудь — пустая ваза на столе, старая швабра у двери, какие-то странные шкатулочки и кувшинчики на полках рядом, но нет — нельзя было ни быть уверенным в попадании, ни знать наверняка, насколько тяжёлым будет взятый предмет. Да и вообще, бежать на вытянутое вперёд лезвие — плохая идея, но выводить из себя того, кто его вытягивает — ещё хуже.

— Я тебе говорю ещё раз: харе! — всё не сдавался Сэм.

Но Рон даже не отвечал. Бегающие глаза, неуверенная, но защитная стойка, не находящие себе места руки — паника, то точно была паника. Не то, чтобы это было не ясно по поту на лице, но замечать подобные признаки в деталях я умел на уровне автоматизма.

— Клянусь каким-нибудь богом, если вы сейчас оба не замолчите, — Энтони попытался встать, но я тут же его остановил и жестом попросил помолчать.

— Сэм, — положил я руку на плечо тому, — умолкни и отойди.

Мы с ним сделали несколько шагов назад, увеличивая расстояние между нами и оружием. Человек не чувствует себя в безопасности, если у него нет личного пространства, и наоборот — наличие минимального комфорта вводит человека в заблуждение даже в состоянии критических рисков.

— Рональд, — я выставил одну руку вперёд себя и перешёл на шёпот, чтобы заставить его сконцентрироваться на голосе, — тебя никто ни в чём не обвиняет. Это мы — я, Сэм и Энтони — люди, что шли с тобой всё это время, — он уставился в пустоту, приоткрыв рот. — Тебе ничто не угрожает. Убери нож, — ответа не последовало. — Рональд, взгляни на меня, — тот перевёл взгляд. — Я, Сэм, Энтони — ты не хочешь смерти ни одного из нас, верно? — тот осторожно и едва заметно кивнул, что было больше похоже на дрожание головы. — Тогда опусти нож. Медленно. Да, вот так, — его рука неспешно опускалась вниз. — И разожми хватку...

Какое-то время он всё ещё держал руку опущенной — то был роковой момент решения, в результате коего нож мог оказаться как на полу, так и у меня в рёбрах. К счастью, мне повезло.

Старое лезвие встряло в пол, вонзившись в деревянную доску. Сэм, громко выдохнув, обхватил голову руками и, проматерившись, вышел наружу. Уверен, в его сознании опасности вне дома в какой-то момент стало куда меньше, чем в самом доме. Впрочем, как и в моём.

Уэйн застыл на месте, очень долго рассматривая собственную ладонь с опарашенным выражением лица. То разгибая, то сгибая пальцы, он всё смотрел то на лезвие, то на меня, пытаясь проглотить вязкий ком волнений.

— Ёбаный... пиздец, — выговорил наконец он. — Я не... Я нихера не понял, как это получилось. Я не собирался...

— Порядок, — отмахнулся я и, подойдя, вынул кинжал.

Наложив шину Энтони в виде неровно сломанного куска швабры и разрезав оставшиеся целые путы, мы все повалились спать. Вернее, спать никто даже не собирался, но усталость от стресса, от нагрузок и переживаний делала своё дело, и наша группа по одному уходила в мир снов. Сначала — Смит, так и не встав с того стола, «клянул носом», затем — Рональд, что пытался караулить у окна, а затем — я, пытавшийся не опираться спиной на стены из-за боли в рёбрах и позвоночнике, просто уснул на полу перед дверью. Да, всего того, что произошло с нами, точно было слишком много. Может, и не для месяца, не для недели, но для одного дня — точно.

Первым, что я ощутил, проснувшись, была утренняя свежесть и прохлада, несравнимые с ночным пробирающим холодом. Светало — из-за зашторенных окон пробивался слабый, очень рассеянный свет. Туман. Конечно же, всё ещё туман. Отдёрнув занавеску, я даже не удивился тому факту, что всё за окном было сплошным серым пятном, медленно текущим куда-то вдаль.

«Но... Почему я проснулся?» — я точно помнил какой-то громкий звук, выбивший меня из сна. Нет, всё моё тело выло и ныло о том, что стоило бы поспать ещё жизнь-другую, но я точно что-то слышал. Что-то, непохожее на хруст ветвей снаружи и на случайно упавшую

вещь внутри, но... В какое-то мгновение мне даже показалось, будто бы одно из деревьев, мирно стоящих в лесу, двинулось вперёд, но нет — всё ещё было тихо.

Оглянувшись, я поймал на себе взгляд Смита. Всё ещё лежащий в той же позе, что и уснул, он смотрел то на меня, то на окно.

— Тоже не понимаешь, что это было? — почти бесшумно прошептал он мне.

В срочном порядке я растормошил Рональда, сидящего у окна, а Энтони — Сэма, подпирающего собою входную дверь.

— Что, блин, за?.. — сонным голосом попытался выговорить мой напарник.

— Рядом с нами что-то есть, — тут же заткнул я ему рот.

Вчетвером мы собрались прямо у входа и настолько тихо, насколько это возможно, попытались обсудить. Кроме скепсиса о том, что это был просто дикий зверь, что это была игра воображения двух человек одновременно, и что то упала старая шкатулка, всё ещё покрытая пылью не одной декады лет, мы пришли к одному простому выводу: звук шёл со стороны входной двери.

— И каким чудом ты этого не заметил, если спал у двери, младший обслуживающий персонал? — в шёпот Смита всё сильнее просачивалась его «фирменная» язва.

— В отличие от тебя, белобрысый, я, блин, всю ночь следил за тем, чтобы никакая херня из любой возможной херни сюда не попала, — ткнул Сэм его легонько в плечо. — А ты дрых, как убитый.

— О, да. Может, потому что у меня рука смотрит в другую сторону?!

— Ну так покажи сам себе фак и отвали от меня! Какого вообще хрена?!

— Значит так, — вклинился Рон. — Вот, что я думаю: если это четыреждыблядское нечто всего лишь стукнуло по двери и ушло — оно не представляет для нас опасности; если это четыреждыблядское нечто стукнуло и стоит там — оно там всего одно и не представляет для нас опасности; ну, и если это четыреждыблядское нечто попыталось нас заманить наружу, и в тумане таких нечто несколько — нам, рано или поздно и в любом случае, пиздец. Предлагаю открыть дверь.

— Ты сейчас серьёзно, геолог?

— Серьёзнее некуда, — он вновь взял тот же самый нож и указал на готовность действовать.

Не было причин не соглашаться, потому как он был полностью прав: либо перед нами было что-то, с чем могло справиться четыре человека, либо это был конец для нас всех. Мы стали полукругом, схватив подручные предметы в качестве оружия, и отворили дверь.

Сказать по правде, я ожидал чего угодно, кроме того, что увидел — вход был полностью чистым, а впереди нас не стояло ничего, но прямо под самым порогом, к коему вели очень отчётливые и яркие, по сравнению со всеми остальными цветами, следы крови, в нелепой позе и весь в крови лежал он — Теккейт. Его рука, ударившаяся об дверь при падении тела, ввалилась внутрь.

Все мы замерли в сильном удивлении. На рыжем парнишке не было пустого места от красных пятен. Его штаны, его парка, лицо и даже волосы — кругом была только кровь, и даже звучал он измученно — упав в обморок от усталости, он дышал сухо и хрипло, вечно дёргался, будто пытался проснуться.

— Живой. Ах ты... Ты...

Рональд смотрел на него широко открытыми глазами. Сжимая всё крепче рукоять ножа и дыша всё быстрее, он, кажется, осознавал, кто именно лежал перед ним.

— Ублюдок!

Растолкнув нас всех, Рон бросился на Тека, даже несмотря на то, что тот был без сознания. Развернув парнишку на спину и убедившись, что перед ним было то самое лицо, геолог поднял над собой нож и уже был готов ударить прямо в сердце врагу. К счастью, моя реакция оказалась чуть быстрее его реакции, а мой ботинок — быстрее его ножа. Да, опасно было бить в голову, но лишиться единственного и новообретенного человека, что мог провести через леса — ещё опаснее.

Оглушённый ударом, парень слетел с нашего предполагаемого проводника и, ударившись о дверной проём, упал за порогом. Медлить было нельзя — я тут же побежал к нему.

— Разбудите второго! — сорвалась с моих уст команда. — И оттащите подальше!

Мой план просто сесть на Рональда, зафиксировав тому руки, провалился ещё в зачатии — парень поднялся куда быстрее, чем я ожидал, и первое, что он успел сделать — наотмашь махнуть рукой. Гул. Не медля ни секунды, геолог рывком ринулся в сторону Теккейта, которого безуспешно пыталась разбудить остальная команда... Чёртова горячая голова.

— Сука! — прокричал Рон, сделав два шага ровно.

Совершив выпад и почти раскинувшись на полу, я успел ухватить того за ногу так крепко, как мог себе позволить. Парень дёрнулся от неожиданности и тут же, повинувшись инерции, упал на пол вперёд себя. Поднявшись и подтянув его к себе под ноги, я вновь попытался вернуться к предыдущему плану — ни к чему было драться, так что нужно было просто его обездвигить. Но нет. Конечно же, нет.

Развернувшись на спину, он тут же ударил мне по одной из ног, выбивая меня на колени, а затем — тыльной стороной ладони по челюсти, не забывая поворачивать корпус при ударе. Понятия не имею, кем был тот парень до того, как стать заучкой в очках, или кем был параллельно с этим, но удар у него был поставлен очень хорошо. По крайней мере, для гражданского.

Меня перекосило в сторону, и я буквально чувствовал, как наклонялось моё тело, чтобы упасть. К счастью, неконтролируемая ярость Рональда заставила его нанести ещё один удар — его-то я и перехватил. Отведя кулак в сторону, я обхватил его локоть с наружной стороны и, прижав к груди, полностью заблокировал ему возможность бить справа. Впрочем, ненадолго.

Схватив мою ладонь левой, он рывком высвободился и вновь ударил меня по лицу. «Нельзя его калечить, — голос в голове говорил всё тише. — Нельзя его...» — обхватив ворот моей куртки обеими руками, Уэйн попытался сбросить меня прочь. Мой взгляд устремился вперёд. Отчётливое осознание того, что если бы я тогда позволил ему добежать, то ни один из членов нашей команды не смог бы остановить его месть, грело мою ярость — не хотелось терять шанс и, возможно, умереть из-за чьей-то слепой глупости.

«К чёрту!» — заведя свои руки снизу, я разбил его хватку в стороны, вследствие чего его торс открылся для ударов. Однако, вместо этого, я сам обхватил его воротник и, потянув на себя, вдарил со всей силы лбом по его носу. Ещё раз. И ещё раз. После третьего удара Рон уже не пытался подниматься или бежать — просто валялся на полу, сдерживая кровь.

— Ф-ка!.. — обхватил он разбитую переносицу.

— Он нам нужен живым!

Один удар точно пришёлся на лоб — свежий синяк у правой брови всеми силами свидетельствовал о том. Но с другой стороны, судя из точечной боли у меня на лбу и тому,

что я видел... третий удар пришёлся по оправе очков.

— Отвали! Отъебись от меня! — вновь попытался вырваться тот, лишь немного отдышавшись; безуспешно. — Да ты хоть помнишь, кто это?! Ты хоть представляешь?!

— Без него шансы умереть выше, — наступил я коленом ему на грудь.

— Ублюдок! Просто эгоистичный ублюдок! Я бы посмотрел на тебя, если бы!..

— Если бы что? Мёртвым плевать на твою месть, — тот, схватившись за моё колено, перестал сопротивляться и устоял на меня. — Мёртвым в принципе плевать.

Секунда, другая. Кроваво-красный румянец начал медленно спадать с лица парня, кулаки, сжатые моей хваткой — разжиматься, зубы — переставать скрипеть.

— Отпусти меня, — тон того стал более менее спокойным, впрочем, доверия от этого не прибавилось.

— Если попытаешься сделать хоть что-то...

— Да понял я! Отпусти.

Он легчайшим движением сбил меня с себя и, поднявшись, медленным шагом направился к Теку.

— Спокойно, — обернулся он на меня. — Нож всё равно отлетел хрен пойми, куда.

Поправив куртку, он обхватил нос и, пошатываясь, зашагал вперёд. Теккейка привели в чувства, в том не было сомнений — на его бледном, как сам туман, лице проступал чистый страх от одного взгляда на того, кто на него шёл.

Сэм и Энтони инстинктивно переглянулись между собой. Оба, попытавшись закрыть собой парнишку, потерпели оглушительную неудачу — Рональд одним толчком растолкнул обоих в стороны и тут же, широко шагнув, схватил Теккейта за шиворот.

— А теперь слушай сюда, мелкий кусок дерьма!

Он выдернул того к входной двери и, буквально, вбросил внутрь. Распластавшись на полу, парень попытался назад, нелепо перебирая руками, а Уэйн, глубоко дыша, словно зверь, лишь твёрдым шагом ступил внутрь.

— Плевал я на то, какие были у тебя мотивы, — он шагал нарочито медленно, перекрывая собою свет, идущий снаружи, и говорил нарочито низко, — плевал на то, что ты там пережил; плевал, что будет с тобой дальше или что есть сейчас. Ты поведешь нас отсюда! — он смахнул с носа кровь на пол, не прекращая идти, — Выведешь к Кайана, а затем... — он обернулся на нас и оскалился. — А затем я собственноручно потащу тебя за шкуру в полицию, а оттуда — в зал суда, в тюрьму, где ты проведешь всю свою оставшуюся никчёмную жизнь!

— Хрена, он даёт, — шепнул мне Сэм.

— А если... Если, — подчеркнул он, — ты попытаешься строить из себя мстителя, подумаешь завести нас глубоко в лес и умереть благородной смертью, то я гарантирую тебе... Я клянусь именем того, кого ты и твой ебанутый папаша зарезали, как чёртов скот!.. — он присел напротив Теккейта на одно колено и, сняв искривлённые ударом очки, взглянул тому прямо в глаза. — Я заставлю тебя пожалеть о своём решении. Много... очень много раз. Благодарю вон того сукина сына, — указал он на меня, — за то, что ты сейчас дышишь, и благодарю саму судьбу, что не откинулся где-то в лесах — ты испытал её, и ты выиграл. Но не испытывай меня. Ты для меня куда меньше, чем животное, и даже когтя моей собаки для меня ты не стоишь.

Трясущейся рукой он вернул очки на место и какое-то время просто смотрел на нашего проводника в полной, почти абсолютной тишине. Хвала какому-нибудь богу, что у него

действительно не было ножа.

В конце концов, презрительно хмыкнув, Уэйн поднялся и привычным шагом пошёл к нам.

— Ему нужна медицинская помощь, я полагаю, — прошептал он нам. — Но пошли вы нахер, если думаете, что я буду её оказывать.

— Разберёмся, — ответил я.

— Ага. Не сомневаюсь — разберутся они, блядь... — зашёл он мне за спину и зашептал, не оборачиваясь. — Хороший удар, кстати говоря. Движения, реакция...

— Армия.

— А-а-а... Тогда да. Тогда это действительно имеет смысл. Это и твоя манера... А, похрен, в общем-то. Идите и спасайте этого выблядка, потому что мне... даже смотреть на него отвратно.

На Теккейте не оказалось ни единой царапины. Ни ранений, ни синяков, ни ссадин — парнишка был абсолютно цел, пускай и был чрезвычайно бледен на лицо, но было одно очень странное но: он понятия не имел, чья на нём была кровь.

«Не помню, — рассказывал тот. — С того момента, как тот... Как ваш... Как мой отец... Ничего не помню. Очнулся в лесу за границами деревни и просто пошёл вперёд с мыслью о том, что нужно было уходить. Кровь точно не моя. И точно... Точно человеческая», — нельзя сказать, что я до конца верил ему, вернее, нельзя было вовсе утверждать, что верил хоть кто-то из нас, но тот вопрос был явно не главенствующим, чтобы допрашивать его.

Обыскав дом и взяв оттуда всё важное, что только можно было взять — трут, ножи, пару луков, один из коих был в очень плачевном состоянии, меньше десятка стрел и пару фляг — мы выдвинулись приготовились выдвигаться вперёд.

— А кто-нибудь из вас... — обернулся на нас наш проводник, сидя в углу, — умеет стрелять из лука? — старый лук взял я, прихватив пару стрел, а «основной» — более-менее целый ушёл Рональду.

— Ебать тебя не должно.

— Тогда я... Я бы мог...

— Нет, блядь, не мог бы. Выдавать тебе оружие — самоубийство.

— А тебе!.. — Теккейт резко поднял и тут же опустил голову, вновь перейдя на шёпот. — Тебе не кажется, что если у тебя будет оружие, которым ты не умеешь пользоваться, то мы все, на деле, будем безоружными?

То была действительно умная мысль. Умная мысль, произнесённая змеёй.

— А парнишка-то, блин, дело говорит.

— И? — обернулся я, стоящий у выхода.

— Да вот хрен его знает. Вроде оружие давать ему опасно, а вроде и смысл от того, что у вас луки, если вы реально ими пользоваться не умеете?

Смит в одно мгновение подошёл к нам и, сняв с Рональда лук, бросил Теккейту.

— Эй! — вскричал геолог. — Какого хера?!

— У меня есть решение вашей дилеммы. Лучник получает лук, — он поправил перевязь сломанной руки, — а стрелы остаются у тебя. В случае опасности ты сам выдашь ему их.

— Если этот хренов гад сбежит и сделает себе стрелы, то все мы!..

— Без ножа, а? Если этот «хренов гад» сумеет сделать себе стрелы, наконечники и оперения, а потом ещё нас догнать, геолог, то он с таким же успехом сделает себе и лук. И

не стоит рассыпаться в благодарностях, — сразу обернулся он на парня. — То, что я не пытаюсь тебя убить, не делает меня твоим союзником, и мне вполне нравится план, озвученный геологом недавно: по прибытии в цивилизацию, ты отправишься в тюрьму.

Вчера путь от Кайана занял у нас тридцать девять миль и целый день. Оставалось надеяться на то, что без нужды объезжать Сквирел расстояние хоть немного сократилось бы. Дверь отворилась, туман и тишина медленно, почти рутинно поплыли внутрь.

— Пошли, — уверенно заявил Рональд.

— Пошли... — слабым и хриплым голосом подтвердил Теккейт.

Время дня снаружи нельзя было определить без часов — пока мы спали, пелена, казалось, только загустела. Чёрные деревья, казавшиеся ночью огромными столпами, разрезающими само мироздание, исчезали в ней, люди, идущие впереди, сливались с ней уже через несколько футов, а в ней самой... в ней самой всё время что-то чудилось.

Очень долго мы шли в полной тишине, слушая лишь хруст ветвей. Монотонный, медитативный, почти гипнотический. «В следующем году листья вновь опадут, — говорил он. — Деревья сбросят сухие ветви случайным порывом ветра, а ели будут такими же зелёными. Вне зависимости от вас, всё будет дальше. Всё продолжит быть».

— Скажи-ка, парень, — начал Смит, идущий впереди вместе с Теккейтом. — И я уверен, меня не одного это интересует: зачем вы с вашим отцом устроили всё это?

— Похрен, блин! — отозвался Сэм. — Скажи лучше, что за хрень произошла?! Кем были?.. Чем были все эти... Эти?..

— Выблядки.

Я оглянулся в сторону и остолбенел — за деревьями, опершись на ствол одного из них и склонив голову, стояло нечто. Очень бледное, отдалённо конечностями напоминающее человека, очень высокое. На обтягивающей кости коже были видны красные рубцы; длинные руки с не менее длинными, треугольными ногтями до посинения давили странные лозы, напоминающие водоросли, а на полностью голом, лишённом каких-либо отличий худощавом черепе была лишь пустота глаз, смотрящих на меня свысока. Оно точно дышало, набирая воздуха в грудную клетку и заставляя кожу стягивать рёбра ещё сильнее. Но...

Когда я взглянул на «лицо», то понял, что дышало оно странным, очень вытянутым вниз ртом. Будто лишённый нижней челюсти и увеличенный вдвое, рот буквально спал на тому человекообразному чудовищу на грудь. Остроконечные зубы то втягивались, образуя по контуру овал, то выпирали наружу; язык — тоже гораздо больше и длиннее, чем человеческий — просто вывалился, лишившись привычного места. Но стоило мне поднять взгляд выше и попытаться разглядеть глаза, как оно первым уставилось на меня. Ту пустоту глазниц, покрытую мелкими царапинами, те две блестящие жёлтые точки, смотрящие на меня из пустоты, я запомнил навсегда.

— Вот же ж!..

Однако стоило мне отвести взгляд, стоило случайному дереву промелькнуть между мной и Этим, как лес вновь опустел. Я замер, в панике пытаюсь найти то же дерево, у которого стояло Оно, но не смог — мой мозг одновременно твердил о том, что каждое и никакое дерево подходило под то место, где наши взгляды встретились.

— Что такое, мужик? — уставился Сэм в ту же сторону, что и я.

«Что это было? Виденье? Нет — откуда такому взяться в моей голове?.. Может... Тогда, куда оно исчезло?.. Что это, если не виденье?!» — в тот момент во мне смешивались

пробирающий холодным потом страх и осознание того, что если необоснованно поднять панику — лучше от этого не станет.

— Я... Показалось. Просто показалось. Держитесь вместе и будьте настороже.

Пока мы отходили, мой взгляд был неизменно уставлен в ту сторону. Высокое... Очень высокое... Не десять, даже не двенадцать футов в высоту... Столь высокое, что я видел его лицо над туманом. Нечто.

— Ну так что, парень? — голос Смита заставил меня инстинктивно обернуться.

— Вам... Вам не понять, — Тек шёл и смотрел в пол, будто просто чувствуя, куда нужно было идти. — Для вас это больше вопрос веры, чем логики.

— И? Убили вы просто ради «вопроса веры»?

— Нет, конечно! — ещё раз обернувшись, я окончательно потерял «то самое» место. — Просто... Вы не поверите.

— Не оттягивай резину, мелкий ублюдок. В прошлую ночь мы бежали не от ёбаного «вопроса веры». И все эти смерти тоже явно не от четырёхдыблядской мистики. Говори.

Меня удивило то, насколько равнодушно отреагировал парень — он лишь остановился ненадолго и, не поднимая головы, перевёл взгляд на Рональда. В нём — том взгляде и приоткрытом рту — было столько пренебрежения, столько безразличия, сколько вообще могло бы быть. Ни сказав ни слова, он просто неспешно пошёл дальше.

— В общем, — начал он, — есть такое место, что звучит на вашем примерно как «Лимб» — мир духов и мёртвых.

— Дух и мёртвый — не одно и то же?

— Нет. Не всякий мёртвый имеет силу стать духом. Духи, они... Менее человечны, — передо мной тут же всплыл образ того существа, — становясь сильнее, они могут больше, они видят больше, они могут... проникать в наш мир. Однако видеть их может лишь шаман и тот, чье восприятие достаточно открыто. Только вот шаман может их сдерживать в облике людей, не давая переместиться сюда полностью, в то время, как простой человек... Из-за этого это «вопрос веры», — обернулся он на Рональда и почти незаметно оскалился, — а не потому что вы, чужаки, считаете это сказками... Считали.

Мы, по словам Теккейта, направлялись к очередной забытой деревушке. Многие жители центральной Алсяки стягивались на юг или на запад — к побережьям где жизнь была не только цивилизованнее, но и проще. С этим парнем точно было что-то не так. Он был слишком податливым с теми, кто убил его отца, слишком смиренным... Куда он нас вёл?

— Восприятие? — переспросил того я.

— Те травы в храме... Расширяют его. Дают... видение или... А, всё равно, как у вас это называется — вы ведь видели то, что видели? Уверен, некоторые из вас ещё чувствовали на себе прикосновения этих «иллюзий».

— Чем более открыто восприятие человека — тем больше он видит, — попытался подытожить Энтони, — а чем сильнее дух — тем больше извращён... Тогда...

— Медведь-призрак, — вырвалось у меня. — Люди, пускающие о нём слух, тоже имели «восприятие»? — тот молчал. — Эй.

— Не знаю... — едва выдавил из себя парень. — Что-то пошло не так. Этот туман, окружающий нас... словно сделал стены тоньше между нашими мирами. Папа начал видеть духов даже не взывая к ним, а потом и я — тоже.

— А Обитель?

— Отцу были виденья о том, что туман исходит из пещер. Что Агута — повелитель

мёртвых — пустил его для того, чтобы дать ему искупление. Вы, конечно, не знаете, но он, в своё время, отговорил свою деревню от переезда поближе на юг — в маленький ещё Кайана. А через несколько месяцев всю деревню снесло наводнением. Всё, чем он жил почти всю мою сознательную жизнь, и о чём мечтал — искупление. Агута предложил ему простую сделку: одна душа чужака за одну душу погибшего.

— И ты последовал за ним, ублюдок!

— Вы не видели того, что видел я!.. — остановился он и обернулся на нас. — Если бы вы видели... Представьте, что перед вами появился любимый человек, умерший десятилетия назад... Представьте, что он такой же реальный как вы или я. Он такой, каким и был, — на его бледном лице проступали сожаление и печаль, — он улыбается вам, он живёт... Не поверю никому из вас, что вы бы не согласились убить за шанс вернуть родных. Особенно — тебе, — ткнул он на Рональда.

— Да плевал я на твоего отца — сколько можно повторять?! Нельзя считать убийство нормой! Я!..

— Ты хотел убить меня ещё утром этого дня, — в его усталом взгляде точно была ненависть. — Вот поэтому я тебе и не поверю ни в жизнь... Лицемер, лжец... трус, — Рон, к моему удивлению, не был зол — он был то ли напуган, то ли ошарашен. — Уверен, если бы перед тобой встал тот же выбор, что и перед нами — ты бы не задумывался. Ты бы убил куда больше, чем мы... И куда больше... Куда больше, чем было бы нужно.

Он развернулся и тем же шагом пошёл дальше. Уэйн всё ещё не двигался.

— Порядок? — подошёл я к нему. — Уэйн?

— Я... Я ви... — в какой-то момент он перевёл взгляд на меня и резко успокоился. — Порядок, — кивнув и поправив очки, прошептал парень. — Хренов малец... Пошли — не будем отставать от этого идеала правосудия.

И мы двинулись вперёд. Поверил ли я в рассказы парнишки в тот момент? Нет. Точно не до конца. Я бы больше положился на теорию о том, что в том тумане, который действительно мог быть каким-то газом из пещеры, содержался мощный галлюциноген или что-то в этом роде. Лимбы, стены между мирами, призраки и мёртвые — всё то точно не уложилось бы на годы скепсиса и цинизма. Не так быстро.

Однако той ситуации суждено было резко измениться. На подступах к деревне... Нет, чуть позже — в одном из заброшенных и почерневших деревянных домишек нас ждала очень странная встреча, нас ждал тот, чьё существование было страшнее соседства с чудовищем...

Глава 6. Духи и мёртвые

Почерневшие, действительно почерневшие деревянные домишки несмело показывались нам из тумана — мы входили в границы деревни.

Покошенные от оползней, прогнившие от частых дождей крыши, треснутые и припорошенные пылью стёкла в перекошенных окнах, открытые, если вовсе присутствующие двери, поросшие и засыпанные тропинки да дороги — всё говорило о том, что то место было заброшено уже очень давно.

— Здесь что, блин, война прошла? — всматривался вперёд себя Сэм.

— Нет, — ответил проводник. — Здесь просто очень долго не проходил человек. Времени не нужна война, чтобы нас забыть.

Мы зашли на территорию селения и остановились у самых первых домов. Теккейт долго

не двигался, будто всматриваясь и вслушиваясь в само прошлое, пока, наконец, не предложил следующее:

— Можем обыскать это место, если хотите.

— Смысл?

— Отец часто проходил через него на охоту. Велик шанс, что здесь будет ещё какое-нибудь оружие.

— Ага — ещё пара ножей, сто пудов, блин.

— Предпочитаешь отбиваться руками? — резко оглянулся на Сэма Рональд. — Разделимся. Вы втроем — белобрысым и выблядком пойдёте влево, а я с «мистером Фоггом» — вправо.

Моего зрения в тумане хватало на то, чтобы увидеть двенадцать домов ровно. Деревня стояла на небольшом ровном участке горного склона, располагаясь вдоль неизвестной мне горы с севера на юг прямоугольником. Рискнул бы даже предположить, что насыпали ту небольшую равнину искусственно, потому что и начиналась, и заканчивалась она слишком резко.

— Хреновая идея — разделяться.

— Поддерживаю. Идея посылать меня в церковь — так себе, геолог, — Энтони указал на маленькое одноэтажное здание с христианским крестом над входом.

— О, то есть разделение тебя не парит вообще, да? — обернулся на него Сэм.

— Количество всё равно нам не поможет, если наткнёмся на что-то в тумане, а вот церкви я не люблю. Эй, парень, — подозвал он Тека, — а духов или как ты там их назвал убить вообще можно?

— Я... Вы же не собираетесь?..

— Возможно, — прищурился Смит. — Если это возможно.

— Вряд ли. Даже если и изранить духа, попавшего в наш мир — он просто ослабеет для того, чтобы здесь находиться, но...

— А вот это уже дело! — потёр Рон руки. — Значит, я!..

— Но вы никогда не сможете понять, насколько сильный перед вами дух! — тут же остановил его проводник. — Если не изгоните его быстро, а раззадорите — нам всем конец! К тому же...

— К тому же, те, что будут изгнаны нами, наверняка смогут вернуться, геолог, — парнишка кивнул на предположение спелеолога. — Подумал бы первый раз в жизни, геолог, раз повод есть, ведь если они вернутся слишком быстро...

— Верно.

— Постойте-постойте, блин! Вы двое сейчас серьёзно обсуждаете эту херню? То есть: не так, что это были галлюцинации долбанной наркоты, а призраки прям призраки? Вы в своём уме, а?!

В его претензиях были слова истины. Вообще, я чувствовал себя брошенным в омут, покинутым прямо посреди боя без инструкций, приказов или цели. Что было делать? Чему верить? За кем следовать?

— А ты хочешь на себе проверить, иллюзия ли это, персонал? — тот не ответил. — Даже если так — иллюзия в тумане и из-за тумана. Травы, как сказал нам парень, просто усилили эффект, и пока мы здесь, нас всё ещё будет «глючить». Не хочу умирать от разрыва сердца, — он развернулся и направился к церкви. — Ровно, как и от призраков — тоже не хочу. А теперь пошли — не нравятся мне все эти деревья, хочу внутрь.

И мы разделились. Я ни разу не думал, что Рональд — тот, кто боялся «медведя» больше всех — просто так предложил бы идею разбиться на меньшие группы. Нет — он явно был не из храбрых, пускай и выделялся, так что всё время поисков моя голова была занята двумя мыслями: о том, где же правда; и о том, на какую тему должен был состояться разговор.

И если с последним было всё просто — достаточно было немного подождать, то вот с первым... Пока мы ещё шли через лес, парнишка как-то обмолвился, что та деревня, построенная его отцом, располагалась не у Кросс-Крик, как сказал мне Даниель. Вернее, он сам спросил, знаем ли мы, где находимся. «Если бы она была у Кросс-Крик — путь занял бы в два раза меньше. Не около тридцати пяти миль, а... я не знаю... пятнадцать?» — но правильное название реки или ручья — что бы там ни было — он так и не назвал. Зачем он спрашивал? Предполагал, что у нас была карта? Что мы знали, куда идти? А даже если так — зачем ему была нужна та информация, когда он, буквально, был у нас на привязи? Прежде, чем доверять ему, стоило ответить именно на тот вопрос: а был ли у него смысл нам врать?

В конце концов, Смит ведь был прав — то, что мы не линчевали его, всё ещё ничего не означало. То, что он без споров согласился нас повести — тоже. Он всё ещё был тем, кто без промедления, повинувшись слепой воле его отца-шамана-психа, собирался прирезать нескольких людей, словно скот. Мы же всё ещё были теми самыми людьми. Изменилось многое — да, но в том отношении не изменилось ничего.

В домах не было практически ничего нужного, хотя наполнению их могли позавидовать стандартные заброшки из центральных ША — большинство мебели: столы, стулья, плетёные корзины, глиняные вазы, выцветшие ковры и рваные шкуры — многие из вещей были на месте.

— Выглядит как расточительство, — обыскивая очередную полку, прокомментировал Уэйн.

Да, здоровый и среднестатистический человек и назвал бы это расточительством, но к здоровому и среднестатистическому человеку легко добраться грузовику доставки, а вот там... Там с переездами всё было куда сложнее. Да и само явление переезда, думаю, в целом было не так распространено. Скорее, всё то было похоже на миграцию: если люди уходили — уходили все вместе.

— Как будто натуральная эвакуация прошла. Знаешь: «Брать только самое важное и родственников».

— Если те вместятся.

— Ха-ха-ха-ха, — Рональд искренне и громко рассмеялся. — Это да. Учитывая объёмы моего старика, чёрт меня дери, он бы не влез.

Один дом, другой — ничего. Всё найденное было бесполезным, а всё, что могло бы быть полезным, давно пришло в негодность. Чем дольше мы обыскивали, чем дольше длилась тишина, изредка прерываемая неуверенными попытками заговорить, тем больше я понимал: это всё действительно было не ради шанса быстрее найти что-то полезное.

В конце концов, когда оставалось менее половины домов, моё терпение лопнуло — я остановился посреди гостиной и замер в ожидании. Уэйн, усмотрев что-то неладное, подошёл ко мне:

— Ты чего, мужик? — осторожно спросил он.

— Мне кажется, у нас должен состояться разговор. Я жду.

— Я... Хрена ли это ты так решил? — покосил он на меня голову.

— Правда будешь отнекиваться? — тот молчал. — Понял.

Я развернулся и уже было направился в следующую комнату. Возможно, я и ошибался, а, возможно, брал его «на слабо» — всё зависело от реальной версии.

— Ладно, — произнёс он из-за спины. — Но учти: во-первых, ты торопишь события, во-вторых, что бы ты дальше не услышал, держи в голове, что я не ебанутый.

— Учту, — обычно, если такое просят учитывать — делать этого не стоит.

Я обернулся и увидел, что парень не находил себе места от волнения. Он всё бродил, наматывая круги по комнате, перебирал в руках какую-то тряпку, словно пытался сосчитать нити в ней, и не мог подобрать слова.

— В общем... — с подходящего момента для разговора прошло даже слишком много времени. — Я вижу всякую хрень, — но не успел я сказать и слова, как он тут же в спешке перебил меня. — Не такую, как!.. Не!.. В общем!.. В общем, пока я бежал к тому дому, мне всё что-то мелькало в тумане, и...

— Как и всем нам.

— Но и после! Когда проснулись, когда мы с тобой сцепились, когда просто шёл по лесу, когда этот хренов выблядок шамана начал строить из себя невесть что — я всё время что-то вижу. Что-то... Что-то!..

— Бледное?.. — он перевёл взгляд на меня. — Высокое?.. И?..

— И же... Погоди-погоди! Я не могу сказать точно, но... Ты — тоже?.. — я кивнул. — Вот ведь блядство.

— Верить пацану? Насчёт духов?

— Нет... Не знаю. Верил бы, не знай, кто он. Он может врать. Он обязан был бы врать!

— Если не врёт?

— Если не врёт... Тогда эта поебота подбирается к нам всё ближе и ближе. Что он там говорил про силу духов?

— Чем сильнее дух — тем сильнее его влияние в материальном мире. Вопрос: почему ты решил рассказать это мне?

— А кому, блядь, ещё?! Энтони?! Узнай у своего напарника, видел ли он что-нибудь. Я верю в галлюцинации — да, но не верю в то, что они могут быть одинаковы у всех.

Я кивнул, и мы продолжили обыск. В его словах была толика истины. Вернее, его посетила та же мысль, что и меня: массовые галлюцинации не берутся из ниоткуда, не бывают одинаковыми. Но... могло ли быть всё то настоящим? «Не хочу умирать от разрыва сердца, — звучали во мне слова Смита. — Ровно, как и от призраков — тоже не хочу», — каким бы скептиком, каким бы циником я себя ни считал, инстинкты говорили ровно о том же — о том, что ни в жизнь я бы не стал проверять, реально ли всё это было. Ставки... и без того были слишком высокими.

— Эй! — раздался крик с противоположной стороны деревни, не успели мы дойти до последнего дома; кричал Сэм. — Э-э-эй!

Не раздумывая, мы тут же бросились на крик, исходящий из старой церкви. Как выяснилось, другой группе с поисками повезло больше. Намного больше.

Мы вбежали внутрь, рывком отперев двери. Те же скамьи, те же стены, те же окна — церковь почти целиком и полностью походила на ту, что мы видели в Тагитуке. За исключением двух вещей: она, очевидно, была в более плачевном состоянии, и потолки там были несколько ниже.

— В чём дело?

В здании была просто уйма пыли. Всё — стены с облезлой краской, скамейки, деревянный пол — всё прогнило из-за сырости и посерело.

— Сам посмотри.

Смит отошёл от одной из скамей, открывая мне вид. Я посмотрел и... Того точно не могло быть! На ней — одной из той, что была в первых рядах — лежал Даниель. Весь в грязи, весь в пыли, весь измазанный листьями и истыканный иглами елей, но всё же Даниель.

— Ни единой царапины, — сказал мне Сэм. — Даже стрела из колена, как видишь, пропала, — указал он на кусок тряпки вместо бинта на ноге, — сломалась, должно быть, пока бегал-падал по лесам.

— Но спит наш проводник, как убитый, — Энтони развернулся и посмотрел позади меня. — А ты чего там застыл, геолог? Стыд до паралича пробрал?

Рональд, остолбеневши, стоял посреди входа. Точно — с того момента, как дверь открылась, и я увидел знакомый силуэт, валяющийся на скамье, я слышал шум только собственного бега. С ним явно было что-то не так. То выражение его лица... нельзя было назвать просто удивлением, и уж точно — не радостью.

— Я... Я...

— Что ты там мямлишь?

— Я... Это не... Я бы на твоём месте заткнулся, белобрысый! — его гримаса резко приняла привычный вид, а голос — привычный тон. — Учитывая то, в какой жопе мы были, когда были последний раз вместе — я бы посмотрел на то, как ты бы не удивлялся!

— Вот так, например? — указал он на своё лицо. — Или вот так? — нахмурил немного брови. — Или так? Или так?

— Завали! — кажется, Уэйн полностью пришёл в себя после «удивления», так что пошёл вперёд, бубня себе под нос. — Тут каким-то чудом выживает один ублюдок, за ним выживает не менее чудесным образом Дэн, а он мне: «Не удивляйся», — нашёл, до чего доебаться. А сам-то наверняка челюсть от удивления ронял, пока нас не было, хренов выскочка, да как вообще?..

— Что с ним? — обернулся я на Энтони.

— На лицо — сильная усталость и обезвоживание.

— Воды из той полугрязевой речушки должно хватить, — пока мы шли до деревни, на нашем пути действительно попадались несколько странных, наполовину высохших рек.

— Судя по его состоянию, он выпьет всю до дна, и этого ему будет мало. И ещё: в тебе, конечно, много альтруизма, но им сыт не будешь.

— Нужна еда?

— Именно.

— Охота, значит? — подойдя, рывкнул геолог. — Если и так — только один из нас умеет стрелять из грёбаного лука.

Мы вместе оглянулись на Теккейта, смиренно сидящего за скамьёй. Сцепив руки и опустив голову, он нашёптывал себе под нос какие-то молитвы. К счастью — на английском.

— Я пойду с ним, — сказал Смит. — Заодно и попробую общество того, кто может говорить тише, чем ты, геолог.

— Хера с два, — ткнул он того, — мы оба пойдём с ним. Последний, кому я тут буду доверять — это этот рыжий ублюдок.

— Спасибо за заботу, но...

— Никакой заботы. Ты — предпоследний. Так что не задавайся.

— Мы могли бы пойти с вами, — указал я на Сэма. — Или один из нас — вместо одного из...

Рональд резко положил мне руку на плечо, почти ударив по нему. Взглянув ему в глаза, я тут же всё понял — этого он и хотел: пока я поговорил бы с Сэмом, он побеседовал бы «по душам» со Смитом. То был неплохой план.

— Сомневаешься во мне, «мистер Фогг»? — в один миг его серьёзность сменилась на ехидную улыбку. — Правильно делаешь. Но мы справимся. Даже, если надо будет делать чёртову работу за троих. А ты... не своди с Дэна глаз, — последнее прозвучало слишком странно. — И не вытворяй глупостей.

— И как ты будешь «делать работу за троих»? Ты же не умеешь стрелять из?..

— Заткнись!

Они собрались и в спешном темпе покинули церковь. Смит на самом выходе обернулся и хотел сказать мне что-то, но в последнюю секунду всё же решил промолчать, поставив себя в нелепое положение.

На улице, судя по времени, все ещё было утро. Как сказал парнишка, мы прошли примерно пять миль по неровному, запутанному лесу. Сильно хотелось пить. Очень. Временами я даже посматривал на бутылку в алчной и эгоистичной мысли выпить всё до капли, но нельзя было — Дэн мог в любой момент проснуться, и только дурак не понял бы, чего он потребует в первую очередь.

«Даниель жив, — пока половина нашей команды собиралась, та мысль всё не могла уложиться в моей голове, так что я повторял её себе раз за разом. — Даниель жив», — такой же бледный, как и Теккейт, уставший, спящий настолько глубоким сном, что даже попытки разбудить его силой не увенчались успехом... Получалось, что Рональд бросил его, даже не обернувшись? Но как?.. Почему? А даже если и бросил — как вообще человек с простреленным коленом, за которым гнались якобы призраки, смог от них уйти?

— Скажи... — Сэм сидел на скамье, параллельной скамье Дэна и смотрел на пустые постаменты и полки церкви. — Тебе не кажется всё это... странным?

— Что именно?

— Что Дэн выжил? Я имею в виду: будь это действительно призраки, желающие нас убить — он бы точно умер. А значит...

— Повезло?

— «Повезло»? Ты хоть слышишь себя?!

Он обернулся на меня. В его глазах было очень много чистого, нескрываемого презрения. Да, Сэма можно было понять — он был ещё большим скептиком, чем я. Личные обстоятельства его детства хорошо постарались над тем, чтобы он до конца жизни оставался приземлённым реалистом.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Ну, блин, не я же серьёзно начал воспринимать всю эту хрень про духов! Как вообще можно было на это повестись?!

— А ты не повёлся? — он замолчал на секунду, смотря на меня.

— А что я? Это обычная наркота — сто пудов. Стрёмная — да, в это я поверю. Может содержаться в этом треклятом тумане — с натяжкой, но тоже поверю. Но не в духов. И вообще, я...

Вдруг он замер и уставился в одно из окон. Выражение лица было ровно таким же, как и у Рональда, выслушивающего нравоучения от Теккейта — шок.

— Что ты?

Стоило мне обернуться, как я увидел, что прямо у наших стен стояло ещё одно обезображенное и уродливое создание — такое же высокое, как и то, что я видел в лесу, но более... тёмное. Кожа его будто была покрыта грязью и корой дерева, а на человека оно было похоже куда менее: сердцевидная, словно у совы, голова, была покрыта каким-то мхом и пульсирующими жилами, огромные, абсолютно круглые жёлтые глаза, что пялились на нас без единой эмоции, просто валялись в чрезмерно больших глазницах, а пальцы — чертовски длинные и многочисленные, растущие как из рук, так и просто из тела, тихо-мирно скребли окно, напоминая звуком трения пенопласт.

— Твою мать!

Я упал со скамьи и быстро пополз прочь от окна. Сэм же просто не двигался. Какое-то время оно всё ещё пялилось на нас. Пальцы сжимались и разжимались в ритм дыхания, обнажая поросшую мхом кожу, а небольшой, но очень вытянутый рот в форме капли издавал странный свист. Я был уверен — то свистел воздух между длинными, лишь немного показывающимися наружу из безумно вытянутой вперёд челюсти, клыками. В конце концов, существо медленно развернулось и, казалось, пошло к двери, если бы не одно «но»: оно исчезло в одном окне, но не появилось в следующем. Прошла вечность, а, быть может, и две, пока я смог восстановить дыхание.

— Галлюцинации? — спросил я, поднимаясь с пола.

Сэм всё ещё стоял в той же позе, в какой был в тот момент, когда увидел монстра. Медленно развернув голову, он взглянул на меня — во взгляде было то же самое презрение, хотя ответ и давался ему с большим трудом:

— Да! — его губы едва-едва двигались, а зубы и вовсе не разжимались. — Очень, блин, стрёмные. Очень... реалистичные. Но галлюцинации!

Впрочем, я не рассчитывал на другой ответ — слишком долго я его знал, чтобы надеяться на то, что его упрямство дало бы заднюю. Однако кое в чём я всё же убедился — в том, что только подкрепляло слова Рональда: Сэмюель видел то же, что и мы. Но кое-что ещё и пугало: если Сэм был неправ, если всё то действительно было не галлюцинацией, а духами, постепенно вырывающимися наружу, то у нас были большие проблемы, и были они прямо под нашими окнами.

Дверь рывком отворилась, и в церковь почти вбежал перепуганный до смерти Рональд. За ним, пытаясь то ли нагнать, то ли остановить, бежали остальные. Прошло куда меньше с их ухода, чем я ожидал — менее часа, это точно.

— Отойдите от него! — кричал он. — Прочь!

Я встал со скамьи и вышел в проход между рядами, смотря то на него, то на стены позади нас. Мне всё было неясно, куда же указывал его взгляд, пока он сам, пронёсшись и почти откинув меня обратно на скамью, не побежал в сторону Даниеля.

— Не может быть!.. Не может быть! — всё повторял он.

— Какого, блин, хрена тут происходит?! Где еда?! — возмутился Сэм.

Геолог подбежал к нашему спящему проводнику и, задрвав тому штанину, принялся практически разрывать то тряпье, что служило бинтом на прострелянном колене.

— Я всего лишь предположил!.. — попытался крикнуть Смит.

— Замолчи! Заткнись! Как ты мог о таком умолчать?! Не может быть!

Я ещё не успел дойти до него, как он, сняв бинт и оттерев рану, тут же отпрыгнул от Даниеля, быстро отползая прочь от него. «В чём же дело? — думал я тогда. — В чём в принципе может быть дело?»

— Какого хера?! Какого хера, блядь?!

Однако все вопросы исчезли, когда я увидел — за бинтом, там, где должна была быть рана от стрелы и перебитый коленный сустав, не было абсолютно ничего — целая, полностью здоровая нога. С опаской я подобрался ближе и, на всякий случай, задрал вторую штанину — то же самое.

— Быть не может.

— Я... Я... — всё пытался проговорить Уэйн. — Ты! Белобрысый! — Энтони осторожно шагал вперёд, всё время посматривая на дверь. — Скажи ему то же, что сказал мне! — тот лишь молча подходил, волоча за руку парнишку. — Скажи!

Но он не говорил. Только кинув Теккейта вперёд к нам — в зал перед местами для молящихся — и загородив собою единственный коридор между теми самыми местами, он, наконец, зашептал очень отчётливо и членораздельно:

— Обнаружив отсутствие ранения, я кое-что предположил... — он осторожно осмотрел всех нас и поправил куртку на себе. — Если парнишка — Теккейт, — указал он на испуганного паренька, — сказал, что туман позволяет духам проникать в наш мир, — Теккивнул, — и что духи и мёртвые — это не одно и то же, — тот снова кивнул, — то я предположил только одно: что, если Даниель мёртв?

В церкви повисла полная тишина. Только ветви елей изредка стучали по стёклам, покачиваясь от ветра.

— Но... — Сэм медленно и осторожно подошёл к Даниелю. — Он же здесь, верно? Он же дышит?

— Если это не он, персонал? Парень подтвердил мои опасения, когда я спросил его об этом. Скажи: ты видишь хоть где-нибудь дырку от стрелы? Видишь рану?

Даже слепому и издали было видно, что колени Дэна были в идеальном для жителя Аляски среднего возраста состоянии, так что Сэмюель молчал.

— Ты ведь видел, что Теккейт точно попал? Вы все видели это, верно?

— Почему не сказал раньше? — спросил того я.

— Чтобы не поднимать панику, разумеется. Однако оказалось...

— Я видел, как его убили.

Рональд то ли с опаской, то ли с ненавистью смотрел на Даниеля широко раскрытыми глазами. Я не мог до конца понять, что происходило. В один миг и без того непонятная мне картина, и без того узкий и странный мирок, замкнутый по кругу туманом, стал ещё уже и непонятнее. Всё то было... нереальным? Всё... просто казалось таковым?

— Не хотел говорить и не поверил бы сейчас, если бы не видел сам, но... Когда я его оставил, я... Я обернулся. Я видел, как какая-то хуйня разорвала его точно пополам, размазав брюхо и раскидав кишки по деревьям. Я видел это своими глазами!

— И именно поэтому ты?.. — вспоминал я поведение парня, когда мы только его встретили.

— Но не мог ничего поделать! Я бы не бросил его, если бы знал, что был хоть какой-то шанс выжить с ним!

Мы все инстинктивно обступили Дэна полукольцом. Лишь Сэм, изначально стоявший

рядом, будто закрывал его собой.

— Скажи... — спросил почему-то я Теккейта. — С убийством мёртвых те же правила, что и с призраками?

— Что?! — оскалился на нас мой напарник. — Ты что за херню сейчас спросил, а?! Перед вами человек! Живой, блин, человек!

— Вообще-то... — тихо начал наш проводник. — Мёртвые вообще не должны были бы показываться живым — у них, по идее, нет ни силы, ни осознания, как это делать. Так что... Даже если и убить мёртвого — думаю, он останется здесь. Пока не сойдёт туман — точно. Но это лишь предположения. Если не проверим...

— Да вы все дубу дали! Не позволю! — но никто ничего не ответил. — Мужик! — уставился он на меня. — Только не говори, что ты тоже долбанулся! Сам слышал — мы никак это не проверим, пока всё это дерьмо происходит на улице! Ты!.. Ты же солдат, мать мою за ногу! — чёртов Сэм — он знал, куда бить, чтобы мне было больнее. — А перед тобой — гражданский! — слишком хорошо знал. — Мы не можем! Нельзя так делать!

— Но где тогда рана, персонал?!

— Да похрен на рану! Сама затянулась! Я вот хрен его знает, какие ещё свойства у вашего грёбаного тумана есть! Если вы уж поверили в духов — тогда и в это!..

— Отойди, Сэм, — почти приказал ему Рональд. — Просто отойди.

Круг всё сужался. Уже через несколько мгновений мой напарник был зажат в такое плотное кольцо, что даже ему самому уже было не вырваться из него. «Что я делаю? Неужели я это делаю? — всё думал я. — Неужели мы сошли с ума?» — но на другой стороне весов всё ещё была она — чудом затянувшаяся рана стрелы. Трое из нас точно видели духов, и в тот момент никто, кроме одного, не сомневался, что видел мёртвого. Было ли безопасным оставлять того? Да и... Кем мне был Даниель, чтобы так рисковать?

Рональд схватил Сэма за воротник и уже хотел отбросить прочь, но нет — Сэм сам схватил того и, собрав все силы, рывком дёрнул в сторону, буквально сталкивая телом Уэйна всех остальных прочь. Я успел отпрыгнуть. Энтони и Теккейт повалились друг на друга.

— Не позволю! — вскричал тот.

Однако Уэйн был другого мнения, и как только смог крепко встать на ноги — тут же вдарил лбом по носу противника, а затем, схватив одной рукой за ворот, начал второй наносить удары.

Эхо разлеталось по всей церкви. «Не позволю!» — всё кричал Сэмюель всякий раз, когда его челюсть встречала кулак Рона. Даниель всё ещё крепко спал — мертвецки крепким, я бы тогда сказал, сном. Смит и Теккейт просто отошли в сторону, боясь вступить в конфликт, а я... я лишь стоял и смотрел, как вдруг услышал те самые слова, звучащие в моей голове: «Ты же солдат, мать мою за ногу! — он сказал это так, будто бы сам старина Филлипс стоял передо мной и отчитывал. — Ты же солдат!» — но... что за солдатом таким я был? Смотрел за тем, как избивают одного невинного, потому что хотел, чтобы убили другого. Более того: каким напарником я тогда был?! Нет... Я был бы трусом, ничего не сделай в тот момент. Даже больше — я бы был предателем.

— Не позв!..

Очередное эхо от удара разнеслось по помещению, но на сей раз вместо того, чтобы получить тот самый удар, мой напарник просто упал на пол. Оглянувшись, он увидел, как рядом с ним, держась за ухо, распластался его противник — Рональд, а над ним, сжимая кулак одной руки и протягивая другую, стоял я.

— Вставай.

Да, то, что лежало на скамье, точно не могло быть Даниелем. Все мои инстинкты, все чувства говорили о том, что он не мог им быть. Но... если я был неправ? Да и... давала ли моя правота... или общая — плевать... Было ли у нас право его убивать?

Как только поднялся Сэм — я подал руку Уэйну. Не нужно было заводить себе врагов. Мы не должны были стать ими тогда, когда весь мир был против нас. Да и... какой ценой? На них обоих было больно смотреть: ссадины, синяки, разбитые челюсти, губы и переносицы. «Команда», — в этом слове было много всего. Слишком много, чтобы мы в тот момент ему соответствовали.

— Что будешь делать? — спросил Смит издали.

И действительно: остановив обоих, я перенял лидерство на себя. В тот момент больше не могло быть того, кто отдавал бы мне приказы, потому что именно я стал тем человеком. Взглянув на Даниеля, на его иссохшее, бледное и слабое тело, я абсолютно растерялся и не знал, что делать. Он не мог продолжить с нами путь. Но он не должен был бы там умереть.

— Оставим его здесь.

Кажется, я мог спиной ощущать те возражения, что должны были огромным снежным комом посыпаться мне на голову — ни первых, ни вторых наверняка не устраивал такой расклад, но за моей спиной была лишь тишина. Если он был мёртвым — глупо было давать ему шанс восстановить силы и, возможно, стать духом. Если он был живым — нужно было бы тащить его за собой, пока он не проснулся бы, кормить, поить и, главное, спрашивать. Да, я действительно ощущал очень много возмущения, очень много противоречий за моей спиной, но и знал, что лучшего плана, лучшего компромисса не было ни у кого.

— Выберем дом поцелее и понадёжнее. Запрём двери, закроем окна и оставим немного провизии.

— Хера с два я отдам ему!..

— Не обсуждается, — обернулся я на Рональда. — Или ты смог бы сказать то же самое, будь он в сознании? Не пользуйся чужой слабостью.

— Я не!.. — он окинул всех взглядом и, оскалившись, опустил голову. — Хер с вами... Но потом не нойте, что еды не хватает!

Поступили ровно так, как и планировали — занеся Дэна в один из домов, мы оставили ему еды и воды и зашторили окна. Возможно, это и было убийством — оставлять его там. Но с равной степенью то же самое было и пощадой, учитывая то, какой исход его мог ожидать. Стараясь не оборачиваться назад, мы ушли, оставив право случайности решать судьбу живого человека.

Лес был более неприветлив, чем раньше. За хрустящими под ногами иголками и ветвями всё время слышались странные хрипы; прерывистые, нездоровые стоны; скрип и шорох деревьев от чьих-то когтей. И туман — он тоже был куда более неприветлив, чем раньше. Раньше всё, что нас могло ожидать в нём — голодная смерть и медведь, а тогда... тогда уже никто до конца не был уверен, что в нём могло быть.

— Не отставайте, — донёсся голос Рональда из-за пелены. — Пойдём прямо на чёртов запад. Так же, как и пришли.

— Какого чёрта, геолог? — голос Смита слышался примерно на таком же расстоянии. — Такой крюк займёт у нас ещё несколько миль, если не целый десяток.

Кажется, тогда я и начал понимать, почему некоторые люди сходили с ума во время

паники. Подумать только: ещё несколько минут назад мы обсуждали то, стоит ли нам убивать человека, до этого — спасали свои жизни от призраков-иллюзий, а потом вновь шли по тем самым лесам, зная, что в любой момент нас может настигнуть смерть, но думая лишь о том, куда нам стоит идти на том пути. Действительно — то было безумие.

— Помните ту грёбаную деревушку, где мы остановились? Ещё до того, как пересечь речку? — я крикнул, что помню. — На горе, что у этого треклятого села, должна быть мобильная связь.

— Ах, да — ты же...

— Верно — я помню, что там должно ловить. По картам, по крайней мере.

Через несколько секунд мы с Сэмом нагнали идущих впереди. Вернее, они остановились, чтобы подождать нас, и мы пошли вровень, обсуждая ситуацию.

— Потому что, — продолжил Рон, — если всё дело в тумане, если он действительно позволяет призракам...

— Кайана, — ответом на моё предположение служил утвердительный кивок.

— С другой стороны, — вклинился Смит, — если мы не будем пытаться зазря играть в альтруизм, а сразу пойдём в город — будет больше шансов...

— Поздно. Помнишь утро перед отъездом? — взглянул я на того. — Туман уже в Кайана.

— Тогда куда предлагаешь нам идти, Фогг?

— Всё ещё в город. Но сначала — разведаем. Попробуем позвонить как туда, так и в службы спасения, в армию. Крюк даже в десять миль — это всего три часа времени, а риск идти на разведанную территорию станет несравнимо меньше, — почти все утвердили моё предложение; все, кроме одного. — Что думаешь, Сэм?

— Я?.. — он всё ещё молчал с перепалки в церкви, держась за синяк на скуле. — Я всё ещё поверить не могу, что мы его там оставили...

Мы переглянулись между собой и, не сказав ни слова, пошли дальше. Сэм... Чёртов Сэм... Он же понимал, что это решение не было простым. Должен был понимать, чёрт возьми! Но нет — он всё давил мне на совесть, всё думал, будто для меня это было так просто — оставить человека. Может, это было и решено мною быстро, но... промедление всё равно ничего бы не дало, а решение не изменилось бы. Мой психотерапевт на одном из наших сеансов упоминал, что мозг, на самом деле, принимает решения за доли секунды — всё остальное время мы просто пытаемся нивелировать те контраргументы, что возникают у нас в голове. Посмотрев на Даниеля тогда... я сразу понял, каким будет мой выбор. Смысл мне было медлить? Чтобы быть человечнее? Чтобы казаться человечнее?

— Мне не нравится этот шум, — прошептал Смит, идущий рядом со мной.

— Как и деревья у деревни?

— Именно, Фогг. Геолог спросил, видел ли я что-то, когда мы вышли с ним на охоту. Получается, он тоже видел. А ещё раз сказал, что говорил с тобой — получается, что и ты в курсе. Ты спрашивал и своего напарника, верно?

— Верно.

— И что он ска?.. Чёрт, — он на секунду обернулся и тут же завёл локон светлых волос за ухо, пытаясь скрыть оскал.

— В чём дело? Ты?..

И тогда до меня дошло: всякий раз, когда он просил поторопиться или жаловался на «деревья» — он тоже видел. Причём, судя по всему, видел ближе, чем все мы, вместе взятые.

У человека должен присутствовать страх — это инстинкт, но Смит... Его спокойствие пугало и потрясало одновременно.

— Почему ты так спокоен? — вопрос, зудящий мои мысли, сам сорвался у меня с языка.

— Страх не продлит мне жизнь, — хрипло ответил он. — И проще с ним тоже не станет. Так что лучше я останусь спокойным, Фогг.

— Псих.

То слово вырвалось у меня случайно и очень неудачно, но спелеолог вновь даже и бровью не повёл — лишь легко улыбнувшись взглянул в никуда, высоко задрав подбородок:

— Может быть. А может и нет. Если тебе нужен мой страх — скажи. Я побледнею немного, постучу зубами... А если нет — не спрашивай ерунды. Моя голова сейчас занята не тем.

— А чем же?

— Просил ведь не спрашивать ерунды, — оскалился тот. — Тем, что... Тебе не кажется это странным? Даже в том случае, если всё это реально — вчера ночью они точно гнались за нами, пытались догнать и убить так, будто действительно могли это сделать, а сейчас... — да, он точно был прав — то, что духи или чем бы они ни были, держались на расстоянии, тревожило и меня.

— Собирают силы?

— Вероятнее всего. Если верить Теккейту, то в тот момент, когда их призывал его отец, они смогли пройти в мир полностью, будучи ограниченными лишь его волей. Может... им требуется время, чтобы прийти «сюда» самостоятельно?

— И получается, то, когда нас настигнет смерть — вопрос времени?

— Да, — твёрдо ответил Смит. — И, как мне кажется, время бежать придёт быстрее, чем мы вновь дойдём до реки. И ещё... — он взглянул на меня и медленно утих. — А хотя, неважно. Оставим эту мысль в покое.

Я оглянулся и, как мне казалось, увидел лишь однообразный лес, быстро исчезающий вдаль. Однако стоило мне оставить свой взгляд и подождать, как один силуэт, похожий на ствол дерева, медленно поплыл в тумане в нашу сторону. Они были близко... Нет — очень близко, но всё ещё держались на расстоянии. Энтони точно был прав — это было не больше, чем везеньем, и это везенье собиралось закончиться в ближайшие минуты...

Но главное: в мою голову закралась издевательски подлая мысль, очень страшная в сущности своей, очень опасная: а что, если любой из нас на деле мог оказаться мёртвым? Предателем?

Глава 7. Илистый берег

— Где чёртов мост?!

Мы сумели дойти, можно даже сказать, добежать до реки невредимыми. Вой, шорох позади нас, их частота — всё это стало почти невыносимым, так что пришлось бежать.

Перед нами предстала та же Сквирел, что и раньше — стремительная и холодная. Пока мы сидели в деревне Амарука, Даниель как-то обмолвился, что обычно она была куда уж и мельче, но сезон дождей, как назло, сделал своё дело.

— Парень, мать твою! — Рональд схватил Теккейта за ворот и закричал, перебивая шум реки. — Не води нас за нос: где грёбаный мост?!

— Нет моста! — прокричал тот. — Я и не говорил, что он будет! Или, по-твоему, они здесь каждые две мили стоят просто так, от нечего делать?! Ближайший мост — тот, по которому вы пришли сюда — в десяти милях на север! А здесь!..

— Тогда какого хера ты молчал?!

— А здесь, — он одним резким движением вырвался из хватки геолога, — самое неглубокое место реки! — он встал рядом с береговой линией и указал на дно.

Было за полдень, солнце должно было светить ярко и хоть немного пробиваться через туман. Наверное, оно и пробивалось — сложно было сказать — мои глаза столь привыкли к серым оттенкам, что облачная и солнечная погода сравнялись между собой. Однако за серой стеной, окутавшей реку и распластавшейся ровно над ней, словно дым, действительно проглядывалось илистое дно. Тёмное, наверняка скользкое, оно всё же уходило вниз под весьма небольшим углом. Нет, ещё один крюк в десять миль, дающий в сумме двадцать, точно не был вариантом. Идти вдоль реки к самой Кайана — тоже — не с таким хвостом, что ожидал нас в лесу. Нужно было решаться.

— Сможем ещё пойти по двум небольшим участкам земли, — продолжил парень. — В обычное время — это такие себе островки, но сейчас...

— Погоди-ка... — вдруг окликнул меня Смит. — Эй, Фогг, взгляни туда, — указывал он пальцем куда-то на лес.

— Ничего не вижу.

— Вот именно, — сквозь зубы прошептал он. — Где поляна, которую мы только что прошли?

И ведь действительно — лес в том районе был очень неравномерным, часто прерываясь на небольшие степные участки. Один из таких был прямо перед рекой, перекрываемый буквально одной полосой деревьев, но когда я оглянулся... передо мной был обычный густой лес.

— Ускорим шаг! — скомандовал я.

Стоило мне это сказать, как деревья медленно, почти незаметно начали плыть на нас. Меня не покидало странное ощущение первобытного страха, когда я глядел на них. С одной стороны — это была просто опасность, очередной враг на поле, а с другой... С другой меня не покидала мысль о том, что все те существа, все те нечеловечески извращённые чудовища, что я видел, были когда-то людьми. И интересовал, как и подливал ужаса, лишь один вопрос: а было ли им больно превращаться в тех, кем они стали? «Не хочу умирать от сердечного приступа. Ровно, как и от призраков — тоже не хочу».

— Быстрее!

И мы спешно вошли в воду, идя примерно за парнишкой. Дно действительно было очень илистым, ощущалось неприятно-скользящим самой подошвой моего ботинка, хотя физически это и было невозможно. Каждый шаг, каждое движение казалось подлым, ненадёжным. Будто бы поскользнуться и упасть было данностью, а то, что каждый из нас стоял на ногах — чистым везением.

«Деревья» всё приближались к береговой линии. Даже не знаю, откуда появился и как описать ту самую панику, окутывающую меня — то был будто страх перед неизвестностью, помноженный на десятки сотен тысяч раз. Даже скользкое дно реки — страшно было не упасть, нетвёрдо ступив на почву, страх не в опасности быть унесённым холодным течением, нет — он был в той самой неизвестности: «А что будет, если я упаду? А успею ли я подняться? А есть ли вообще у меня шанс подняться?». Каждый миг ощущался последним, каждое движение — решающим и провальным.

Искомый островок показался буквально через сто десять футов, но тут же кончился прерываемый стремительным потоком воды. «Осторожнее!» — донёсся до меня крик

Теккейта, но мне было не до того — я всё не переставал оборачиваться на тот лес, медленно идя вперёд. Если всё было так, как предполагал Энтони, если сила тех чудовиш действительно уже дошла до критической точки, то им оставалось лишь одно — дойти до нас.

Шаг, шаг, ещё шаг — и темнота. Отчётливо помню тот момент — именно тогда я и подумал, что не так уж и опасно было идти по той реке. Ха... У моей жизни всегда был интересный юмор, что ещё сказать?

Наверное, прошла целая вечность, пока я там бултыхался. По ощущениям, по крайней мере, точно прошла. Меня медленно и одновременно стремительно нёс поток воды, раскручивая в себе, словно мяч. Я всё пытался уцепиться за дно ногами, руками — хоть чем-нибудь, пока окончательно не потерял ориентацию в пространстве. Даже создалось впечатление, будто течение само прибивало меня ко дну, но... я не чувствовал того.

Будто бы само время остановилось, будто бы какой-то древний бог замедлил всё, чтобы поговорить со мной — целую вечность в невесомости, крутящей меня по своей чудаковатой оси, я думал лишь об одном: «Мне нечем дышать». В какой-то момент даже мысли о смерти — даже они перестали казаться странными и перешли с плоскости вопросов: «Умру ли я?» — в вопросы о том, когда же это произойдёт.

Удар. Ещё удар. Несмотря на боль в спине и затылке, я ухватился за берег, прочерчиваемый моим телом, как за собственное боевое оружие. Скользящие пальцы медленно погружались в землю и, вместе с тем, съезжали дальше, пока моё тело уносило течением. Нельзя было упускать такой шанс. Просто нельзя было!

Вынырнув, я увидел, что меня уносило ещё от одного островка, что, получалось, был ниже по течению. Берег был буквально в шести футах от меня, но сила реки была настолько мощной, что любое лишнее движение ощущалось роковым. Не знаю, сколько я так и держался за то илистое дно, постепенно отдаляясь и нелепо перебирая то руками, а потом — и ногами, стараясь не теряться в расстоянии, но в конце концов из тумана показался знакомый мне силуэт — Теккейт, а за ним, почти спина-в-спину — Рональд.

— Держи меня! — крикнул Уэйну Тек и, подав руку, побежал в воду. — А ты хватайся!

То был хороший план. Да, точно. Для неуверенного в себе парнишки, выговаривающего даже не провокационные предложения очень осторожно и несмело, то был явно хороший план. Правда, одного он не учитывал: смотря тогда на руку, тянущуюся ко мне, я отчётливо понимал, что мне нужно будет совершить рывок и оттолкнуться земли — рискнуть всем, чтобы дотянуться.

— Давай уже! — прокричал Рональд, медленно соскальзывая по берегу.

Он был прав — нельзя было больше медлить. Вода уже была мне по глаза — цепляться руками я уже просто не мог, ноги скользили, а течение уносило всё дальше. Встав в позу для рывка, я совершил жалкий, по меркам обычных обстоятельств, выпад вперёд и, разгребая воду, рывком рванул к спасительной ладони. Секунда, другая...

— Есть! — услышал я из-за шума реки и ощутил на себе холодную, даже ледяную хватку. — Тащи давай!

— Я тебе сейчас, блядь, потащу! — натужено вымолвил Уэйн. — Командует так, будто весит всего двадцать фунтов!

Вцепившись крепче, я попытался встать ровно и медленно пойти вперёд, но меня всё время уносило, буквально подкидывая тело на верхний уровень воды и вертя его, словно оглушенную кильку.

— Не шевелись! — подтягивая к себе, прохрипел парень. — Хуже сделаешь!

Наверняка у него уже была такая ситуация, и не раз, ведь даже если исключить все те странности, что приключались с нами, то я бы всё равно не смог утверждать, что жизнь на Аляске была простой. Хотя... я ведь, наверняка, и десятой части от неё не видел. Вот уж действительно: чужак; турист.

В конце концов, буквально вытащив моё тело на берег, спасители, как один, повалились на пол. Ощувив под собой твёрдую почву, я, наконец, обрадовался тому, что смогу встать на ноги сам, но куда там — они меня просто не слушались. Там — на том маленьком островке, все мы напоминали троих рыбёшек, выброшенных на берег — просто валялись в грязи, дыша самым глубоким и сбитым ритмом.

А затем нас втроём пробрало на странный, очень измотанный смех. Несмело, по одному, но уже через минуту все мы смеялись, даже не видя на то причины. Человеческая природа не подразумевает длительного и сильного стресса, так что мозг всеми силами пытался найти повод сбавить давления. Вот так и получилось, что мы втроём, окружённые смертельно опасным туманом, духами на одном берегу и медведем-призраком на другом, лежали посреди небольшого островка спокойствия и, чуть не погибнув в реке, смеялись... Жизнь и вправду — странная штука.

— Эй! — раздался голос Сэма откуда-то севернее. — Как вы там?!

— Нормально! — то ли сорванным, то ли охрипшим голосом прокричал Рональд. — Но могли, суки, и помочь!

— Ага. А если бы я, побежав, упал со своей рукой? — эхом дошёл до нас голос Энтони. — Да и ты что... разуверился в себе, геолог?!

— Пошёл нахер!

Мы вновь рассмеялись, посматривая в сторону криков.

— Вы уже на берегу?!

— Нет! — откликнулся я, хотя крик и давался через боль в горле.

— Тогда давайте сюда! Мы на втором островке — проще будет пересечь берег от нас!

«Вот и отлично, — подумал тогда я, пытаюсь подняться хотя бы на колени. — Выжил — нужно двигаться дальше. Тем более, что они уже...» — и дальше была словно пустота. Будто нить мысли, которую вёл, жадно оборвали у основания, забрав с собою клубок. Что-то было не так. Что-то точно было не так. Я оглянулся на Теккейта — ещё более бледного, чем раньше — и сразу всё понял: мы были на втором островке, а их было всего два. Поднявшись на ноги, я подбежал к берегу и, что было сил, закричал:

— Уходите оттуда! Бегите!

Но ответом мне были лишь тишина и шум реки. Убийственно громкий, перекрывающий всё шум. Они не могли того не слышать — слышали ведь все предыдущие мои слова, верно? Тогда почему же они молчали?

— Сэм, бегите оттуда! — повторил я, почти умоляя, но ответом вновь была тишина. — Сэм?!

Мир словно резко вернулся в свой рутинный ритм. Я стоял и смотрел вдаль, в бесцветную стену, омываемую снизу рекой, слышал только монотонный шум, но ощущение было, будто бы я находился в лифте и, закрыв глаза, всё ожидал, пока передо мною откроются двери, пока странно растянувшиеся резиной тросы наконец дотянут тот железный куб до моего этажа, пока секунды, проходящие перед открытыми глазами в мгновение ока, дойдут до конца своего жалкого существования. Всё тянулось медленно... Слишком

медленно.

— Ты уверен, что острова всего два, парнишка? — очень тихо, очень неуверенно спросил Рон.

— Уверен, — так же прошептал Теккейт. — Быстрее поверил бы, что один из них затопило, чем третий насыпало.

Вдруг в том же направлении от нас раздался оглушительный всплеск, больше похожий на взрыв гранаты. Словно целый кит ударился о ту маленькую речушку брюхом и, протяжно да низко взыв, затонул, растворившись в ней. На берег нашего островка начали накатываться небольшие волны, мало-помалу увеличиваясь в высоте.

— Сэм?!

Я вновь окликнул того в слабой надежде на невозможное и всё смотрел вперёд — в однотонную непроглядную гладь, надеялся увидеть что-то, сам не зная, что именно. Мысли были словно те волны — каждая следующая была страннее и пугающее предыдущей, но все они разбивались о берег реальности, на котором всё ещё было смертельно тихо.

Даже духи леса — те, что преследовали нас лишь в шаге расстояния, просто замерли на берегу, маяча своими головами над серой стеной. Они точно боялись того, что было в той реке, они точно знали — то была уже не их территория.

Я мало был знаком с мифологией инуитов или эскимосов в целом в то время — какие-то размытые и до жути стереотипные образы о людях, живущих в бараках и палатках из шкур животных, копошились в моём разуме, составляя причудливую картину чужой религии — той, где каждый зверь — божество, где каждое природное явление, каждое событие погоды — тоже божество. Чем меньше знает человек, тем больше богов себе он придумывает, а что ещё можно было подумать о религии людей, о её жестокой наполненности, если те люди могли, при надобности, заночевать в шкуре только что убитого животного?

В тот момент, когда последние волны добивали берег нашего клочка земли, я уже не надеялся ни на что. Испарившийся, исчезнувший в чёртовой грязной реке Сэм говорил мне только о том, что тот самый момент, озвучиваемый так же исчезнувшим Смитом, пришёл — у духов, у иллюзий, у кровавых чудовищ другого мира или извращённых образов моего собственного разума стало достаточно силы, достаточно воли, чтобы не просто идти за нами.

— Смотрите! — вдруг вскрикнул Рональд, указав прямо перед собой. — Видите?!

Я развернул свой взгляд чуть левее источника шума и увидел, как по течению медленно плыло что-то грузное. Стремительно уносимое вниз на юг, оно абсолютно никак не шевелилось, а пелена над рекой всё никак не позволяла разглядеть это лучше. «Дух? — промелькнула у меня мысль. — Это и есть то самое чудовище?».

Но вдруг я услышал всплеск рядом с собой. Не прошло и мгновения, как перед моим остолбеневшим взглядом появился Теккейт, быстро и одновременно осторожно идущий навстречу плывущему нечто.

— Помогите! — прокричал он нам. — Хватит пялиться уже!

«Помогите?! А в чём помочь? Неужели он настолько сошёл с ума, что хочет умереть?!» — но всё же, повинувшись какому-то нелепому инстинкту, я поднялся на ноги и уже был готов ступить в воду.

— Да ну нахер! — поразился вдруг Уэйн. — Реально?! Блядь!

Уставившись вперёд, он схватил меня за плечо и широким прыжком рванул в воду. Что они все видели? Что такого было в том уродливом, пугающем силуэте, чего не видел я?! До

последнего момента — пока мы не встали втроем в шеренгу, перекрывая часть реки — я был уверен в том, что на нас плывёт порождение чужеродной бездны, что моя жизнь, как и осмысленное существование в этом мире, закончатся именно так — от руки непостижимого и непринятого мною нечто, но... Я ошибался.

Как по щелчку пальцев, как по чьей-то странной уличной магии, за которую просят, обычно, не больше двух долларов, я начал видеть — странные контуры складывались в закономерности телосложения, причудливые формы и узоры обретали смысл и ясность — за какие-то доли секунды я смог переменить и осознать мысль, что на нас плыло вовсе не чудовище — на нас плыл оглушённый Энтони Смит.

— Твою мать... — едва вырвалось у меня.

И только ко мне пришло это осознание, как тут же стало понятно и то, почему мы встали шеренгой, рискуя собственными жизнями — течение было очень переменчиво, крутило и кидало тело незадачливого спелеолога, лишь каким-то чудом не погружая его под воду.

— Держи! — сказал Теккейт Рональду, когда Смит начал плыть прямо между ними.

— Есть! Фогг, бери ноги и на берег! — так я и поступил.

— Не на тот! — потянул тело на себя наш проводник. — На нормальный берег! Быстрее!

Решив, что возвращаться на остров было самоубийством, мы, сломя голову, побежали с Энтони к берегу самой реки, едва-едва держа его над водой. Он точно был в сознании и точно дышал. Если не сама судьба, то удача точно была на его стороне — в тот момент, когда он получил оглушение, его перевернуло на спину. Да, скинуло перевязь, да, его сломанная кисть вновь была под странным углом, на его теле была куча синяков и ссадин, а одна из его ног и вовсе сочилась кровью, но он был жив.

Однако не это меня волновало — во мне всё ещё тлела слепая надежда на чудо. Словно предположение о том, что если выжил один — выжил и второй, могло быть рациональным. На деле, конечно же, оно таковым не было — хищник отпускал одного зайца только тогда, когда ловил другого.

— Где Сэм?! — закричал я, как только мы ступили на твёрдую землю, Смит молчал. — Где Сэм, Энтони?!

Но тот лишь слабо качал головой из стороны в сторону. «Нет, — означали его движения. — Нет, — всё пытался сказать он мне. — Нет, — и всё отказывался верить я».

— Нет!

Слово будто само сорвалось с моих уст, и я, окрылённый гневом, чистым ощущением присутствия несправедливости и бесчестия в мире, развернулся и собрался идти обратно в реку. «Если выжил один — выжил и другой! — всё твердило мне моё нутро. — Если такой, как Смит, выжил, то Сэм — уж давно!» — но уже через миг кто-то обхватил мою шею и, крепко сдавив, заставил застыть на месте. То был Уэйн, в том не было сомнений — такая хватка... могла быть только у него.

— Стой! — попросил он меня, с трудом держа на земле.

Я не был намерен останавливаться. Нет, чёрт возьми! Каким был бы я напарником, каким был бы солдатом, если бы просто испугался?! Страх — неотъемлемая часть человека, но трусость — это неотъемлемая часть поражения. Я не был намерен проигрывать! Я готов был осушить ту чёртову реку, перерыть весь её илистый берег до основания, пока мне в ухо дышали бы чёртовы призраки!

Вдруг кто-то обхватил меня за щиколотку. Я обернулся и увидел смотрящего в мою сторону Смита. Всё ещё лежащий на спине, он потратил все силы и немало времени лишь для того, чтобы дотянуться до меня — даже развернуть голову он не мог, так что просто скосил зрачки вбок.

— Смерть, — наверное, ему казалось, что он шептал, так как он-то точно слышал себя, но всё, что мог делать я — это читать по губам то самое слово. — Смерть.

Это подействовало. Куда сильнее, чем пытающийся задержать меня двухсотфунтовый Уэйн. Чем дольше я смотрел на спелеолога, чем дольше пытался уловить его взгляд, устремлённый куда-то вверх, тем больше понимал: ему просто повезло; не было никакой закономерности в его выживании, не было никакого хищника и двух зайцев — ему просто повезло. Всё было прямо так, как на войне, и умирали как герои, так и трусы; выживали — тоже поровну.

В какой-то момент я даже поймал себя на странном осознании того... Что я вообще тогда делал? Я стоял у берега реки, где только что, вероятнее всего, погиб близкий мне человек, стоял и уже был готов ринуться навстречу гибели, даже не зная, что делать, куда идти и зачем я вообще собирался сделать то, что собирался. И главное: так поступал каждый из нас — за внешним спокойствием, за удачным, казалось бы, сдерживанием эмоций, всё ещё были они — импульсивные, не взвешенные решения, всё ещё была внутренняя паника. В каждом из нас.

— Если пойдёшь сейчас, — прошептал мне Рональд дрожащим голосом, только я перестал сопротивляться, — то трупов в реке просто станет двое.

Мне нечего было ему ответить. Всю службу, всю жизнь после неё у меня было чёткое осознание, что каждый человек — это инструмент, это способ и возможность решить встреченную им проблему, но в тот момент я чувствовал себя абсолютно бесполезным. До болезненного спазма в груди пробирало меня осознание того, что что бы я тогда ни сделал, что ни попытался бы сделать... всё было бы без толку. Я просто стоял там — на берегу, окутанным туманом, и слушал... Ничего не было.

— Нужно двигаться дальше. Даже, если все эти лесные ублюдки уже есть на этом берегу — нужно идти, пока их не стало больше.

— Идти сможешь? — шепнул Теккейт Энтони, на что тот начал едва заметно кивать.

— Дай время, — едва произнёс он в ответ.

— Значит, в это время мы тебя понесём. Давайте двигаться, — устало, почти опустошённо обратился к нам проводник. — Потому что... несмотря на потери, вы правы — лучше не медлить.

До деревни было примерно шесть с половиной миль. Примерно половину дороги мы шли в тишине, вслушиваясь в туман. Наверное, это и был наш общий защитный механизм — тишина. Никем не установленный, не обговорённый и, разумеется, не специальный, он заставлял нас вслушиваться в абсолютное отсутствие звуков, слушать своё нутро и пытаться успокоить разум и сердце, пока те всеми силами твердили, что нужно было просто бежать, сломя голову.

Рискнул бы даже предположить, что мне, бывшему солдату, не раз попадавшему в горячие точки и на поле боя, было проще, чем всем остальным. Даже учитывая тот факт, что стоило бы говорить: «психически больному бывшему солдату», — всё равно — проще. Мне жутко было бы представлять, что происходило в голове других моих членов команды, если

бы перед глазами не стояла точно та же картина, что и годы назад — парнишка-рядовой, стреляющий в гражданских. Несмотря на всю выучку, несмотря на всё то спокойствие, что он проявлял в том бою, он всё же сломался и переменялся после ровно за один миг. Я очень хорошо знал, что тогда происходило в его голове — его одолевали сомнения и страх за свою жизнь, инстинкты и паническая боязнь неизвестности — то же самое, что и нёс с собою туман. Нельзя было поддаваться этим чувствам. Нельзя было верить в страх.

А ещё Сэм. Чёртов Сэм. Почему они остались там вдвоём? Почему вообще решили не бежать за нами, а пойти на берег? Я так хотел бы вlepить ему крепкой затрешины за то, что он повёл себя не как участник команды, но... Это ведь я подскользнулся. Это я упал, пока все остались на ногах. Это я не поддержал его точку зрения и встал против него с остальными, когда он был абсолютно прав. Это я не вступился за него в драке, а засомневался. Чёртов Сэм... Нет — чёртов я.

— Странно всё это... — сказал вдруг Смит, не так давно поднявшийся на ноги и прихрамывающий из-за резаной раны на одной из них. — Уже час идём по лесу, а ничего не происходит.

— «Идём», — подметил геолог, что нёс Энтони под руку всё то время.

— Мог бы меня и оставить, раз тебя так задело то, что тебе пришлось нести мою тушу — услышал бы крики предсмертной агонии, порадовался бы. А так...

Не успел он договорить, как врезался в Уэйна, резко остановившегося перед ним. Повернув голову, тот смотрел на спелеолога широко открытыми глазами и молчал, то ли сдерживаясь, то ли не зная, что сказать. Мне самому тогда было трудно вымолвить хоть что-то в ответ на приевшийся язвительный тон — то явно был не очень подходящий момент, чтобы так язвить, чтобы шутить над смертью, когда каких-то шестьдесят минут назад он её избежал, а вот другой человек — нет.

— Дебил ты, — едва выговорил Рональд и тут же зашагал вперёд.

— Пф... Уверен, если бы мои останки сейчас там бултыхались, ты бы и слова не сказал.

Смит надменно задрал голову и, улыбнувшись, успел сделать ровно один шаг. Уэйн резким рывком развернулся на сто восемьдесят градусов и, схватив спелеолога за куртку, почти прибил к ближайшему дереву. Тот в ответ даже не шелохнулся.

— Тебе это по кайфу, что ли, да? Да, уёбок?! — оскалился и покраснел геолог на прижатого мужчину. — Мы здесьдохнем, как мухи. Один за другим умираем! Думаешь, твои родные обрадуются, когда ты пропадёшь в этой ебучей глуши?! Думаешь, хоть кому-то станет лучше, если мы все здесь сдохнем, а?! — тот молчал, всё ещё улыбаясь и лишь немного отворачивая голову от обилия слюны, брызжущей на него. — Я не хочу здесь умирать. Хочу вернуться. Хочу гладить свою чёртову собаку до тех пор, пока ей самой не надоест! Отвали от меня со своим грёбаным цинизмом. Отъебись, понял?! — голос его дрожал всё сильнее. — Я не хочу тебя слышать! Не хочу слышать хоть что-то о смерти! Так что завали своё язвительное ебало и просто иди вперёд — к чёртовому самолёту в четырёхждыблядском Кайана, где всё это, наконец, кончится!

Хватка Рональда постепенно ослабевала в тишине, а цвет лица приобретал нормальный оттенок. Да, молчание точно было нашим защитным механизмом. Было, потому что любое лишнее слово просто не могло быть произнесённым тихо — оно сразу срывалось на крик, сразу превращалось в отчаянный вой. Нам нельзя было кричать — ни из-за того, что мы сами могли потеряться в этом крике, ни потому, что из-за него нас было ещё проще найти.

Когда цепкие пальцы геолога ослабли достаточно, Смит одним резким движением

здоровой руки сбил их с себя. На его лице была всё та же холодная ухмылка, всё тот же взгляд с приспущенными веками, выдающий прямое презрение, всё тот же спокойный и уравновешенный тон. Он спокойно и медленно поправил куртку на себе, поднял и, выровняв, опустил ворот, поправил новую перевязь и шину, сделанные наспех из ветки и рукава его же кофты, чтобы только потом, глядя на опущенные то ли от стыда, то ли от сожаления глаза парня, сказать:

— Какой же ты чувствительный мальчик, Уэйн. Всё хочешь помахаться с кем-нибудь, доказать свою собственную силу не окружающим, а самому себе, но на деле... — он сделал шаг и, встав параллельно Рону, повернул на него голову. — Не смей больше срывать на мне своё нытьё. Станешь угрозой хоть для одного из нас — пойдёшь дальше один. А там и посмотришь, как много у тебя будет вариантов срываться на ком-нибудь.

Пытаясь ответить, Рональд Лео Уэйн оскалился, словно настоящий зверь, и сжал кулаки до покраснения ладоней, но так и не поднял головы. Энтони Смит смотрел на него какое-то время, что наверняка протянулось для них обоих дольше, чем для остального мира, а потом просто пошёл вперёд, тоже не сказав ни слова более. Некоторые люди... слишком противоречивы, чтобы быть командой. А некоторым и вовсе проще держаться на плаву, когда есть кто-то, на ком можно выместить злобу. В тот момент, смотря на них двоих, молча идущих на достаточном, чтобы совсем не исчезнуть в тумане, расстоянии, я отчётливо понимал: они скорее перерезали бы друг другу горло, чем пожали руки.

— Твой... друг, — шепотом окликнул меня Тек. — Он... всегда такой спокойный?

— Он не м... Не знаю.

— Хладнокровие — природный дар для хорошего охотника, но для вас — людей с цивилизации...

— Для нас это тоже свойственно — в именитых «каменных джунглях» тоже проще быть хорошим охотником, — развернувшись, я уже неспешно зашагал вперёд, но как только Тони и Рон отошли достаточно далеко, парнишка отдёргнул меня за рукав и прошептал.

— Послушай сюда: на самом деле, есть кое-что, о чём я долго думаю, но...

— Что «но»?

— Но не знаю, как об этом сказать...

Спустя двадцать минут мы были почти у цели. Угол наклона под нашими ногами медленно увеличивался, туман редел, а температура воздуха падала — до деревни оставалось всего ничего. Впрочем, как и до наступления вечера — лес вокруг нас неспешно и привычно приобретал бледно-синие и тёмно-серые очертания, деревья, окутываемые очень слабым, очень незаметным светом, покрывались лёгкой голубизной, и даже серый туман скрывал в себе странно-нежные вечерние полутона, погружающие с головой в свою умиротворяющую, обманчивую красоту.

— Почти пришли, — обернулся Теккейт, идущий впереди.

— Вот и отлично, мать мою. Ноги... подкашиваются так, будто кросс пробежал.

— Ты его и пробежал, геолог.

Холм, по которому мы поднимались, начал приобретать знакомые очертания. Словно идя по шагам нашего предыдущего проводника, Тек вёл нас прямо в собственную деревню. «Значит, он всё-таки не врал, — поймал я себя на странной мысли. — Значит ли это, что то, что он сказал?.. Возможно. Смит и Уэйн... Но я был привязан со Смитом всё это время, а Уэйн... Нет. Глупо вообще думать об этом. Глупо! Слишком мало доказательств!» — однако,

несмотря на всё это, я всё же думал и очень часто.

Сама идея, само предположение о том, что кто-то из нас — кто угодно — мог быть уже мёртвым, повергала в шок, но в страх вводило то, что любой из нас, даже не зная, возможно, того, был медленной смертью для всех остальных. В тех монстрах... в тех духах... не было ни капли человечности, ни капли сознания в их глазах. Я не сомневался: если бы одно из тех извращённых созданий могло бы — оно бы убило нас, не медля. Так же, как и Сэма.

Я шёл замыкающим, погружённый в свои мысли, как вдруг врезался во впереди стоящего Смита. Наш проводник стоял впереди всех и, подняв сжатый кулак на уровень головы, всматривался в туман. «Стоять», — означал его жест — по крайней мере, его аналог в армейских жестах военных сил США. Отклонившись в сторону, я всмотрелся во мрак серой стены, но безрезультатно, и тогда до меня дошло — он слышал, а не видел.

— Мужчина, — шёпотом сказал тот. — Полный. Хромает. Пьёт.

— Ты это всё по звуку, что ли, блядь, понял?

Но парень не ответил. Той же рукой, что и указывал остановиться, он отвёл Рональда за ближайшее дерево. Мы с Энтони, уловив сигнал, поступили точно так же. Шаги я начал слышать лишь спустя тридцать секунд. Вернее — различать из лёгкого шума ветра и шуршания листвы, уносимой им. А вместе с ними — и лёгкое хриплое напевание какого-то незамысловатого мотива. «Человек? Почему же тогда Теккейт решил спрятаться от?..» — но стоило мне об этом подумать, как я вспомнил слова Даниеля: в деревне Амарука и Тека, кроме них самих, больше не было людей.

Шли молчаливые, медленно тянущиеся минуты. Простой голос из пелены начал приобретать очертания немного полноватого, одетого в странную жилетку с просто необъяснимо большим количеством карманов.

— Это человек! — радостно шепнул Рональд. — Какого хрена мы прячемся?

Но Теккейт лишь поднёс указательный палец ко рту. Фигура двигалась примерно в нашу сторону, лишь немного отклоняясь севернее. Парень был частично прав: тот мужчина, кем бы он ни был, действительно хромал. Но чем дальше я присматривался, тем больше понимал, что он не просто хромал: скорее, его шатало из стороны в сторону.

— Что ты шикаешь?! Я спросил: какого хрена мы тут стоим?! Я не!..

— Замолчи! — парнишка в самый ответственный момент остановил Уэйна, пытающегося выйти из-за дерева. — Я его знал. Это не человек.

Незнакомец остановился на мгновение, а затем медленно пошёл в нашу сторону. «Не двигайтесь!» — говорил взгляд Теккейта, устремлённый на нас. И мы не двигались.

Он шёл действительно медленно. Будто бы вовсе и не охотился, не мучился от жажды крови, а спокойно шёл в развалочку, напевая мотив, напоминающий бездумное горловое пение. «Я его знал», — те слова стояли у меня в голове. Насколько же нужно было смириться с происходящим, насколько можно было считать тот бред, что происходил, лишь своей религией, оказавшейся реальностью, чтобы произнести такие нелепые слова: «Я его знал»?

Шаг, шаг, ещё шаг — хруст листвы медленно приближался к нам, медленно росла слабая, почти прозрачная тень ровно между нашими деревьями. «Какого чёрта ему обязательно проходить здесь?!» — возмутился я, ощущая себя героем какого-то второсортного триллера, но сразу понял, что именно по этой дороге, шли всё время и Амарук, и Теккейт, и все те, кто вообще проходил к мосту — всё было правильно, да, но, чёрт возьми, как же всё было неудачно!

Стоило ему показаться в поле моего зрения — поравняться с нами, стоящими за двумя параллельными деревьями, как мой рвотный рефлекс почти выдал меня с головой. Тот запах — запах крови и гниющей плоти, очень напоминающий сладко-смердящую рыбу, от конденсации просто застыл на моём языке. Благо было в одном: одежда, вернее — грязные и местами рваные лоскуты, обтягивающие то раздутое бледно-зелёное тело, покрытое фиолетовыми венами и артериями, скрывали как часть запаха, так и часть визуальной картины.

Всем своим внешним видом он напоминал утопленника: чрезмерно пухлые, треснувшие губы, разбухшие веки, перекрывающие глаза, опухшая кожа лица, щёк, чрезмерно редкие и, что странно, всё ещё мокрые волосы — не нужно было быть судмедэкспертом, чтобы установить причину смерти этого «человека».

Но было и нечто извращённое в его лице: часть черепа обволакивала странная, будто обескровленная и покрытая жёлтыми опухолями, масса. Пробивая голову прямоиком изнутри, она имела кремовый цвет, покрытый зелёным оттенком, и, словно простой нарост, висела на правой части головы, оплетая своими жуткими, очень мелкими и, казалось, острыми щупальцами череп.

Стоило мне всмотреться, как и без того пустой желудок начало выворачивать с новой силой: те жёлтые наросты, будто светящиеся под кожей, двигались. И не просто двигались: чем тоньше была кожа, скрывающая то странное тело, тем проще было увидеть небольшую чёрную точку посередине того пятна — зрачок. Эта... масса, чем бы она ни была, оказалась покрыта целыми десятками желтеющих и плящихся во все стороны глаз.

Позади меня вдруг раздался громкий кашель. Кажется, Смит не сдержался, и его всё-таки вырвало, пускай желудок у него и был не менее пуст. Существо успело повернуть на нас голову и выставить напоказ гниющую левую сторону, изъедаемую трупными червями, но на том всё — ровно через мгновение прозвучал лязг и глухой стук, а ещё через одно — тело с ножом в самом темечке упало на пол. Позади призрака своего бывшего сородича стоял Теккейт, в одной руке держа ножны от ножа, а другой прикрывая собственный нос.

— Чёртова вода... — вытер рот рукавом Энтони и, наконец, выровнялся. — Простите. Когда просто слышишь запах этого — ещё можно терпеть, а вот когда я увидел его череп...

— Нормально, — не оборачиваясь на того, ответил я. — Самого чуть не стошнило.

Упавшее тело не подавало никаких признаков жизни. Лёгкие конвульсии в опухших пальцах, напоминающих толстых дождевых червей, но и только. Однако та часть, что менее походила на человеческую... словно взбесилась. Те самые щупальца отпустили череп и, распластавшись по земле, всё ползли в нашу сторону, словно пытаясь оторваться от головы. И глаза... они тоже по-прежнему не находили себе места.

— Мерзость грёбаная, — прошептал Рональд, когда его немного передёрнуло от отвращения. — Вдали они — те, что побольше, пускай и стрёмные, но посимпатичнее будут.

Наш проводник осторожно вынул нож и зачем-то проверил пульс у того существа. Пока он это делал, щупальца чуть было не схватили его за руку.

— Нужно идти, но осторожно, — сказал вдруг тот.

— А этот?.. — пытался я всё подобрать слово. — Жил с вами?

— Нет. Он жил в старой деревне, а до этого...

— Но разве все?..

— Это меня и волнует. В любом случае, он мог быть как одним из тех, кого призвал мой отец, так и...

Вдруг раздался странный звук, прервавший парня. Я не сразу смог опознать то, что это было — кажется, я не слышал его уже очень давно. Однако я всё же вспомнил — очень похоже звучал небольшой церковный колокол в моём родном захолустье, где я родился и вырос.

— Это же не?.. — спросил Энтони, покосив голову, и мы тут же пошли на звук.

Поднявшись, наконец, к равнине, на которой стояла деревня, мы обомлели: по почти заброшенному посёлку бродил десяток-другой «жителей», медленно волочащихся из стороны в сторону и от дома к дому. Возможно, они были жителями старой деревни, возможно — духами тех, кто погиб в этих лесах, возможно — всё ещё нашей общей иллюзией, но в одном сомнений точно не было: ни один из тех изуродованных человеческих силуэтов, бродящих в редевшей пелене тумана, не был человеком.

Но кое-что и радовало: я вдруг вспомнил о том, что где-то вдали деревни, где-то под гниющей и дырявой крышей какого-то сарайчика или вовсе курятника стоял работающий грузовик, оставленный Даниелем. И именно он мог вывезти нас оттуда, как только мы взберёмся на гору и попробуем поймать сеть.

Глава 8. Мы не можем вас спасти

— Грузовик?

Мы всё ещё стояли на краю деревни. Теккейт смотрел на меня с нескрываемым удивлением и подозрением, но этого и нужно было ожидать — вроде бы, грузовик был очень важной деталью, и мы должны были бы направляться в ту деревушку сразу, не думая ни о чём другом, но ни я, ни прочие не вспоминали о нём. Чёрт его знает, почему — то ли из-за общего стресса, то ли из-за снежного кома проблем, плотно прижавшего и завалившего нас под собой, но только тогда — в тот момент, когда мы уже были на границе заполненной странными существами деревни, я и вспомнил о нём.

— Грузовик, — повторил я. — Даниель, привезя нас сюда, решил оставить его и...

— Пойти по кратчайшему пути? — спросил он с толикой наивности, будто пытаясь разрушить собственные сомнения. — На севере же пару деревьев завалило прямо на?..

— Да. Он сказал нам то же.

Мы вновь обратили свои взгляды на деревню: по ней, как и в той, что была за Сквирел, тенями бродили извращённые силуэты. Ещё более обезображенные, чем в прошлую ночь, они просто плыли в тумане, медленно курсируя от дома к дому, от одной запертой двери к другой. Словно остатки человечности, самого понятия разума велели им притворяться, что всё было, как раньше; что они просто жили своей рутинной жизнью, готовясь к суровой зиме и ожидая холодных осенних дождей; что их глаза играли с ними в игры, подсовывая ложь вместо правды, а сами зеркала — хитрые подлецы — искажали реальность просто для того, чтобы досадить им. Да... Наверняка, всё так и было в их поражённой чужим, несуразным и непостижимым для нас миром голове — как-то... несерьёзно.

— Тогда разделимся? — предложил вдруг парнишка. — Вы с... Вот с ним, — указал он на Смита, — пойдёте и попытаетесь поймать связь, а мы с...

— Ну, блядь, нет, — тут же перебил того Уэйн, легонько оттолкнув от себя. — Хера с два я с тобой на какой-нибудь шухер пойду.

— Согласен, — подал голос Смит, опершись на одно из деревьев. — С моими ногой и рукой только на горы и лезть, пускай наша и невысокая.

Он кивком головы указал на вершину горного хребта, возвышающегося над деревней. Действительно не очень высокий и, к счастью, не очень крутой, он протягивался от границ

поселения далеко на юг, перекрывая собою горизонт. Тогда мне казалось, что пик его был на высоте в полторы тысячи футов максимум, но... Скорее, мне не казалось, а просто очень хотелось преуменьшать.

— Точно не выше, чем твоё эго, белобрысый, — ехидно улыбнулся геолог, взглянув на хребет, — Взберёшься, я уверен.

Энтони резко перевёл взгляд и очень долго молчал, просто таращась на Рона холодными, как лёд, глазами.

— Эй, ты чего умолк, а? Желчь кончилась?.. Да ладно тебе — это было смешно!

Но тишина всё длилась. Длилась настолько долго, что на неё успел оглянуться и я, и Тек, и, казалось, сам мир. Даже фаза неловкости, привычная для таких моментов, осталась далеко позади, но он — Смит — всё хранил ту тишину.

— У вас двоих всё... в порядке?

— Да я, вот, сам хрен его знает...

Хранил, чтобы потом, когда даже самые безумные версии о причинах такого поведения остались позади, выдохнуть и, к удивлению всех, улыбнуться:

— Ладно, — отвёл он взгляд от толпы и отстранился от дерева, — это было смешно. Но, откинув шутки, повторяю: на гору я не залезу, так что если и нужна пара олухов, что сделает это, — он выставил два пальца вперёд, указывая на меня и Уэйна, — то вот она.

В ответ уже очень долго молчали мы. «Это было смешно», — и, вроде бы, всё звучало нормально, но... То вообще он сказал?

— Фух, блядь!.. — первым очень громко выдохнул тот самый Уэйн. — Охренеть просто можно!

— Чего такое?

— Да так... — отмахнулся он. — Нихера такого... Просто, знаешь... Знаешь... Скажем так: кое-чья четыреждыблядская похвала действительно дорого стоит, — позади нас, не выдержав, засмеялся Теккейт. — В следующий раз отпуская грёбаную драматическую паузу пораньше, а?

— Ась?.. А-а-а, — понимающе потянул Смит. — Да я просто задумался, — его хитрая улыбка и неловкий тон говорили о другом. — А что? Страшно стало, да?

Условившись в плане, мы разошлись в разные стороны. Сложно было сказать, чья часть задумки в исполнении была труднее, но то, что обе из них были важны, было несомненно.

— Нет, я понимаю, почему ты согласился и отправил их добывать грузовик — мелкий знает деревню, а от белобрысого здесь не будет толку, но... Блядь! — нога геолога съехала по грязи. — Но нахрен ты сказал им уезжать, если припечёт?!

Обойдя поселение по дуге, я и Рональд пошли прямо в сторону горы. Смеркалось. Угол хребта шёл вверх с мягких тридцати и, через футов восемьсот, продолжался углом в пятьдесят градусов, что уже было вызовом, учитывая погоду.

А ещё и титул — гора. Проще было бы назвать то очень высоким холмом, случайным выступом или мелким шрамом Земли, но не горой — грязная, состоящая из мелкого щебня, земли и грязи порода скользила под ногами. Ни мороз, ни наличие камня в той почве не позволяли ей застыть настолько, чтобы по ней было комфортно взбираться.

Мы поднялись где-то на добрую тысячу футов, когда Рональд задал тот самый вопрос. На деле, план, который мы обговорили, был предельно прост: Теккейт и Энтони пробираются в деревню; маневрируя как между домами, так и сквозь них, добиваются до

грузовика; если у них будет возможность, угоняют его и, отогнав на полмили от деревни по дороге, ждут нас. Но, разумеется, я не мог не учесть то, что как мы могли не вернуться с горы, так и их могли застать противники, так что был отдан приказ отступать на грузовике в Кайана при малейших признаках опасности или же ничего не делать и затаиться в самой деревне, если угнать грузовик окажется слишком сложно. Разумно? Может быть. Только вот шанс застрять в горах, кишацих призраками, находясь в пятнадцати-двадцати милях от цивилизации, был, мягко говоря, самоубийством — не было ничего удивительно в том, что Уэйн противился.

— Речь идёт не только о наших жизнях, — кроме того, что смотреть под ноги, я старался и очень тщательно подбирать слова.

— Но и не только об их жизнях! На кого, спрашивается, ты оставил наш четырёхдыблядский шанс на спасение?! На мелкого, что пытался нас прирезать, и на мужика, совсем не выглядящего надёжным. Совсем крышей поехал, сволочь...

— Почему тогда ты не остался?

— О-хре-неть! — по слогам произнёс тот с нескрываемым презрением. — Я, вообще-то, не об этом!

Я остановился и, встав поувереннее, обернулся на него. То был действительно хороший, но очень неочевидный вопрос: почему же он пошёл со мной, если так не доверял остальным? Настолько хороший, что его стоило и повторить:

— Но почему-то не остался ведь?

— Я... — он смотрел то в пол, то мне в глаза. — Слушай, давай без вот этих ебучих сцен, а? Сам прекрасно знаешь, что ты — единственный, кому я тут хоть более-менее доверяю. А после того, что мы выяснили насчёт Даниеля... Вот, как ты думаешь: не мог бы быть парнишка, пришедший к нам весь в крови, мёртвым, а? А белобрысый? Он хоть и лыбится время от времени всем нам, но, драть меня нежно, думает об этом больше всех — о том, кто из нас может быть духом или грёбаным призраком — как их там. То есть... Я говорю, что... Блядь. Вот ты можешь быть уверен? — его очки запотели от частого дыхания. — Хоть в чём-нибудь?!

А что я? Я стоял и не знал, что ему ответить. В какой-то момент сам шум ветра, в разы усилившегося с высотой, стал для меня каким-то... успокаивающим, гипнотическим. Словно в том монотонном колыпании воздуха было больше ответов, чем в моей голове, словно погрузиться в неизвестность по самую макушку и отдаться течению было куда проще, чем пытаться плыть против него или, что было бы совсем глупо, пытаться выбраться на берег. О, в том ветре было явно больше смысла, чем в моих предположениях.

— Нет, — ответил я наконец тому. — Я не могу быть уверен ни в чём.

— То-то же. А ещё эти уродливые суки в лесу... Почему, вот, они не идут за нами? — сняв очки, резко обернулся он и, конечно же, ничего не увидел. — Они наступали нам на пятки ровно до реки, а потом...

— В реке ведь была другая тварь.

— Какой, холодный ответ! «В реке ведь была другая тварь», — а что, сука, есть сейчас?! — раскинул он руки в стороны, прокричав. — Здесь же ничего нет! Ничего — только ёбаная грязь!..

Он резко стих, а потом и вовсе замолчал. О, я точно знал, о чём он подумал в те секунды. Всё время, все те минуты и часы, пока мы взбирались наверх, я отчаянно оглядывался назад, задавая себе тот же вопрос: «А что именно сдерживает мёртвых?» — но

каждый раз я видел рядом со мной только его, а он — только меня. Там — на том пустынном склоне полностью голого, умерщвлённого временем и оточенного горного хребта не нужны были слова — всё было понятно и без них. Думаю, он действительно пожалел в тот момент, что пошёл со мной. И если действительно пожалел — то чувство было обоюдным.

— Продолжим... взбираться вверх, — прошептал он мне. — Как говорят у меня: ветер чистит голову либо фигурально, либо, кроме песка, её чистить просто не от чего.

А ещё те слова, что сказал мне Теккейт в лесу: «Я знаю, что парень в очках мёртв», — он не дал мне ни расспросить его, ни убедиться в правоте слов, так как сразу же убежал вперёд — вести группу по лесу. Но то, как он сказал... Уверенность в его взгляде была схожа только с той, с которой он смотрел на Рональда, называя его трусом — то был непоколебимый, безумно холодный взгляд... как и у его отца.

— У тебя хоть есть телефон? — взглянул я на Уэйна. — Мой-то остался в Тагитукке вместе со снаряжением...

Рон устало выдохнул и посмотрел куда-то в сторону. В его взгляде читалось недоумение и удивление, смешанные с позитивом от абсурдности вопроса. Он улыбнулся и, хлопнув меня по плечу, пошёл вверх:

— Конечно, блядь, есть. Ты вовремя спрашиваешь, «мистер Фогг»! — обогнав меня, он оглянулся; улыбки на его лице уже не было. — Пошли уже... пока чёртово небо ещё светлосерое.

На вершине было холодно и свежо. Серо-коричневые, абсолютно голые скалы обдувал слабый, лишь временами порывистый ветер. На той высоте, где были мы, уже почти не было тумана — за тусклой и незаметной дымкой, отлично проглядывался основной горный хребет, идущий далеко на восток — к самому Кайана.

Однако избавиться от ощущения, что дышу я тем же воздухом, стою в том же лесу, в котором бродит опасность, в котором меня поджидает либо обман зрения, либо смерть, я так и не смог. Там наверху была определённая свобода — да, но освобождения там не было.

— Думаешь, отсюда видно Кайана? — спросил парень, скинув рюкзак.

— Нет, — смотрел я прямо на восток — вдоль хребта, начинающегося сразу после резкого снижения. — Вряд ли.

— Жаль — хотел бы я видеть их рожи, когда мы до них дозвонимся... — он вдруг поднял голову и тоже уставился на восток. — Ну... Я не увидел бы их отсюда, конечно, но какие были бы ощущения!

— Хм... Это да, — меня потянуло улыбнуться от бредовости и оптимизма в услышанном. — Кто знает, может быть...

— Блядь! — позади меня вместе с криком вдруг раздался слабый стук. — Держи!

Обернувшись, я застал геолога, в неловкой позе наклонившегося к южному склону горы. Он явно тянул к чему-то руку и, судя из страха в глазах, не дотягивался. «Телефон!» — промелькнула мысль в голове, и я тут же заметил небольшой серый камешек прямоугольной формы, плавно катящийся вниз по мелкому щебню. Даже не подумав о том, что меня, как и тот телефон, могло протащить добрую тысячу фунтов вниз по склону, крутя кручёным и ломая каждую кость, я прыгнул вниз.

— Чёрт! — и тут же закричал, как только земля поехала из-под моих ног.

«Пройдёт вечность, пока я скачусь», — вот и всё, о чём думал те долгие-долгие секунды, пока скользил по тонкому слою грязи и гладчайшим камням. Шуршание заполнило

собою все звуки, но то явно было шуршание моих ног. В какую сторону упал телефон, правильно ли я прыгнул или правильно ли приземлился — я не мог даже предполагать. Чёртов серый цвет корпуса... Но вдруг я увидел его — светящийся в серой пелене клочок земли. Похоже, удача в какой-то мере была на нашей стороне, и смартфон, задев какой-то небольшой, но довольно широкий выпирающий камешек, застыл на том склоне.

— Есть! — вырвалось у меня, как только я схватил его.

Но что «есть»? Я всё ещё умеренно быстро скатывался с сорокапятиградусного склона полуторатысчафутовой горы. Если там — в то время и в том месте и было хоть что-то, заслуживающее даже не такого оптимистичного вскрика «есть», то это были проблемы.

— Держись!

Стоило мне посмотреть назад, как я увидел Рональда, бегущего, если не сказать «прыгающего» в мою сторону — спускаясь по склону очень широкими рывками, он всеми силами пытался преодолеть расстояние между нами и остаться на ногах, пока в одной руке у него блеснул нож.

Я уже было принялся активнее тормозить, пытаюсь, словно тот же телефон, намертво врезаться в какой-нибудь камешек, как в моей голове тут же промелькнула мысль: «А зачем ему нож? Чтобы потом, вонзив в землю, остановить скольжение, — тут же ответила следующая. — Но ведь он может им и меня... А зачем бы тогда ему было кричать, чтобы я держался? А, нет, всё правильно — у меня ведь телефон... — пока думал, скорость только набиралась. — Но ведь у него был нож всё это время, верно? Тогда...».

Решить, что делать, я так и не успел — Уэйн застиг меня быстрее, просто схватив за ворот куртки, и тут же попытался вонзить нож в землю — звуки полированного острого металла, бьющегося об камень, были слишком знакомыми, но скользить мы не переставали.

— Сука! — геолог продолжал бить по грунту, но нож вновь и вновь отскакивал от камня под грязью. — Вот! Же ж! Падла!

Я почувствовал резкую боль в груди и шее, а падение за считанный миг замедлилось почти до остановки. Едва не выпав из куртки спустя десяток-другой фунтов, я так и замер — вися на склоне под углом чуть более сорока градусов, пока Уэйн, победоносно ликовав, едва держал меня. Подняв голову, я увидел, что ручка выскользнула из его хватки и осталась примерно в трёх футах над нами, но этого — того резкого рывка и снижения скорости — хватило, чтобы мы остановились.

— Вот это сходили позвонить, блядь! — почти с истерическим оптимизмом прошептал Рон. — Эй, не хочу показаться грубым, но как там телефон?!

Я поднял свою левую руку и с опаской взглянул на девайс, осознавая, что инстинктивно тормозил обеими ладонями, совсем не обращая на него внимания. В общем-то, всё было не так плохо — экран треснул в нескольких местах, но то едва было видно из-за обилия влажной грязи, которую приходилось в срочном порядке оттирать.

— Нормально, — весьма неуверенно сказал я геологу. — Пара царапин, да и всё.

— Я уже вижу, — взглянул Уэйн из-за моего плеча. — Но насрать, — он сел рядом со мной и устало посмотрел вдаль — в туман, — всё равно давно хотел себе новый взять. Ну... Как «новый» — считай, старый, но с другой цифрой в названии модели.

Слабо улыбнувшись, я ещё раз перевёл взгляд на нож, застрявший над нами. «Наверное, было довольно больно — нужно было, чтобы и рука не сорвалась сразу, и рывок дал нужное замедление... И силы нужно немало», — думал я, пока в моём сознании, подчиняясь ассоциациям, вновь всплывала прошлая ночь — убийство Джорджа Амаруком, а затем — его

смерть от рук Уэйна.

И тогда я неожиданно понял, что кое-что было не так — буквально подсознательно и мгновенно, но потом ещё долго сидел, просто пялясь на ручку, пока в голове всё-таки не сформировалась нужная мысль: «Чтобы держать меня и нож нужны две руки, — медленно распутывал я клубок эврики. — Но как он может использовать две руки, если в одну из них Теккейт вонзил ему стрелу?».

Я перевёл взгляд на парня и замер, рассматривая его лицо. Он улыбался мне, но... Он ли? С одной стороны: он мог это сделать через боль. С другой: почему тогда в тот момент, когда мы перевязывали Смиту запястье, он не попросил перевязать ему плечо? Уже сделал всё сам? Тогда почему мы искали тряпье для запястья по всему дому?..

Ладно, допустим... А какая это была рука? Правая или левая? И какой он держал Теккейта тогда — на реке? Держал ли двумя? В какой-то миг от мысли о сохранении команды я пришёл к осознанию того, что даже тому, кто спас тебе жизнь несколько раз; тому, кто, казалось, больше всех хотел выбраться; тому, кто сидел рядом со тобой больше нельзя было доверять.

Через десяток-другой минут мы вновь были на вершине. Рональд удерживал телефон в двух руках, как собственную душу. Замерев на самой высокой, как нам показалось, точке пика, мы встали по направлению к востоку и, смотря через туман на расплывающийся горный пейзаж, разблокировали экран.

«Не обслуживается», — гласила небольшая надпись в том месте, где должна была быть полоска связи, а мы всё равно стояли и смотрели замороженными взглядами на телефон, словно что-то вот-вот должно было измениться; словно за все те страдания, за весь тот путь, что мы прошли, нас обязательно должна была ждать награда. — Наверняка, она просто опаздывала... Да, наверняка...

— Нет связи, — попытожил очевидное Уэйн и, чуть развернувшись в сторону, приподнял смартфон. — Нет связи...

Он всё продолжал крутиться на месте, то поднимая, то опуская руку, всё повторял одно и то же: «Нет связи». Было похоже, что он просто не мог это принять, само его сознание не хотело понимать присутствие в мире такой несправедливости. Но она явно была на нашей чёртовой Земле и чувствовала себя прекрасно, а доказательством тому служил глупо снующийся из стороны в сторону паренёк, застрявший где-то в горах Аляски, шёпот которого всё больше и больше напоминал истерический крик:

— Нет связи! Нет связи! Какого хуя?!

— Неважно, — опустив голову, выдавил из себя я. — Это неважно.

— Пошёл нахуй, а! Вали! Нет связи! Я провёл всю ебучую ночь за разными картами! Я помню, что я видел! — мне нечего было ответить ему, и сил поднимать головы — их тоже не было. — Знаешь, что?! Нахер всё это! Пошли на восток! Дойдём сами до ёбаного покрытия в этих ёбанных горах! — он рывком развернулся на сто восемьдесят градусов и широко зашагал в сторону Кайана. — Я, блядь, не собираюсь на слепую просто ехать в ту грёбаную залупу мира! Я не настолько ёбнулся, чтобы после первой попытки просто взять и!..

Как только мы с ним поравнялись, я тут же схватил его за оба плеча, пытаюсь остановить. Сдавил так крепко, как мог, но он и мышцей не повёл. Был ли то адреналин? Настолько ли ему было плевать на боль? Нет... Я точно не мог так рисковать. Точно не мог позволить себе ту наивность, что позволил себе Теккейт, пускай он был и прав. Когда я его остановил, когда оказалось, что моей ослабшей хватки было достаточно против его

истерики, у меня промелькнул всего один вопрос: «Значит, он даже не знает, что давно мёртв?».

— Остановись, — он всё ещё пытался вырваться лёгкими толчками, пока его взгляд замер на одной из горных вершин. — Это бесполезно — сам знаешь.

— Отвали! Отъебись! — в его голосе звучал очень сильный надрыв, настолько сильный, что я, казалось, мог слышать тот кислый ком, подступающий всё ближе к его глотке. — Я дойду до этой грёбаной связи! Я дойду до неё!

— Хватит.

Не дойдёт. Думаю, в тот момент, это было понятно и ему самому. Как бы я ни хотел этого — не дойдёт. И, как бы сильно ни подозревал, отпускать его одного всё равно было и безумием для команды, и самоубийством для Рональда Лео Уэйна.

— Тише, тише...

— Давай пойдём, — его ноги подкашивались и он буквально повис на мне, оседая на колени. — Я должен дойти... Она обязана... Она обязана там быть...

— Не сработает. Сам знаешь, что это не сработает. Один неверный шаг здесь, и ты будешь мёртв. Мы сейчас на самой высокой точке этой горы. Если её здесь нет — вряд ли есть на другой.

— Обидно... — он стоял на коленях и, всё ещё держась за меня, пустым взглядом смотрел на те же горы. — Так обидно...

Смех — всего лишь защитная реакция. Показушные смелость, безрассудство или спокойствие — тоже из той же рубрики. Не боится только больной и дурак, а не плачет только чёрствый и псих. Кем бы вся наша команда себя не считала в обыденной жизни — холодными профессионалами, горячими головами или просто безбашенными храбрецами — но там, на вершине той горы, я практически держал в руках паренька, едва сдерживающего крокодильи слёзы, что ровно секунду назад был абсолютно спокоен, а два десятка минут — даже весел. Смех — это всего лишь защитная реакция. Смех — это просто обман.

Усадив его, я сел рядом с ним и тоже уставился вперёд. В армии... готовили к таким ситуациям, в определённом смысле — к срывам, к сломанным личностям и истерике, но... Было трудно что-то вспомнить о том, что рассказывали тогда. Казалось, прошла целая жизнь с того момента, как мы приземлились на Аляске. Долгая-долгая жизнь, начавшаяся с шума лопастей — всё, вне тех лесов, было таким далёким, таким неважным...

— Попробуй... отпустить это, — дал я глупый совет, не в силах сделать что-либо ещё.

Рональд просто сидел и смотрел вдаль, пытаясь сохранить лицо. Я больше не слышал ни всхлипов, ни криков, ни даже шума дыхания, несмотря на высоко вздымающийся торс — лишь что-то странное поблёскивало на красных щеках, что-то, отличающееся от оправы очков.

Я взял телефон, в очередной раз упавший на камни, и включил экран, проведя пальцем вбок. «Экстренный вызов», — вещала одна из надписей, разрозненная несколькими трещинами. Нажатие, смена экрана, гул... и тишина. «Не обслуживается, — всё ещё было написано вверху. — Нет связи». Не знаю, зачем, но я пробовал снова, и снова, и снова... «Нет связи».

— Думаешь дозвониться, а? — охрипшим голосом спросил Рон, слегка развернув голову.

На его щеках были наполовину застывшие слёзы, но на губах была лёгкая, очень горькая улыбка. «Нет, — замотал я головой, не в силах вымолвить и слова. — Конечно, нет».

— И правильно, — продолжил он, едва-едва шепча. — Вот дозвонишься ты, возьмёт трубку какая-нибудь Аризона и такая: где-где вы? А? Аляска? — меня потянуло на странный, надрывистый и уставший хохот — что-то, наверное, было в том пародийно-высоком тоне голоса геолога. — Нет, что вы! Вы знаете, сколько займёт послать до вас вертолёт?! — впрочем, термин «истерический» к моему смеху тоже подходил. — Так что нет — справляйтесь своими силами и не трогайте наш бюджет! Вы вообще знаете, что сейчас в стране?! Так знайте: не звоните больше сюда — мы не можем вас спасти!

Он поднял одну руку и, взяв воображаемый телефон, со всей силы ударил им по не менее воображаемому ресиверу. И ведь действительно: а, дозвонись мы, сколько нужно было бы ждать помощи? Дни? Недели? Месяцы? В журналах и газетах всегда много статей о героях-пожарных, спасающих людей из огня; о поисковых группах, разбирающих завалы старой или некачественной рухляди днём и ночью; о детективах и полицейских, находящих и спасающих несчастных заложников — таких всегда полно, но реальность... В тех же газетах нет историй о халатных идиотах, два часа присоединяющих гидрант; нет жутких интервью людей, умерших от истощения и голода в собственной моче под теми же завалами; нет сводок о копах-халтурщиках, боящихся даже заезжать в определённые районы — нет. Реальность стране ни к чему — стране нужен героизм, стране... нужен смех.

— Мы не можем вас спасти... — повторил неожиданно для себя я. — Да... Мы не можем вас спасти. Прости, — оглянулся я на Рона. — Мы с Сэмом должны были бы вытащить вас...

— Забей, — он утёр нос и принялся протирать очки. — Говоришь так, будто в кожаном кресле с долбанной сигарой во рту сидишь — мы все здесь... Все пытаемся так, как можем.

— Скажи... А зачем всё-таки ты потратил ночь на то, чтобы проверить связь?

— А? Я... Мой пёс, — он отвлёкся на секунду, но тут же продолжил протирать стёкла. — У него... операция по ампутации передней лапы. Должна была... — он взглянул на экран и улыбнулся. — Должна была закончиться пару часов назад.

— И ты искал связь, чтобы?..

— Да. Этот старик... Его ветеринар сказал, что могут быть осложнения, так что... Знаешь, у нас с ним была очень долгая жизнь, так что, если хочешь — смейся, но я бы многое отдал, чтобы сейчас его услышать...

«Собака, значит...» — подумал я и поймал себя на каком-то странном чувстве... зависти и грусти одновременно — у меня не было, за что цепляться. Небольшой дом, «офис» нашей с Сэмом фирмы, представляющий из себя старый гараж того же дома — ничего, кроме воспоминаний. А с другой... и терять меня тоже было некому.

— Как зовут? Пса, я имею в виду?

— Ты будешь смеяться, — отмахнулся Уэйн.

— Я был бы рад сейчас посмеяться...

— Гарри, — у меня ушло немало времени, чтобы понять.

— Пха... То есть: Гарри и Рон? — тот отвернулся, скрывая смех.

— Сказал же — будешь смеяться.

— Ну... Не обманул ведь?

Мы посидели так ещё несколько минут, пока горизонт не начал тускнеть — темнело. Да, это был провал, но нужно было идти дальше — нужно было воспользоваться подарком судьбы и угнать грузовик, потому что иначе и переход по реке, и смерть Сэма были бы напрасны, однако... До самого спуска я не переставал проверять телефон, что так и не

забрал у меня Уэйн — там было то же самое: «Связи нет. Мы не можем вас спасти».

Когда мы спустились с горы, было уже совсем темно. Загустевший и посиневший туман скрывал лес, словно сама ночь была против нас в качестве гостей там, и превращал его в опасного, жуткого противника.

Как и предполагалось, спуститься чуть подальше от деревни и сразу пройти обговорённые полмили по дороге оказалось ошибочным решением — грузовика не было как после назначенного расстояния, так и немногим дальше. Никаких признаков или сигналов нашей команды — огня от костра, света фар, голосов — тоже не было.

— Думаешь, уехали ублюдки? — Рональд шёл позади меня и выглядел слишком бледным в туманной ночи.

— Скорее всего, нет. Вернёмся в деревню и попробуем найти их там.

— А если всё-таки уехали, «мистер Фогг»?

— Предлагаешь сразу идти до Кайана пешком? К тому же, я не вижу свежих следов колёс.

Я указал на дорогу и застыл; совсем не нужно было быть охотником, чтобы считать один-единственный различимый след, и он вёл в посёлок у горы. Ожидаемо, Уэйн ничего не смог противопоставить мне в ответ, и мы двинулись обратно.

Не знаю, почему, но я пустил его вперёд и, всякий раз, когда он замедлялся — я замедлялся вместе с ним. Всё моё нутро говорило о том, что нельзя было ему верить, что нельзя было больше никому верить. Получалось, что даже сами мёртвые — и те, кто умер недавно, и те, кто уже гнил в земле чёрт знает, сколько, не осознавали себя мёртвыми... не ощущали того, что они... Хотя, в этом не было ничего удивительного — когда я ударил Рональда по носу, пытаясь защитить Теккейта, у того пошла кровь; когда он злился, он краснел; когда уставал — выдыхался. Как можно было ощущать себя по-другому, если дышали они так же, если их кровь всё ещё циркулировала по телу? Но они были другими.

Деревня была прочно обвязана серо-синей пеленой. Всё, на что мы ориентировались на подходах — странные хрипы, стоны и удары о запертые деревянные двери, что были слышны далеко в лесной, опасно тихой чаще. Как-то мне доводилось сопровождать в горы одного охотника, выслеживающего пуму-убийцу по пятам от мелкой деревушки, стоящей у подножья. Нельзя сказать, что он в свои пятьдесят был приятным или, хотя бы, образованным человеком, но об охоте мог говорить, не замолкая. Одна из его фраз — полезных фраз, десятками засевшими у меня в голове после тех недель, звучала так: «Животный мир не замолкает просто так — стрекотание цикад, окрики птиц, шум стай белок, часто сливающийся в настоящий грохот — животный мир замолкает, когда он боится», — когда мы с Рональдом стояли на границе деревни, окружённые вечером, с нами было только абсолютное, неестественно чистое затишье, в котором каждый вздох, каждое моргание глаз было слышно отчётливее собственных мыслей.

— Пошли? — обернулся на меня геолог.

— Пошли, — слабо дёрнувшись от неожиданности, ответил я.

Мы вновь набрали небольшую высоту, взобравшись на гору, и спустились уже прямо к ближайшему дому. На той прямоугольной насыпи, идущей вдоль горы, всю деревушку можно было очертить очень широким овалом, дом Амарука и Теккейта в коем был в правом нижнем углу. Мы зашли с левого верхнего, и основной задачей стало пробраться через или мимо десятков домов, чтобы дойти до нужного. Всё равно, что ждёт нас в конце — пустой

сарай или спокойно стоящий грузовик, но добратся, чтобы убедиться, было необходимо.

Прокравшись в рассохшийся и покосившийся домишко, мы с геологом тут же попытались оценить ситуацию, с опаской поглядывая в грязные и пыльные окна. Тамошние существа действительно были куда более извращены, чем те силуэты, что мы видели ночью. Они казались куда... древнее, чем жители утонувшей деревушки — на многих из них были старые, грубо сшитые одежды из шкур и меха; полноразмерные накидки с капюшонами, достающие до самих щиколоток; странные и в меру длинные крутки, напоминающие из-за своего пояса и кроя туники.

Тому было весьма логичное, как бы глупо ни звучало это слово, учитывая обстоятельства, объяснение. Пока мы сидели в том же доме на краю и готовились к выходу в Тагитук, Даниель немало рассказывал о том, что же стало с жителями этого места до того, как там поселились Теккейт, его отец и его брат — Инук. Мол: это был один из хуторов, что в конце девятнадцатого века решил объединиться с Кайана, бросив всё. Многим позже деревня Амарука, ясное дело, отказалась, но вот после, когда её затопило, старый шаман пришёл в этот уже заброшенный хутор и, построив там свой дом, дал ему новое название: Аипалувик — дух, забравший всех жителей его деревни; дух его собственного упрямства и глупости. Не верить не было причин — кроме того, что всё действительно выглядело слишком старым, христианской церкви в этом хуторе не было — был одинокий, развалившийся и стоящий прямо посередине верхней линии овала, храм, больше напоминающий небольшую квадратную избу.

— Вот ведь уроды... — когда мы пробрались в очередной дом через заднюю дверь, то слышали монотонный стук — кто-то бился о парадный вход головой, пытаясь достучаться до самих богов.

Через окно было видно бледно-зелёное мужское лицо, чей обладатель явно был чистокровным эскимосом: чёрные ровные волосы, скрывающие бледно-зелёную кожу черепа; карие глаза, скрытые «слепой» бледной пеленой; плоский лоб, длинный подбородок и мощные скулы с нижней челюстью, полностью покрытые странными язвами. Из них — из этих совсем не свежих, гноящихся ран — выпирало, а кое-где — и выпадало то самое бесцветное мясо, то чем-то напоминающее своей формой и многослойностью какие-нибудь цветы, схожие с пионами, то наоборот — казалось очень большим, цельным дождевым червём, что каким-то невероятным образом проник в щёку.

— Двигаемся, — скомандовал я, как только снаружи раздался очередной вой.

У нас было много, даже слишком много шансов попасться — тени, стоящие за углами; извращённые монстры, меняющие свои траектории не только бесцельно, но и непредсказуемо; банально слабая видимость — всё на свете в той деревушке было против нас, но мы всё же дошли. Дом Амарука стоял поодаль от остальных — более старых домов, и для того, чтобы зайти в него, нам нужно было пробежать. Однако даже оттуда — с расстояния в тридцать-пятьдесят футов, мы уже видели: бежать нам придётся — в сарае у домишки, покрываясь пылью, стоял грузовик Даниеля.

— Нужно бежать, — взглянул я на Уэйна.

— А если заметят?

— Тогда оповестить остальных и тоже бежать.

— А грёбаный грузовик?!

— Ты помнишь, у кого остались ключи? — не уверен, как это прозвучало, но геолог явно ощущал себя некомфортно. — Нельзя рисковать и пытаться угнать его под носом у

врага — погибнем в случае провала. По той грязи, что получилась из насыпи, мы не взберёмся, — указал я на границу деревни, заканчивающуюся слишком резким и скользким обрывом, — так что будем бежать и уповать на удачу.

Выждав нужный момент, мы, что было сил, побежали к двери, однако ни один из бывших жителей — даже те, кто, как мне чудилось, обязан был бы нас заметить, даже не оглянувшись в нашу сторону. Забежав внутрь, мы тут же заперли дверь на засов и, обернувшись, выдохнули с облегчением — лук Теккейта лежал у самого порога. Да, мы всё ещё были окружены врагом и собирались направляться именно к нему, но мы были вместе, мы были какой-никакой, а командой — это уже было хорошо.

— Что за?.. — вдруг прошептал геолог. — Что за звук?

За шумом шагов одного человека точно что-то проскакивало, однако я так и не смог определить, что именно. «Вряд ли это из-за нас», — подумал тогда я и успокоился.

— Вот и вы, — вышел Смит из комнаты, проходящей на спальню. — Как в Кайана?

— Наверняка — туманно, — оскалился на того Рональд. — Но я хер его знает — связи нет.

— Хм... — тот утёр пальцами губы и, призадумавшись, сменил тон на более осторожный. — А вас... Вы нормально дошли?

— Почти, — в ответ я достал и бросил треснутый и мятый телефон на ближайшую тумбу. — Пара проблем, но нормально.

— Из-за тварей?

— Нет. Херовы уроды даже на милю к нам не подошли. Впрочем, как и сюда — они, сука, снаружи, как слепые котята бродят, — Уэйн покосил голову и указал в сторону деревни. — Знал бы — вразвалочку сюда зашёл бы, джаз насвистывая.

— Вот как... — спелеолог высоко поднял голову и долго молчал.

Именно тогда я услышал тот шум, что пробивался из-за шума шагов — это был чей-то сдавленный, очень глухой крик. Однако испуга в том крике хватало сполна.

— Ты же... слышишь этот звук? — спросил по глупости я у Смита.

— Разумеется.

— И?..

— Откуда он, молчун херов?! — не выдержал Рон.

— Пожалуй, прежде мне стоит кое-что объяснить: как вы оба видите, грузовик всё ещё стоит на месте, а мы все всё ещё здесь. Вы смогли вбежать сюда без проблем, пробежав, полагаю, от ближайшего дома, но если бы остановились у двери — увидели бы на ней кучу следов от ногтей и крови от кулаков да лбов, что сказало бы вам, что «слепыми котятами» эти твари стали недавно.

— И что же это, блядь, значит?!

— Что же это значит? — оглянувшись он на Рональда и слабо, почти незаметно оскалился. — Это значит, что раз они стали таковыми — то и всё, что сказал парнишка, тоже правда. А правда в том, что времени у нас в обрез и вместо того, чтобы водить вас кругами, предлагаю просто один раз взглянуть.

Он сделал шаг в сторону и выставил ладонь в сторону двери, пригласительным жестом указывая на спальню, из которой и раздавался крик. Как только мы оба с опаской прошли мимо него, он вдруг остановил Уэйна, схватив того за плечи.

— Подготовь себя морально, геолог, — улыбнулся он, сдерживая того. — Мы-то оба знаем — ты не в ладах с самоконтролем.

Парень резким движением сбил руки Энтони с себя и рывком открыл дверь. К нашему общему шоку, на полу у кровати сидел связанный и раздетый до нижнего белья Теккейт, паникующим взглядом пялящийся на нас. По всему его торсу — от таза и до ключиц, шли какие-то странные пятна.

— Что за ху?..

Прямо сбоку от меня раздался оглушительный и звонкий треск. Старая, я бы даже сказал, древняя ваза разбилась прямо о темечко геолога. За тем оглушительным треском последовал не менее оглушительный звук падающего тела, едва-едва заглушаемый криками Тека.

— Помоги мне связать его, — поравнялся со мной Смит. — Он мёртв.

Глава 9. Команда

Рональд хрипло стонал, пытаясь подняться с пола. Медленно разгребая руками осколки, он едва-едва шевелился и, не поднимая окровавленной головы, всё пытался что-то произнести, но его попытки утопали в неразборчивом, более громком и отчаянном мычании Теккейта. Смотря на кровь, стекающую между коротко стриженных волос, видя синяки на его лице, поставленные мною же, трудно было поверить в то, что он действительно был мёртв, что он был врагом. Но он... был им?

— Что стоишь? — повторил мне Смит, вернувшись с верёвкой из выцветшего тряпья. — Не медли.

Но я всё же медлил. Очевидно было, что он догадался до того же, что и я. Более того: что Тек сказал ему даже больше, чем мне. Но он, в отличие от меня, сразу принялся действовать, и в его понимании не было никаких противоречий — в его понимании мёртвые были врагами. Так что как бы мне ни хотелось просто прокричать, схватив его за шиворот: «Что, чёрт возьми, ты делаешь?!» — это явно не то, что мне было нужно. Я знал, что он делал.

— Почему ты... решился на это?

В моей голове тот вопрос звучал правильно, но только я его произнёс, как смысл от него исказился до невозможности. «Чёрт! — ругань на самого себя перекрывала все доступные мысли. — Не так! Не так!». Смит посмотрел на меня с лёгким отвращением, что едва-едва было заметно из-за очень сильного удивления, и, тут же наступив Уэйну коленом на шею, принялся вязать узлы самостоятельно, едва держа верёвку «больной» рукой.

— То есть... Как? Как ты догадался?

Нужный мне ответ лежал под ворохом других — более бесполезных ответов и вопросов; нужный мне ответ, учитывая решимость Смита, требовал слишком много времени.

— Парень сам всё сказал, — первым делом спелеолог завязал геологу именно рот. — После того, как нас засекли, и мы заперлись здесь, он решил скоротать ожидание беседой. Наивный дурак... — он поднял глаза на нашего проводника, сидящего на полу — тот всё ещё пытался что-то промычать, хотя уже и более спокойно. — Сразу сказал мне, что во время того, как наш вспыльчивый геолог схватил его за шиворот, он ухватился именно за то его плечо, что собственноручно пробил стрелой — мол: чтобы хватку ослабить. Но знаешь, какой была его реакция? — в тот момент Рон слабо развернул голову, посмотрев прямо мне в глаза. — Вижу, что знаешь. Спросил бы, как ты догадался, но полно — наш язык сидит в трёх футах от тебя.

Я перевёл взгляд на Теккейта, но увидел на его месте только собственные угрызения совести. И он, и Рональд Лео Уэйн были теми, кому я был обязан жизнью. «Держись!» —

совсем недавно, ещё этим днём кричал мне этот парнишка, покрытый странными жёлтыми пятнами с половинный доллар, а спустя полдня я уже стоял возле того, кто связал их обоих, и понимал, что тот человек был точно прав в своих мыслях, но... прав ли он был в действиях?

— И я решил, — продолжил Тони, — что если плечо умершего геолога зажило после его смерти, если колено нашего проводника — то, что я самолично осматривал и «перевязывал» — тоже зажило, то и наш новый проводник, — он завязал последний узел на ногах и, оставив Рона, неспеша сел на кровать, к коей был привязан Тек, — не такой чистый и добрый, каким хотел бы казаться.

— И ты просто?..

— Я рискнул, — обернулся он на меня. — Помнишь ту тварь в лесу? С какими-то щупальцами в черепе? Когда вы все пошли вперёд, яро обсуждая всплывший в потоках общей амнезии грузовик, я решил осмотреть тело поподробнее, — в голосе Смита было даже больше язвы и самолюбия, чем обычно. — На нём, даже если взять в расчёт состояние, не было никаких внешних повреждений. Пытаясь избежать очевидный вариант со смертью от утопления, я подумал: «А что, если этот урод умер именно так — от удара головой о камень под водой?» — и, о чудо, я вспомнил, что колено нашего старого проводника тоже показалось мне несколько необычно мягким, а потом и вовсе заметил на паренёке странные, очень избирательные желтоватые оттенки на коже. Совпадение, скажешь? Мы нашли его в крови, что была, как он сам сказал, человеческой, и не обнаружили тогда ничего, но вот спустя время...

— Я в курсе. Я... сам об этом думал.

— «Думал»... — на лице моего собеседника, когда тот обернулся, появилась полная пренебрежения улыбка. — Как удобно. А действовать когда собирался?

— Я не... В этом суть вопроса — я не могу понять, зачем ты делаешь то, что делаешь, — он непонимающе покосил голову. — Они же... не представляют опасности.

— Хм... Уверен? — я молчал в ответ. — Совсем уверен?.. Ну, тогда всё. Развязывай их, и рванём по домам, — он резко повысил голос, перейдя на крик. — Я же точно стал бы повторять одну и ту же ошибку и с геологом, если бы ещё на первой узнал, что был неправ!

— Хватит.

— Да нет же — почему хватит?! Ты же действительно считаешь меня за полного и очень самовлюблённого идиота, если, выслушав, спрашиваешь такое!.. — Тони уставился на меня выпученными от злости глазами, ещё немного — и через его полуоткрытые напряжённые губы полился бы настоящий яд. — Подойди-ка. Давай-давай — прояви излишнюю смелость!

Едва заметно оскалившись от его язвы, я всё же осторожно подошёл к нему и, сжав кулаки, застыл в ожидании. Чёртов Смит — будто ситуация и без него не была достаточно сложной. Но, когда я таки подошёл, он не произнёс ни слова. Когда я посмотрел на него — улыбки на его лице уже не было. «Взгляни», — указал он пальцем Теккейту за спину.

Я осторожно наклонил того подальше от кровати, чтобы рассмотреть, и только пристальнее взглянул на одно из пятен, как меня кинуло в дрожь: пятно набухло и было больше похоже на бубон, покрытый по контуру розовой, отмирающей кожей; «желток» внутри него занимал совсем немного пространства, но он... шевелился. Едва-едва дёргался, будто бы пытаюсь найти выход; через время — бесконечно долгие секунды — я заметил ещё кое-что: все бубоны шевелились одновременно. Долго пялясь на то зрелище, мне, к

собственному ужасу, всё-таки удалось вспомнить, на что же это было похоже — саккады, резкие, но очень согласованные движения глаз.

— Если думаешь, что он не представляет опасности, — не дожидаясь моей реакции, прохрипел Смит, — то он будет. В скором, возможно даже — очень скором времени.

В домишке повисла нагнетающая тишина, прерываемая только тяжёлым, затруднённым дыханием Теккейта. В каком-то смысле, Тони был прав. Во многих, даже слишком многих смыслах. Но я смотрел на тех людей и понимал, что то была моя команда, что не положено, запрещено всеми кодексами морали бросать своих, что, несмотря на недоверие к ним, они всё ещё были редкими людьми в том проклятом лесу среди проклятых гор. «Своих не бросают, — вдруг промелькнула предательская мысль. — Но свои ли они?».

«Если думаешь, что он не представляет опасности, то он будет», — означало ли это, что скоро они совсем перестали бы быть такими, как мы? Что стали бы куда ближе к той твари, что убила Сэма? К тем, что окружили нас у пещеры? Что бродили снаружи за непрочной деревянной стеной?

— Я не предлагаю их убивать. Но и брать с собой их слишком опасно.

Спелеолог присел позади меня на одно колено и бесцеремонно разрезал рукав куртки геолога на правом плече — там красовался странный, извращённый и непонятный в своей необычности синеватый нарост: с отёками по диаметру, он выпирал треугольником, повёрнутым острым углом на четыре часа, и напоминал чем-то коготь какого-то крупного хищного животного, лишнюю кость, забредшую не туда.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Твой вариант — тот же, что ты провернул и с проводником: оставим их здесь.

В ответ Рональд, оклемавшись, панически и громко замычал, явно противясь подобному решению. Интересно, пошло бы всё по-другому, если бы он всё-таки остался внизу? Наверное. Человек очень часто — творец собственной судьбы, но и настолько же часто — её разрушитель, просто более неявно и незаметно для публики — люди не склонны признавать виноватыми самих себя.

— А если мы ошибаемся? — очень медленно проговорил я после затяжного молчания.

— То тебе наверняка ночью придётся не спать, а испытывать муки совести от пропитых в баре денег и растраченных попросту слёз, — я покосил на него явно недобрый взгляд и инстинктивно сжал кулаки, на что он только улыбнулся. — Вижу, ты действительно рассматриваешь вариант с нашей ошибкой, как реалистичный. Пф... Ну, допустим, — он сел Рону на спину и, поставив локти на колени и опустив голову, заговорил на тон ниже. — Тогда серьёзно: если мы действительно ошибёмся, и хоть один из них двоих доберётся до Кайана пешком, то что? Ты считаешь, хоть кто-то поверит в то, что они скажут? В монстров? В мёртвых или в духов — чёрт с этими названиями? В пещеру, что вот-вот закроется? Мы — психи, Фогг, — со всей серьёзностью посмотрел он на меня. — А ты — ещё больший, если подумал, что тебе кто-то поверит.

Я хотел было противопоставить то, что если все в Кайана сказали бы военным или правительству одно и то же, то вряд ли то можно было бы списать на помешательство, но потом... Потом до меня дошло, что если туман уже был в том городке, то вряд ли хоть половина из «всех» осталась в живых. Чем больше жило в Кайана — тем больше умерло. Чем больше умерло — тем меньше шансов было у живых.

— То, что я тебя спрашиваю, вообще больше шаг вежливости, нежели значимости — я не собираюсь ехать с ними, но знаю, как угнать грузовик, — Теккейт начал истерически

дёргать головой. — И парнишка знает... Но ты видел его спину. Ты видишь его сейчас, Фогг. Я спрашиваю твоего решения, потому что не хочу недопонимания, но на этом — всё. Можешь применить ко мне силу — это да... Но применишь ли? Из нас троих, — обвёл он рукой себя и остальных, — на мне одном ничего нет.

Он явно очень долго думал над этим и над своей речью. Подозревая всех, наверняка перестраховался и просчитал все варианты для всех возможных «выживших», потому что вся его речь... вся его речь была слишком правильной, слишком подобранной и вылизанной, но хуже всего было то, что это действительно работало — как бы он ни выразался, что бы ни предлагал в качестве решения, костяк его мысли был чистой правдой.

— Я... хочу поговорить с ними, — решение появилось спонтанно, но я тут же принял его. — Наедине.

— Пф... Чем дольше будешь говорить с ними — тем больше будешь держаться за совсем неправильное решение. Психология такова, что...

— Это была не просьба, и тебе меня не переубедить. Тем более — учитывая то, что ты предлагаешь.

Он поднял голову и, уставившись на меня, молчал. Не произнеся ни единого слова, он поднялся с Рональда и, взглянув на меня свысока, открыл дверь наружу.

— Что-то случится — это будет на тебе, — произнёс он, всё ещё держа ручку. — И разгребать это всё тоже нужно будет тебе. И не удивляйся, если после решения отпустить того, кто поглупее, — недвусмысленно посмотрел он на Уэйна, — ты внезапно умрёшь.

Дверь захлопнулась. То были первые слова Смита, в кои верилось с большой натяжкой. Одного нельзя было отрицать — он был неприкрытым эгоистом, так что когда он произносил: «Ты внезапно умрёшь», — то ему, в угоду «честности и отсутствия недопонимания», следовало бы добавить: «И я — тоже».

Развязывать рот обоим сразу — означало: утонуть в бесконечных перекрикиваниях, так что в первую очередь я подошёл к Теккейту — он был тем, из-за кого всё это началось, тем, кто в своём желании к помощи и правде наступил сам себе на хвост, тем, кто говорил и недоговаривал слишком много...

— Слушай, — присел я перед ним на одно колено, — Энтони сказал, что твари снаружи поутихли, но я всё равно прошу тебя не кричать. Сейчас я сниму с тебя этот кляп, а ты медленно и внятно объяснишь всё.

Тек кивнул в ответ, и я медленно, очень осторожно опустил узел тряпки, спустив её ему на шею. Откровенно говоря, я ожидал, что он закричит. Как в каких-нибудь наполовину комичных фильмах — как только у него появилась бы возможность. Но он молчал, пристально смотря на меня. И лишь потом — когда напряжение стало слишком тяжёлым, заговорил хрипящим голосом:

— Я знал это, понятно тебе? С самого начала знал.

Я взглянул на его лицо, на волосы — на нём не было никаких отметин. Но тогда... как же Смит заставил его сдаться? Ножом? Это звучало глупо, но и звать спелеолога для уточнений я не хотел.

— Почему тогда сказал, что совсем не помнишь ночь?

— А что бы мне пришлось вам всем рассказать, если бы помнил? Я не знал, что произошло. Я понять не мог, как выжил. Не помню? Я чувствовал каждое мгновение собственной смерти, — он наклонился вперёд и, оскалившись на меня, шептал. — Каждую секунду того, как меня разрывал на части и поедал живьём тот... тот!.. Демон! Лишь когда я

уже умер, меня будто отбросило от него, я будто воспарил в невесомости и, ослеплённый болью, просто побежал прочь, куда ноги помнили. «Не помню»... Я не хочу это помнить, ясно?!

То, что он говорил... тяжело было слышать. Кроме того, что он уже прочувствовал смерть, мы обязаны были обречь его на ещё одну... Но... был ли то он? Был ли тот парень, с кем я говорил, тем самым Теккейтом? А что, если он уже давно, как и все жители того хутора, просто действовал по привычке?

— Но до того... До того я бежал за твоими людьми. За вот ним, — указал он на Рональда, — что нёс Дэна, и за вторым — темнокожим. Я лично видел смерть первых двух. Я... — он вдруг опустил голову. — Я сбросил свой «хвост» именно на них. Случайно! Я не имел это в виду — я!.. — мне вновь пришлось жестом указывать ему, чтобы понизил голос. — Я просто упал в реку. Когда вылез — третьего уже не было видно, а Дэн лежал на земле, брошенный этим трусом. Надолго, думаешь, ему хватило такой жертвы, а? — в глазах того паренька на мгновение ненависти стало больше, чем у целой роты солдат. — Зацепился за корень ногой, не пробежав и сотни шагов. Умер... Нет — сдох, как и полагается трусу, — я обернулся на Рональда, и тот тут же отвёл глаза.

— Тебе ли... так говорить, если ты всё это время молчал?

В тот момент я сказал ровно то, что думал, но в ответ Теккейт взглянул на меня с такой злобой, с таким отвращением... Даже Энтони в тот момент было до него безумно далеко.

— Думаешь, я это ради себя делал? Думаешь, я не чувствую всё то, что творится с моим телом?!

— Тогда зачем?

— Какой же... — он вдруг опустил голову и истерически засмеялся. — Как же ты невыносим, чужак. Я исправляю ошибку. Мой отец оказался неправ. Мой отец в его собственном безумии, возможно, солгал и мне. Я умер — да, но не хочу остаться злобным блуждающим духом. Хочу к сестрёнке. Хочу к маме, тебе ясно?!

«Ребёнок, — вдруг промелькнуло у меня в голове. — Всего лишь ребёнок». — Но в одном он был куда взрослее всех нас: он не только принял то, что умер, но и пытался исправить то, что натворил.

— Весь этот ваш поход — одна большая ошибка. И все эти видения моего предка — знал бы... Сзади!

Я не успел полностью обернуться, но от того и не было бы никакой пользы. Всё, что я заметил краем глаза — Рональд, вставший на связанные ноги и буквально прыгнувший на меня. Более двухсот фунтов веса резко прижали моё тело, а геолог, зная, где искать, и как-то развязав руки, мигом вытащил у меня из-за пояса нож, чтобы приставить его к моему горлу.

— Ублюдок! — прокричал он на меня. — Как ты мог просто стоять и смотреть?!

— Успокойся, я...

— Успокойся?! Да ты должен был вырубить его осколками той же вазы! Прокричать: «Что за хуйня здесь происходит?!» — но нет! Нет, блядь! Ублюдок! — вдавил он сильнее лезвие и вытаращил глаза, тяжёло дыша. — Я выберусь отсюда, понял, Фогг?! Меня не ебёт, что вы там себе выдумали!

— А ты думал о том, что с тобой будет, когда сойдёт туман? — вдруг спросил Теккейт леденяще спокойным тоном.

— Завали, мелкий!

— А что будет, если выйдешь за его пределы?

Я вдруг утих, словно парализованный паникой. Меня охватил страх совсем не от того, что у моей сонной артерии было оружие — нет, а потому что Теккейт задал слишком хороший вопрос: что будет, когда сойдёт туман? Всё исчезнет? А как же тела? Как же убитые? Неужели всё, что мы должны были делать — это не пытаться спастись, бросив Даниеля, пожертвовав Сэмом и пленив его и Рональда, а всего лишь ждать?.. А вдруг... А вдруг мы все были уже мертвы?

— Я сказал: закрой ебало! Я, блядь, хуй его знает, что ты там видел, но всё, что видел я — это как та хрень промахнулась мимо меня, когда я споткнулся!

— Промахнулась? — со странной ухмылкой переспросил парень.

— Промахнулась! — в голосе Рональда звучали страх и гнев, переросшие в высокий крик. — На том холме! А я поднялся и побежал дальше!

«Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие», — эти пять слов от психотерапевта я слышал даже слишком часто. Я не знал, был ли он действительно мёртв; не знал, врал ли Теккейт, говорил ли правду, или ему просто почудилось; не мог бы в тот момент утверждать даже то, что Земля вращается вокруг Солнца, если бы меня спросили, а уверен ли я. Но точно знал одно: ему — этому парню горячей-голове — требовалось куда больше времени, чтобы осознать или даже осмыслить хоть одну из тех пяти стадий, а у него не было даже лишней секунды.

— Вот, что я тебе предлагаю: погнажи отсюда, Фогг, — вдруг прошептал он, убрав от меня нож. — Имел я жёстко всю эту эпидерсию. Хера с два я в старости одобрю то, что ты ничего не сделал, пока я там на полу валялся, — он одним движением разрезал путы на своих ногах, — но давай честно: это сейчас не главное. Нужно держаться вместе!

Он поднялся на ноги и подал мне руку. С его головы всё ещё текла кровь, на его лице всё ещё красовались синяки, но...

— Твоё плечо... — даже не шевельнувшись, заметил я.

— Забей ты хуй на это плечо! — крепче сжал он рукоять ножа. — Это терпимая боль, ясно тебе?! — сжал и ударил пару раз себя по тому же плечу. — Но она есть! Наконечник стрелы там, инфекция или прочая херня — знать не хочу! Но есть! — однако я всё ещё не двигался, глупо пялясь на него. — Ой, да ладно тебе дуться за то, что я тебя под нож взял! Мы — квиты! Этот хренов Смит слишком херово вяжет узлы, чтобы не воспользоваться этим... Руку давай — чего стоишь?!

— Я... Я...

Я не мог решить то, что же мне делать. А если Смит был прав? А если ошибался? Если вообще среди всех наших мнений и правд никогда не было истины? Что же тогда? Один предлагал бежать, второй предлагал бежать, и нужно было выбирать. Мог ли действительно быть наконечник стрелы в его плече? Мог ли? Я лежал там — на окровавленном полу и мямлил простое «я», но то, что на самом деле было в моей голове, звучало как: «Я не верю».

— Ну давай!.. — поторопил меня тот; я вновь даже не дёрнулся. — Ах ты... Ты... Ну и хрен с тобой! — развернулся он к двери и схватился за ручку. — Хочешь сдохнуть здесь — милости просим! Я же!..

Он открыл дверь и, резко сгорбившись, утих. На его плече появилась знакомая рука, тут же откинувшая его вперёд — в центральную комнату. Я мгновенно вскочил с пола и, не успев даже добежать до двери, всё понял — в проёме показался силуэт Смита, держащего ещё один нож. На лезвии того была свежая кровь.

— Ах ты... сука...

Рональд схватился за брюхо с правой стороны, распластавшись на полу, пока Смит просто стоял и смотрел на него.

— Как я и сказал, — очень холодным шёпотом заявил убийца, — я не отдам готовый к запуску грузовик. Хочешь — перемотай себя и беги, — кинул он ему заранее приготовленное тряпьё со стола. — Но один и пешком.

В тот момент во мне что-то и щёлкнуло. В тот момент я осознал, что вся та команда, что была вначале, все те люди — всего больше не было. Ощущение сплочённости умерло ещё вчера — когда мы разбрелись в ночной мгле, а люди, прилетевшие со мной на Аляску, уже не были собой. И я... Я тоже больше не был.

— Сволочь!

Взревев, я накинулся на Тони и, схватив того за воротник, что есть силы уронил на стол. Старое дерево треснуло в нескольких местах; одна из ножек, разъехавшись, предательски покосилась в сторону.

Нельзя было предавать команду. Нельзя было предавать команду.

— Ублюдок!

Нож отлетел прочь в сторону от удара. Смотря на спелеолога залитыми кровью глазами, я не мог понять, что же заставляло его улыбаться. В его взгляде не было страха. После первого удара. После второго. А я всё бил и бил, понимая, насколько же слабыми были в тот момент мои руки. Удар за ударом — всё слабее и слабее.

— Зачем?! — всё повторял я ему. — Зачем?!

Но лишь в тот миг, когда я уже просто выдохся и замер в бессилии, он посмотрел на меня. Вся левая часть его лица была в ссадинах, в подтёках и крови. Посмотрел и ответил:

— Потому что кто-то должен был взять это на себя.

Я услышал хлопок двери и инстинктивно оглянулся: Уэйн, поднявшись на ноги, выбежал наружу и, придерживая рану, поковылял в сторону грузовика. «Стой!» — хотел было прокричать я ему, но на моё плечо упала рука.

— А теперь смотри на результат своего доверия, — Энтони, держась за щёку, едва поднялся и указал на открытую дверь. — Он бросил тебя. Боясь, презирая или ненавидя — неважно. Вот всё, что ты получаешь взамен, когда становится слишком жарко.

Он встал со стола и медленно пошёл к двери. Дохромав до неё, он одним резким движением запер дверь и тут же задёрнул засов, жестом подзывая меня к окну.

— Он — угроза, если ты ещё этого не понял, — указал он на Уэйна, всё также слепо идущего вперёд. — Очень эмоциональный и преданный, словно какая-нибудь собака, но на деле — это койот. Хотел убить обоих наших проводников, избил меня и твоего покойного напарника до полусмерти... Скажу прямо: я даже не хотел проверять, мёртв ли он, — Тони обернулся на меня и подло ухмыльнулся. — Но, надеюсь, ты же задрал ему футболку, чтобы убедиться, а не просто смотрел на плечо? Не умер же он, по-твоему, от стрелы, а?

Зазвучал гул от сигнализации, точно передающий мои мысли в голове: «Я не проверил, мёртв ли он... Я не поверил ему. Смит не проверил, мёртв ли он... Смит пырнул его. Мёртв ли он?». Я подбежал к окну и увидел, что сигналил тот самый грузовик. Двери были заперты. Двигатель — заглушен. Рядом со мной же раздался звон ключей.

— В одном я тебе соврал: я не умею угонять грузовики. Но вот обыскать Даниеля, пока перевязывал его ногу, как видишь, смог, — на связке от ключей красовался пульт управления автосигнализацией грузовика. — Сказать по правде, я с самого начала думал, что мы пойдём сюда, но когда наш геолог заявил: «Пойдём так же, как и пришли», — я всерьёз подумал, что

этот идиот захочет подниматься обратно до моста. Да и кто же знал, что вас всех от стресса поголовно амнезия ударит? Нет, я серьёзно: как можно было забыть о чёртовом грузовике?!

На шум сигнализации начали стягиваться существа. С ними происходило ровно то, что было прошлой ночью: со многих на ходу спадала кожа, одежду разрывало от деформирующихся частей тел, а владельцы тех тел, несмотря на то, что умерли декады лет назад, были из-за нечеловеческой боли. И все они шли к нему, весь тот Ад шёл к нему.

«Не понимаю, — звенело в моей голове, пока тело просто стояло столбом у окна. — Не понимаю...».

— Если грузовик не нужно было угонять, — медленно проговорил я, — то тогда зачем вы?.. И как Теккейт допустил?..

— Никак, — раздался голос Теккейта позади меня. — Я это предложил.

Обернувшись, я увидел парня, полностью освобождённого от пут. «Этот хренов Смит слишком херово вяжет узлы», — всплыла реплика Рональда в моей голове и картина полностью сложилась: на нашем проводнике не было ни царапины; он, как охотник, вряд ли сдался бы «чужаку», тычущему в него ножом; а Смит даже при желании вряд ли смог бы ненамеренно завязать верёвки так, чтобы даже Рональд, ни разу не имеющий дела с узлами, смог из них выбраться — всё то было одной большой засадой, одним обманом.

— Отвалите! — раздался крик снаружи.

Я вновь выглянул и увидел, что парня окружили в плотное кольцо, протягивая к нему свои изуродованные конечности.

— Всё, что я хочу, — посмотрел на меня с той же ненавистью Теккейт, — смерть убийцы моего отца. Когда твой человек, — ткнул он на Смита, — раскрыл меня, я чуть не придушил его, но он кое-что предложил.

— Я предложил убить двух зайцев, — шёпотом и с опущенной головой сказал тот. — Парень получает геолога, а мы с тобой — грузовик. Ты же не думал, что он шёл с нами по доброте своей? — повёл он глазами в сторону Тека. — Он просто ждал, пока станет сильнее, чтобы убить и того придурка, и всех, кто мог бы помешать. Так что я заключил с ним договор — я купил нам жизнь.

«Нам».

— Ах ты!..

— Да... — кивнул он мне. — Я знаю. Мёртв геолог или нет, — указал он на окно, — он всё равно будет на мне. Ненавидь меня, если хочешь.

Он отвернулся от меня и смиренно уставился в окно, наблюдая за последствием своего решения. Кольцо из мёртвых и чудовищ сжалось вплотную. Его — того парня, с которым я несколько часов назад шутил о его собаке — разрывали на мелкие кусочки. Срывая кожу, волосы, оттягивая руки и ноги, пробивая ногтями и когтями щёки да глаза, его убивали уже умершие.

Лишь краем глаза я глянул позади себя, но увидел оскал на лице Теккейта. Полный злости, полный ужаса, но и извращённого, маниакального удовольствия. «Тот ли это Теккейт, который и был?» — спрашивал я себя. Нет. Точно нет. Настоящий Тек, в отличие от меня, спокойно мог слушать тот отчаянный крик, наслаждаясь каждым переходом на новый тон, словно Лунной Сонатой. Но крик Рона быстро утих — превратился в отвратно-глухой звук ломающихся костей, рвущихся жил и льющейся крови, что едва-едва проникал через приоткрытую форточку. Ещё минуты назад я думал, что из команды в сброд нас превратил туман, но оказалось, что мы никогда ей и не были. Все мы... были просто эгоистами,

державшимися друг за друга, прочной цепью из рук, висящей над бесконечно тёмной пропастью — пока держался один, держались все. Но то время прошло — хватка ослабла, хватка расцепилась.

— Теперь — твоя часть, — обернулся на чудовище Смит.

— Не терпится? — оскал всё не спадал с лица Тека.

— Чем быстрее — тем лучше.

Тот ухмыльнулся и встал на колени. Пятна на его теле быстро, даже очень быстро набухали, превращаясь в те самые бубоны, а он лишь продолжал скалиться. Наверное, в этом и был мой страх — не умереть, но превратиться в нечто такое.

— Если спросишь, что я делаю, — Энтони крепче сжал нож, поднося его к шее чудовища, — то, как ты заметил, все духи ощущают себя живыми и делают то, что делали до смерти — курсируют между деревьями, бродят по своей, ходят к рекам в надежде поймать рыбу без лески... Знаешь, чего хотел этот парень в последние мгновения своей жизни? Он хотел нас, — Смит попытался улыбнуться в своей манере, но вышел у него оскал, полный сожаления. — Мёртвыми, разумеется.

— От чужака другого и не стоило бы ждать, — голос той твари стал более хриплым и мерзким. — Столько презрения... Разорвать бы тебя... — он приблизился лицом ближе к Тони, и из его шеи тонкой струёй побежала кровь. — Но тебе повезло: то, что я сказал ему, — кивнул он на меня, — тоже было правдой. Я не хочу здесь оставаться дольше, чем нужно. Мы — не вы; всякий из наших, дав слово, держит его до конца.

— Вот и прекрасно. Но, знаешь, в этом вся проблема меня — чужака... — он одним резким движением вдавил нож в горло так сильно, как мог. — Я не верю тебе.

Взмах рукой — и кровь полыхнула алой звездой, отпечатавшись прямо на куртке спелеолога. Жёлтый бубон на шее, полный, как мне показалось, гнили и белка, тоже лопнул и смешался с кровью, растекаясь по телу чудовища. Не было ни хрипа, ни всхлипа, ни какого-либо показателя боли — оно просто смотрело на нас полными злобы, охотничьего азарта глазами... и умирало.

Энтони не произносил ни слова — просто стоял, замерев со сжатыми добела кулаками, и пытался перевести дыхание. Не получалось. Через несколько минут изменилось только одно — у него из дрожащих рук выпал нож.

— Когда эти твари разойдутся, — едва-едва слышно начал он. — Мы уедем. Подождём этот дом к чёртовой матери, чтобы им было, на что отвлечься, и поедем. Плевал я на ночь. И на всё остальное... тоже плевал.

Так мы и поступили. Через несколько часов, так и не произнеся ни единого слова, мы подожгли склянку с каким-то алкоголем и бросили её в кучу сухого дерева, заботливо сложенного у стены. Хорошо загорелось... Умиротворяюще.

Выйдя на улицу, я уже почти не чувствовал туман — будто сросся с ним, будто он уже давно был частью меня. Холодно, даже, к своему ужасу, почти безразлично переступив останки Рональда, я сел в грузовик и провернул ключ в зажигании. Думал я тогда лишь о том, что тоже многое готов был отдать, чтобы тот паренёк хоть краем уха услышал свою собаку в тот вечер на той треклятой вершине горы. Но это было лишь мечтой — связи всё ещё не было.

— Держи, — спелеолог сел рядом со мной и протянул мне надпитую тёмную бутылку, от коей разлило спиртом. — Должно помочь.

Я уже не думал — просто взял и выпил, потому что хотел, чтобы стало легче, потому

что легче должно было стать.

— Всё это... скоро закончится, — взглянул он на медленно разгорающееся пламя в окне дома. — Должно, по крайней мере, так что нам...

— Нет. Не нам, — я вцепился в руль двумя руками и наблюдал из темноты ночи, проникшей в салон, за тем, как уроды, растерзавшие Уэйна, приближались к дому Амарука. — Не думай, что после того, что ты сделал; после того, что ты решил, доверие к тебе будет стоить хоть пенни. Нет... — оглянулся я на того. — То, что ты мне сказал о Рональде — о том, что он бросил меня, потому что стало слишком жарко — касается и тебя. Мы вместе, потому что это выгодно нам обоим, но не более — не пытайся втереться ко мне в доверие.

Его удивление, следовавшее за моей речью, быстро сменилось безразличием. Это было ожидаемо. «Притворщик. Лицемер. Эгоист... Как и я».

— Я и не пытался.

Дом ярко полыхал, разрезая огоньками пламени ночной туман. Некоторые силуэты заходили в него, словно по старой привычке и, не выходя, кричали от боли. Вот она и была — жизнь мёртвых, жизнь воспоминаниями.

— Тогда рад, что мы друг друга поняли.

Как только на дороге из хутора больше не было препятствия, я завёл грузовик и рванул напрямик по дороге. «Всё это скоро закончится, — успокаивал я себя. — Всё это скоро закончится».

Глава 10. Блуждающий свет

В ушах стоял гул от частого топота пыльных военных ботинок и свиста пуль. Где-то рядом громыхали автоматы, ритмичными очередями разрезая воздух. По каске, покрытой известью от взорвавшейся стены, постукивали кусочки земли и камней, изредка отлетающие от рикошета выстрелов.

— Анри, держи и усади его у угла! — прокричал один из знакомых голосов. — Давайте сюда! Стягиваемся, стягиваемся!

На руках почти всех была одна и та же кровь. Много крови. Одно-два огневых попадания по бронежилету III класса защиты не сделали бы большой беды. Сломанные рёбра — максимум. Но пуля была куда большего калибра, чем мог бы выдержать бронежилет, да и целил снайпер далеко не в тело.

— Есть, сэр! — прокричал второй — более напуганный.

— Грёбаная ворона*! — руки попытались струсить с себя кровь — бесполезно. — Филлипс! Нужно быстрее отступить отсюда!

Вновь прогремел выстрел, просвистела пуля, металлический кевлар приятно отстучал одиночный звук попадания. К счастью для его обладателя, то попадание прошло лишь по касательной.

— Сам знаю! Двигаем вдоль восточной стены и быстрее! Дью, ты прикрываешь сзади! И проверяйте чёртовы окна!

Хриплый и пропитый голос принадлежал Гранту Филлипсу Локвуду — уорент-офицеру и командующему небольшого отряда ВМС США. На счету того голоса было много трупов сначала — шурави*, потом — хаджи*, а под конец — и чёртовы ти-мены*. Он никогда не любил смерть — по крайней мере, сам он так говорил — но отлично знал, как

организовывать с ней встречи.

— Блядь! — несколько пуль под аккомпанемент громких криков на восточном языке прошили угол на стене прямо рядом с третьей парой ботинок — идущей впереди. — Они уже здесь! На два!

— В здание! В здание!

Хлопнула дверь со сломанным замком, ведущая в многоквартирный дом, откуда-то изнутри раздались испуганные крики гражданских.

— Забегут ведь сюда, Филлипс! Только идиот не догадается!

— Заткнись — я думаю!

Тот день не был хорошим. Не то, чтобы хоть один денёк в Афгане или Песочнице* подходил бы для определения «стандартный хороший день», но тот... О, он был по-особенному паршивым. До начала операции «Пронзающий наконечник» оставалось совсем немного, но ти-мены со своей партизанской войной всё не признавали своё окончательное поражение в Багдаде... Варвары.

— Чё думать?! Бежать надо!

— Омар не сможет бежать, сэр!

— Центр, центр! Нас прижали! Восточная сторона многоквартирного дома в третьем квадрате!

— Тогда!.. Тогда, может?.. Может, нахрен его?!

На какой-то миг повисла тишина, изредка прерываемая отдалёнными выстрелами и нагнетаемая шумом эфира. Крепкие руки Филлипса бросили рацию, инстинктивно разжавшись и сжавшись уже в кулаки.

— Да ладно тебе, старик! Мы тут как грёбаные выдры, бегущие от охотничьих собак! Ему и так пиздец через несколько минут!

После непродолжительного молчания раздался громкий гул от удара по челюсти. И ещё один. Затем — крик:

— За одну такую мысль... За одну мысль следует отдать под трибунал, парень! А ты её ещё и озвучил! — крепкая рука сжала подбитую челюсть и направила трусливый взор, куда было нужно. — Никого не оставлять позади! Никого!

— Я... Я в порядке... — прошипело увядающее тело.

— Но что делать прикажешь, а?! — зажатый собственными щеками голос звучал странно. — Этих цивов* здесь как тараканов, а ти-ублюдки вот-вот ворвутся в двери!

— Что делать... Отгоняй их от двери и ставь подарочек! Не пялься на меня так, Дью, а действуй, мать твою! — пара ботинок живо зашагала в проход. — Анри, занимай оборонительную — будем отстреливаться!..

Ещё одна пуля, выпущенная откуда-то изнутри, пролетела свою короткую жизнь. Один из четырёх солдат упал замертво в тот миг.

«Да, то был явно нехороший день», — вспоминал я, медленно управляя грузовиком и пытаясь удержаться на туманной ночной дороге уже милню-другую. Бледно-жёлтые фары придавали пелене странный, грязно-дымный оттенок, но всё же освещали наши старые следы. Хорошо, что ещё не было дождя — хоть в этом нам ещё везло.

«Кроме того, что Омар всё-таки умер, не успели мы даже начать перестрелку, — продолжал доставать меня поток воспоминаний, — так ещё и один из чёртовых цивов оказался ярым прихвостнем Талибана. Дью... Думаю, до конца своей тихой жизни, резко

прервавшейся из-за какого-то наркоши, он так и думал, что был тогда прав — если бы мы бросили Омара, он бы не хромал на одну ногу, поймавшую ту пулю; не ощущал бы на себе презренные взгляды современного общества; не чувствовал бы себя... обузой? Да и Анри, что уж говорить, было бы проще. Один не стал бы физическим калекой, другой — психическим».

«Я купил нам жизнь, — всё перебирал я в голове слова Смита, слушая опасную тишину леса и постукивая пальцем по рулю. — Ненавидь меня, если хочешь», — мозг выстраивал странные, очень извращённые в своей сути параллели. С одной стороны, он в чём-то был прав: мотивы Теккейта оказались не так чисты — он просто выжидал, чтобы набраться сил, убить Рона; не пощадил бы никого, кто встал на пути хотя... Хотя и вёл тех, кто «был ему не нужен», по правильной дороге. Но, всё-таки: а как бы... А как бы поступил я?

Будь у меня выбор? Что бы сделал? На тот вопрос не было простого ответа. Я вёл грузовик и представлял картину впереди слабо освещённой дороги: монстр, душащий меня, предлагал мне сделку, где моя жизнь ставилась в противовес жизни того, кого он всё равно убил бы и без меня... Как бы я поступил?

И Смит... Он даже не удосужился посвятить меня... даже не попытался как-то сжульничать! Ведь... Ведь и он — и он тоже считал Рональда Лео Уэйна угрозой. В каком-то смысле, между нами, оставшимися в живых, всё должно было быть просто: его поступок был логичен, но доверие — утрачено. На деле же... На деле было куда сложнее.

— Эй, Фогг, — окликнул меня спустя какое-то время Смит, — не хочу прерывать ни тишину, ни твою внутреннюю дилемму, но как думаешь: что нас ждёт в Кайана?

То был чертовски хороший вопрос. Что могло бы ждать? Мёртвый город? Опустевший от убийств? Пополнившийся от трупов? Что бы могло быть там такого? А если... ничего?

— Не знаю... — задумчиво потянул я. — Трудно предсказать.

— Именно. Телефон всё ещё у тебя? Ты же не оставил его гореть вместе с негативными воспоминаниями?

— У меня.

— Отлично. Раз ты за рулём — можешь дать его мне. Лучше связаться с кем-нибудь до того, как мы въедем в обитель прогресса, — мы смотрели друг на друга, но телефон я отдавать не спешил — некоторые вещи стали сложными, но другие оставались кристально ясными. — Понятно... — он развернулся к боковому стеклу и застыл, но уже через секунду вновь развернулся обратно. — Знаешь, тебе серьёзно придётся пересмотреть своё отношение к вопросам доверия, если в той деревушке всё будет не так спокойно.

— Увидим.

— «Увидим»... — пародийно-низким тоном повторил тот. — Инструкция о том, как с расстояния двух миль определить солдата: дневной словарный запас равен количеству выдаваемых патронов, — я обернулся на него, удивляясь то ли наглости, то ли честности. — А что? Нет, подожди, ты вообще пробовал слушать себя? Такие односложные ответы, что я... Сука!

Резко переведя взгляд на дорогу, я успел увидеть пару жёлтых глаз и кучу оскаленных клыков. К честности своей должен заметить, что Смит, несмотря на его «лёгкое» отношение к смерти, был пристёгнут ремнём безопасности. Я — нет.

Удар. Изображение в глазах тут же поплыло, когда мой висок встретился с ободом руля; звуки отдавались лишь глухим эхом, а большинство из них вовсе пропадало, словно утопая в наглухо закупоренной бочке. И боль — её, должно быть, было меньше всего. Страх был

сильнее в разы, страх говорил: «Поднимайся. Второго шанса не будет».

— ...ви его!.. — слышал я через темноту. — Фогг! — голос принадлежал, разумеется, Энтони — ...на газ!..

Следующее ясное мгновение: раздался щелчок ремня где-то вдали, что-то откинуло мою голову прочь от руля, а ноги — от педалей. На фоне звучал громкий, порывистый рык. Где-то я уже слышал такой. Ещё до того... До Аляски.

Вновь раздался удар — более громкий, более... трещащий. Моё лицо вновь встретилось с ободом руля. Сквозь гул я слышал шум колёс, месящих грязь. Хаотичный, пугливый, очень быстрый. Но мы не пытались убежать от чего-то — мы стояли на месте...

Как бы я ни пытался оставаться в сознании, через секунду к моей темноте присоединилась и тишина.

Пришёл в себя я посреди глубокой ночи, холодной и опоясывающей. Первое, что увидел — пар клубами выходил из моего рта. Первое, что ощутил — ладоней я почти не чувствовал.

Моё тело всё ещё сидело на водительском сидении. Из-за треснутого лобового стекла открывался отличный вид на широкий столб ели, почти плотно прилегающий к капоту. Почти — потому что между ними застряло грузное, полностью покрытое шерстью и кровью тело. По правую руку от меня — на сидении штурмана всё так же сидел Тони, бездумно пляшущий в темноту. Весь в крови.

— Хороший сентябрь, а? — как-то странно-безразлично простучал он зубами, размазав кровь на носу. — Минус семь... Или больше.

В немой тишине я попытался завести двигатель — бесполезно. Машина кряхтела, словно умирающее животное, но заводиться отказывалась. Я перевёл взгляд на своего попутчика, на что тот лишь молча замотал головой: «Нет, — кивок был отрицательным. — Нет... Мы идём пешком».

Дверь грузовика открылась, мои ботинки грузно впились во влажную грязь, погрязнув в ней на дюйм-другой. Две передние покрышки нашего переднеприводного автомобиля оказались искрошены в настоящий фарш, диски — помяты и треснуты в нескольких местах. На капоте было полным-полно разных вмятин, заляпанных то кровью, то землёй, но главное было у самого дерева — существо, задавленное спелеологом.

Израженный, пробитый несколькими ветвями и переломанный по длине всего хребта, в нескольких дюймах от земли свисал медведь, зажатый и прижатый холодным металлом. За кровью, за настоящим алым покрывалом, окутавшим его, всё ещё была видна куча свежих ножевых ран; сам нож, застрявший между черепом и шеей, тоже был хорошо виден, но главное... Медведь был похож как раз на того, кого описывал нам Даниель: с огромной раной на грудной клетке, частично обнажающей рёбра; с разорванной щекой, показывающей клыки; без одного глаза, коего он точно не лишился, пока я был в отключке; без уха; очень большой и, что странно, очень костлявый... Он лежал там мёртвым.

Вытащив нож, я вновь вернулся в машину, не сказав ни слова. Тоже долго смотрел, пялился в бессмысленную пустоту, чтобы потом, переборов трусость, спросить очередную глупость:

— Думаешь, медведь был реальным?.. Сколько времени прошло, а на нём нет ни единого признака... Ни единого... И все раны...

Но в тот раз промолчал сам Смит. Лишь через целые минуты я понял — он всё смотрел на нож. Смотрел и, наверняка, проигрывал раз за разом то, как ему пришлось в одиночку

выходить из машины, вставать впритык и бить то костлявое чудовище, наносить удар за ударом, слушая рык, перекрывающий весь остальной мир, рискуя каждый раз попасть под ловкий, но неудачный взмах лапы — первый и последний; молиться всем богам, чтобы металл, удерживающий его, не дал слабину; чтобы сама его рука не дала слабину... даже не зная, с реальным ли медведем он сражался.

— Ты как? — искренне спросил я его.

Он развернулся на меня полностью, но вновь ничего не сказал. На его лице, сверху-донизу покрытом кровью, читались чистейшие шок и усталость. Он не знал, что мне ответить. Да и то, каким был бы ответ, ничего бы для него не изменило.

— А ты?

Все мои рёбра до единого болели; моё лицо — правая его часть, по крайней мере — ныла от удара, и мне очень не хотелось бы смотреть на себя в зеркало ближайšie пару недель; мои ноги и руки немели от холода; а в моём сердце были лишь укоры к самому себе.

— Так же, — едва произнёс я, смотря на него.

— Вот и хорошо, — отвернулся он в темноту. — Больно... Значит — мы живы... Если нам больно...

Следующие несколько минут мы сидели в тишине. Ветер всё дул сквозь туман, донося до нас треск деревьев, очищенный от посторонних дневных шумов. За пеленой всё ещё наверняка светила луна; весь остальной мир, уверен, ждал момента, чтобы начать новый день. «Всё продолжится, — говорила нам ночь. — С вами или без вас».

— Нужно идти, — Тони, затянув шину на ноге, невольно оскалился от боли. — Сможешь?

А что я? Я-то всего лишь был идиотом, что в суматохе забыл пристегнуться; что вырубился, оставив своё тело один на один с тем, кому меньше всего доверял; что проспал как все моменты выбора, так и все моменты ответственности, но всё ещё был жив — мне нельзя было жаловаться, мне везло.

— Да, — устало кивнул я тому.

Мы оба открыли двери и спрыгнули в вязкую грязь. Туман окружал нас со всех сторон, скрывая следы шин, а сырость и влага разъедали их, разравнивая землю в неидеальный, но однообразный поток. «Не так просто», — зло шипела на нас серая стена. Но вдруг позади меня ярким лучом вспыхнул свет — спелеолог стоял и держал в руках мощный, пускай и очень узко светящийся фонарь.

— Взял в том домике, — зачем-то объяснился он, подходя ближе.

За тем лучом он выглядел настоящим стереотипным злодеем — продажным копом, что направлял на тебя чёртову лампу, почему-то всегда стоящую на столе в комнате допросов, и всё пытался выведать всю «ценнейшую» информацию; тайной главой какого-нибудь синдиката, чьё лицо никогда не попадало в объектив камеры; человеком, что продал чужую шкуру, чтобы спасти свою, а потом бесстыже пытался откупиться — вся моя логика, все чувства и инстинкты говорили о том, что там — за светом фонаря — стоял плохой парень. Но как только он дошёл до меня, как только поравнялся со мной — мы уже оба были за этим светом фонаря. Я ведь был таким же, верно? Даже если учесть то, что в той ситуации не было простых решений, я всё равно оставался... соучастником?

Думаю, нормальный солдат быстро решил бы для себя тот вопрос морали — принял бы самую удобную для себя точку зрения и ринулся бы дальше в бой. Но нет — не я. Не такой солдат, как я.

— Думаешь, пять миль мы проехали?

Я оглянулся по сторонам: мы стояли посреди грязной узкой дороги, зажатой елями и редкими степями в одинаково тёмном лесу. Проехали ли? Да даже сам чёрт не знал ответа. Я попытался достать телефон из внутреннего кармана куртки, чтобы проверить и связь, и время, но вытащил лишь помятый ударом кусок металлолома. «Вот и всё», — понеслась мысль в голове и тут же упала вместе с тем куском в грязь.

— А это важно? — всё глядел я на сломанный смартфон.

Смит обернулся на меня и застыл. Его рот всё ещё был приоткрыт, грудная клетка высоко вздымалась от тяжёлого дыхания, но тот вопрос... Думаю, в тот момент я действительно напоминал ему его самого.

— Нет, — закрыл глаза и легко улыбнулся тот. — Конечно, нет. Пошли.

Туман окутывал нас всю дорогу. Даже хуже — он окружал. Наш небольшой фонарик — единственный источник света — был нам как лучшим другом, так и злейшим врагом. Всякий раз, как я пытался представить нас со стороны, понимал, что для любого, находящегося в том лесу, мы были словно на ладони — один блуждающий свет посреди абсолютной темноты. Ни Луна, ни свет звёзд не пробивались через те деревья; самого мира, как тогда казалось, было слишком мало.

Но зато там было ожидание... Тянущееся резиной очень подлое ожидание, наступающее после каждого шума: «Что это было? Просто ветка? Какой-то зверёк? Смерть?» — всякий раз те долгие-долгие секунды тишины, когда ни один из нас двоих не осмеливался ступить и фута вперёд, уставившись в сторону, я думал лишь о нём — об ожидании. Смерть... точно была меньшим злом на его фоне.

«Пока деревня сгорит, мы будем далеко», — то было первым, что сказал мне Смит, когда мы тронулись. Час-другой назад я видел через боковые зеркала, как в деревне мёртвые рутинно заходили в огонь, словно их новые соседи просто позвали их в гости; думал о том, как превратившиеся в прах двери впустили их в их же собственные дома, брошенные десятки лет назад; как они заходили внутрь и, наблюдая осевшую пылью вечность, горели заживо... Заживо ведь, верно?

И всё то ради того, чтобы потом, набравшись сил, осознав, осязав контуры своей маленькой клетки, стать ещё большим чудовищем — духом.

Ведь если мёртвые просто жили в неведении, считая себя живыми, то что было с духами? Знали ли они, что они мертвы? Что чувствовали? Страх? Жажду? Тот же охотничий азарт, что мелькал в глазах Теккейта?.. Каково это было для них — быть осознанно мёртвым?

«Всё-таки, в чём-то он — тот рыжий парнишка, что и словами, и действиями своими будто олицетворял полуправду — был прав: всё это было одной большой ошибкой. Этот поход, этот перелёт, этот туман... Без этого всего было бы так хорошо...».

Утро не наступало. Спустя долгие-долгие часы ходьбы по безмерно скользкой земле, на небе всё ещё было темно. «Сколько мы идём?» — спрашивал меня Энтони вечность назад, и ту вечность назад ответ уже был: «Слишком долго». Думаю, он боялся спрашивать ещё раз — наше молчание слишком затянулось... А я боялся смотреть на часы и отвечать. В какой-то мере подобное неведение даже было блаженным, желанным — лучше было не знать вовсе, чем узнать, что всё могло оказаться хуже ожиданий. Так что мы просто шли и ждали солнца, потому что вариантов было всего два: либо свет, либо смерть.

— Эй, Фогг, глянь-ка сюда.

Нам вновь везло — светало. На моих часах было семь тридцать после полуночи, а то означало, что мы всё-таки прошли двадцать чёртовых миль, так и не повстречав на пути ни одну тварь... В какой-то момент мне даже казалось, что тот лес не закончится никогда... Но всё конечно. Так, по крайней мере, гласила одна крылатая фраза: «Всё конечно. И всё закончится».

Стоя впереди, Смит указывал пальцем на свежие следы шин, перекрывающие наши. Они шли куда-то в горы — напрямик по широкой, очень широкой дороге.

— Мы близко к городу, — заключил он очевидное. — Помню этот поворот, — я невзначай взглянул в сторону гор и замер, вслушиваясь — по рассказам Дэна, многие мужики ездили той дорогой, чтобы рубить лес, но...

— Тихо для такой дороги... Даже слишком. И да — следы свежие.

Тони был прав, догадывался он или действительно знал — следы от наших шин содержали в себе влагу, успели скопить воду в прорезях от узоров, оставшихся на земле; «не наши» же были слишком сухими — новыми.

Мы развернулись и с большой опаской пошли к городу.

«Тихо», — то всё ещё была единственная мысль, посещающая меня всю дорогу. Не было ни шумов, ни криков, ни обычных разговоров — только тишина, только ветер, гуляющий в знакомых ему горах. Меня преследовало какое-то странное ощущение... контраста, идеально выскобленной безжизненности на фоне того, что я помнил о том городке, пускай и видел его всего раз до того. Так выглядело спасение, да? Но оно таковым точно не чувствовалось.

Мы молча прошли аэропорт. Он был всё так же пуст, как и в день нашего отбытия — весельчак-лётчик улетел в тот же день. Везунчик. Церковь, магазинчик, оружейная, почтовое отделение, школа — всё было там же, всё было на своём месте, пустовало... Я шёл по одной и той же дороге, по коей ступала моя нога два дня назад — да, но знал ли я то место, где я был?.. Нет. Тот Кайана... был другим. Его светлый и радостный близнец наверняка тоже был из тех, кому везло — он успел заскочить в улетающий самолёт.

«Где же люди?» — всё хотел я спросить у Смита, но... боялся? Ни одной души, ни единого голоса — ничего не было. «Боишься? — успокаивающе шептал во мне мой внутренний голос. — Правильно. Это ведь естественно — бояться», — но от понимания правильности вещей спокойнее не становилось.

Энтони настоял на том, чтобы мы шли сразу к мэру. «Если с ней что-то не так — со всеми что-то не так. И наоборот». Возражать я не хотел ровно до того момента, пока он не постучал в дверь — за ней вновь была тишина. Нужно было сделать так ещё на первом доме. Нужно было постучаться и, проверив, бежать, услышав ту тишину. На юг, на запад, в горы — куда угодно. Я был готов пройти весь чёртов лес ещё раз, но не был готов к тому, чтобы ждать у двери.

«Быстрее. Пожалуйста, быстрее», — но шаги, бесславные подлецы, не спешили раздаваться. Или же были настолько тихими, что я со своим слухом просто их не слышал.

Дверь открылась. Впереди нас стояла уставшая, очень иссушённая Эмма.

— Где Даниель? — хриплым голосом спросила она.

Но мы лишь стояли и молчали, скованные самим страхом. Где же был Даниель? Нам, несмотря ни на что, несложно было сказать — его силуэт мелькнул прямо за её спиной.

Примечания:

Все нижеперечисленные слова являются сленгом американских военных.

*ворона (англ. crow) — солдат-новичок, только прибывший с учений

*Ти-мен (англ. T-man) — талиб, член террористической афганской организации «Талибан»

*шурави (англ. shuravi) — афганское прозвище для военных СССР

*хаджи (англ. haji) — любой представитель средневосточной культуры (чаще — афганцы, реже — иракцы)

*Песочница (англ. Sandbox) — Ирак

*цив (англ. civ) — гражданский

Глава 11. В вопросах веры

— Где Ди? Господа? Эй? Вы слышите меня?

Голос Эммы всё утопал в той странной тишине, окутавшей весь мир. «Где Даниель? — эхом отзывались её слова — последние, услышанные мной. — Где Даниель?» — его силуэт сидел прямоком за тем столом, за которым сидели и мы несколько дней назад; рассматривал книги на полках, вытирал десятый раз о ковёр свои ботинки. Едва-едва заметный, бледно-зелёный, ослепший, разбухший — её любимый Даниель...

— Эй! Отвечайте мне!

Её усталые глаза с угрожающе большими мешками под ними всё требовали ответов, её сухая и бледноватая кожа, растрёпанная во все стороны причёска — её волнение требовало ответов, но они ему не понравились бы.

— Вон, — указал вдруг прямо за неё Смит. — Вон он.

«Миссис мэр» резко оглянулась, будто бы действительно могла поверить, и тут же повернулась обратно. Её взгляд стал ещё более раздражённым. Что же она хотела услышать? Что её муж, разрубленный надвое, умер где-то в лесу, а его призрак до недавнего времени оставался в заброшенной всеми богами деревне? Нет. Конечно, нет. Она ждала хороших новостей.

— Шутки в сторону!

Её лёгкий толчок вернул меня обратно в мир, где я точно не хотел быть. Ещё раз взглянув на комнату, я увидел то, чего вновь не могло быть — от Даниеля простыл и след. Даже больше — его будто и не было там. Те же шторы, те же окна, те же стены, и те же... те же тени.

— Хм, а почему это?.. — взгляд спелеолога был будто зафиксирован на том пустом стуле. — А почему это вы так распереживались, Эмма?

— Ч... Что? Неужели вы?.. Я... Неужели вы не можете просто ответить? Как вообще?. Подождите... Это что, кровь? — она осторожно завела руку Тони за волосы и тут же отстранилась от него. — Боже... Пройдёмте внутрь, скорее!

Она распахнула дверь, туман ворвался внутрь первым. «Она его не видела? — медленно переступил я порог, с опаской оглядываясь по сторонам. — Она действительно его не

видела?»).

В доме было всё точно так же, как и со времени нашего отъезда. Лишь большая стопка бумаг там — за тем столом была новшеством для моих глаз. На стопках было много государственных печатей. «Работа», — говорили они.

— Вот — возьмите! — она протянула спелеологу измоченную в спирте тряпку. — Приложите к ране. Как знала, что что-то случилось! Не удивительно, что вы оба так странно отвечаете — наверняка пережили шок, и!..

Силуэт вновь мелькнул на втором этаже. Даже не силуэт — только жалкая его тень. Но близко. Даже слишком близко. Смит, увидев то же, что и я, быстро утёр «рану» и через секунду уже вернул тряпку.

— Это... Это не моя, — смотрел он то на окровавленную ткань, то на ошарашенную от ответа женщину. — Вы в чём-то правы — многое случилось.

— Боже!.. Как знала. Как знала!

Она металась из стороны в сторону, не находя себе места и попутно зачем-то пытаясь приготовить чай. Всё то было так странно, так... рутинно? Все те мгновения, пока наблюдал за ней, я не переставал думать о том, а действительно ли моё тело сидело там — за тем столом? Слушало её? Ощущало жажду? Быть может, я просто умер, убитый какой-то тварью? Лишился равновесия и рухнул с горы, сразу ударившись головой? Утонул в реке, так и не схватившись за Теккейта? Умер от... передозировки? Что из всей той картины было реальным? А что было слишком странным?

В один момент я поймал на себе взгляд Смита, указывающий вверх. В том взгляде было ровно то же, что и в моих мыслях — непонимание и страх. Любой человек сказал бы, что нужно было бежать в тот момент, но... был ли смысл бежать?.. Да и мертвец, казалось, не обращал внимания на нас — как и многие в деревне, он просто застрял в своей рутине, пытаясь жить утраченную им жизнь.

— Так как там Дэн?

— Он... в порядке, — кивал, слегка покачивая корпусом, спелеолог. — Решил погнать грузовик на север. Сказал...

— «Проверю вырубку и вернусь», — дополнил я.

— Вот дурак! — она взяла чашку но, услышав мои слова, ударила ею о стол. — Сюда бы заехал!.. Будто там работает сейчас кто! Дома все сидят, а он!..

Мы с Энтони инстинктивно переглянулись. Почему в Кайана всё было так спокойно? Почему всё было не так?!

Первым взял чашку чая Смит. Грязными, трясущимися от холода и изнеможения руками он поднёс её ко рту и, отхлебнув лишь каплю, уже не смог остановиться, пока чашка не опустела полностью. Поймав на себе удивлённый, не сказать — ошарашенный взгляд Эммы, он лишь попытался улыбнуться, изображая благодарность — получалась слабая, очень больная в сути своей улыбка.

Да, в какой-то момент я и сам осознал, что вот они были — мы: грязные, кровавые, сломленные пришли в тот городок, а люди в нём, казалось, жили в параллельной от нас вселенной. «Неужели мир настолько большой? — вдруг подумал я, забыв, что за лесом был ещё целый штат, расположенный на целом континенте. — Неужели это всё... закончилось?» — но силуэт Даниеля всё не пропадал. Наш проводник рутинно спустился по лестнице и, обойдя нас по дуге, приобнял свою жену. «Где Даниель?» — спрашивала она. Ответ был ужасающе простым: он был всегда с ней.

— Скажите... — попытался поддержать я разговор, пока Тони смотрел на тень рядом с «миссис мэр». — А почему?.. Почему все сидят дома?

— Не поверите, если скажу, — устало отмахнулась та.

— Попробуйте.

Ровно, как и спелеолог, я залпом выпил чашку чая. «Странный вкус», — вдруг донеслось до меня, а затем я заметил, что силуэт Дэна начал становиться объёмнее.

— Бессонница, — Эмма села, если не упала на стул и, чуть запрокинув голову, смотрела на нас. — Хроническая и коллективная. Люди не могут заснуть, боятся выходить на улицу из-за того, что всё время, якобы, слышат рыки «тех самых медведей» в тумане, а некоторые вообще жалуются на не пойми, что, придумывая просто бредовые истории. Эта погода... — вздохнула она и отвернулась к окну. — Убивает, что ли?

«Нужно бежать», — обернулся Тони на меня. И он был прав. Что бы ни происходило в том городке, нужно было бежать.

— «Бессонница»... Тогда и у меня всё ещё есть два вопроса, «миссис мэр», — та легко улыбнулась, услышав язву спелеолога, — с чем этот чай и почему, всё-таки, вы переживали?

— Я не... Разбираетесь в травах?.. — она оглянулась на него, он многозначительно промолчал. — Эти дают «успокаивающий эффект». Я же видела ваш взгляд, когда вы вошли — поверьте, от них вам станет лучше, — я смотрел на крепчающую тень от силуэта Дэна и отчётливо понимал: не станет. — А насчёт переживаний... Знаете, я не особо верила мужикам насчёт бессонницы. Как и в медведей, в общем-то, не особо верила. Но вот последнюю ночь... — она налила чаю и себе да тут же выпила. — Тоже не могла уснуть. И не из-за медведей или прочей ерунды — из-за него, — указала она на фото нашего проводника на стене. — Мой Ди. Будто слышала его голос. Ещё и такое слышать: «Я умер», — представляете?.. «Я умер»... Как давно, говорите, вы с ним разминулись?

«Бред! Какой-то чёртов безумный бред!».

— Я и мой коллега отклоняемся, — вдруг дёрнул меня за плечо Энтони. — Позвоним вашему Дэну, поторо...

— По кабельному позвоните? — тот застыл, взятый врасплох неожиданным вопросом. — Связи нет, — она достала из кармана телефон и показала куда-то на разблокированный экран. — В смысле: может, у военных и есть какие-то «свои линии», но не у нас — слишком, слишком плохая погода.

— В любом случае, дайте минутку. Поверьте, мир не остановится, если наш чай немного остынет.

Он поднялся со стола и, будто само спокойствие, медленно вышел на улицу. За ним быстрым, почти паническим шагом, пошёл и я.

— Какого дьявола?

Мы вышли на улицу. Смит закрыл дверь и долго-долго молчал прежде, чем задать тот вопрос. В его взгляде — менее спокойном, чем обычно — много что можно было прочесть: удивление, шок, страх, панику, но его голос всё так же источал лживое хладнокровие и искренне-высокую язву.

— Я не знаю.

— Нет, действительно, — закивал он, будто подтверждая свою же медленную речь, — какого, мать мою, дьявола?

— Я сказал, что не знаю! — он осторожно укрыв ладонями лицо и очень неспешно,

очень глубоко выдохнул.

— Ты же видел это, да, Фогг? — обернулся на меня. — Видел его? — ответом был утвердительный кивок. — На вот таком расстоянии... Ровно фут до нас с тобой! — ещё один кивок. — А она... Пф, блядь...

Он улыбнулся и взглянул на туман, окружавший дом. Ноги подкашивались от усталости, разум — от непонимания. Вне своей «маски» спокойствия и вежливости, Смит выглядел куда более уставшим, так что быстро осел на пол.

— Какой же бред... Чёрт возьми... — он всё пытался закрывать рот, сдерживая смех; получалось, мягко говоря, хреново.

Не выдержав напряжения, я осел рядом с ним. Колени тряслись. Хотелось кричать. Хотелось бежать далеко-далеко — так же, как и тогда, когда я стоял у двери, но вокруг нас всё ещё был туман, а все, кроме нас, не знали его изнутри так хорошо.

— Ты же понимаешь?.. — не переставал он улыбаться. — Понимаешь, в чём суть? «Вопрос веры»... Чёртов вопрос веры! — я пытался напрячь мозги, но ощущал себя рыбкой, не видящей дальше аквариума. — Вспомни, что сказал тот шкет: «Это больше вопрос веры для вас». Ха-ха-ха-ха... Ублюдок!

Видимо, мой попутчик тоже считал, что большинство того, что сказал Тек, пока был более-менее человеком, было правдой. Хотя, несмотря на это, он всё ещё много недоговаривал. Полуправда, полуложь... Он тоже был тем ещё эгоистом.

— Если ты ещё не понял, Фогг, то я был прав: мы — психи, — он обернулся на меня; в его улыбке было что-то неправильное. — Ты же помнишь те травы в церкви, а? Скажи мне, — театрально покосил он голову, — что он про них сказал?

Дальше меня словно пронзило ударом молнии. Стоило мне вспомнить одну простую фразу, как я понял. Возможно, не до конца, но я точно уловил суть:

— Они расширяют...

— Что они расширяют восприятие! Точные слова, а? Ни буквы не изменить — сразу смысл теряется. Смысл, который весьма прост... — он приблизился к моему лицу, и его улыбка стала по-настоящему жуткой. — Никто не видел того, что видели мы, — и шептал он очень медленно, очень членораздельно. — Осознай: травы были не простым галлюциногеном — они позволяли нам «видеть», как тому шаману! Эта расселина, этот туман!.. Вот, что первым исчезло, а? Огромная тварь из пещеры. А затем? Затем — духи. Те чёртовы отродья, смотрящие на нас из-за деревьев! И масштаб того, что мы видим, становится всё меньше, и меньше, и меньше... Как остаточный эффект, только чертовски долгий! Чёрт... — он отвёл взгляд от меня в пустоту. — Я ведь же даже в деревне видел только силуэты тех умерших тиннех*... Идиот! Какой идиот!

Смит обхватил голову руками и почти сжался в клубок. Я полностью его понимал. Если всё то, что он сказал, было правдой — мы действительно были психами. Но хуже всего было то, что мы были теми психами, что успели соврать о Даниеле — о том, чей труп лежал где-то в горах, о том, чей труп всё ещё был где-то в тумане, о том, кого «миссис мэр», не выпустив нас, наверняка отправится искать.

— И эта дура, — махнул он рукой в сторону двери. — Она же не отпустит нас! Конечно, если вдруг не явится её горе-муженёк! Когда, как думаешь?! Сегодня?! Завтра?! И ещё нет связи... Ха-ха-ха-ха-ха... Боже... — он откинулся на спину и почти ударился затылком о стену дома. — Ну, за что, а? Ну скажи... Скажи, Фогг? За что это нам?

Я не знал. Только мне стоило подумать о том, что вещи стали простыми, как клубок

моих мыслей предал меня и, обвинив коконом, сбросил в пропасть ещё большей неизвестности. «Если думаешь, что знаешь всё — значит, не знаешь и половины». Впрочем, одно точно было ясным:

— Нужно отсюда выбираться.

— Да ладно, а? Будто бы я сам не знаю. «Нужно отсюда выбираться»... — задрал он высоко голову, передёргивая мои слова. — А вот то, чего я действительно не знаю: где ближайший город; нет ли там тумана...

— Думаю, вниз по реке...

— И есть ли там связь! — повысил он резко голос, перебив меня. — Нет смысла бежать из одной глуши в другую. К тому же... Верить или нет, но всё это скоро закончится, Фогг, — как по мне, в его голосе было мало веры в то, что он говорил. — И у нас будет проблема куда более непредсказуемая, чем эти твари, — Смит указал большим пальцем обратно на дом и слегка ударился о его стену затылком. — Судебная система Соединённых Штатов. Представь картину со стороны: половина команды пропала бесследно, прихватив с собой местного жителя; единственное тело выглядит точно не так, как если бы его исполосовал медведь, а выжившие даже не могут объяснить, что произошло.

Я посмотрел в ту же пустоту, что и он, и вдруг понял: лес закончился, вылазка закончилась. Мы сидели посреди обычного городка в США, размышляли о том, как объяснить суду потерю половины команды. И ведь действительно: а что мы должны были им сказать? «А если... — вдруг подумал я. — Если сказать правду?».

— Шамана и его сына... никогда не будут искать, — вдруг прошептал Смит. — Тело Джорджа через пару дней расплющит пещера. Твоего напарника вряд ли найдут, учитывая то, что с ним случилось. А то, что осталось от геолога... не опознают никогда. Если там что-то осталось.

Но Энтони, похоже, решил ничего не говорить. Он не просто перечислял имена, вспоминая смерть каждого, нет — он «отсекал» проблемы. «Мы — психи», — повторил я про себя слова спелеолога и в очередной раз убедился в его хитрости. Мы были психами, так что и сказать могли что угодно. Однако в его плане была загвоздка.

— Знаешь, что забавно? — он говорил так, будто читал и опережал мои мысли. — Остаётся только тело того желтозубого придурка-юмориста — Даниеля... Единственного, за кого будет печься бедная и одинокая уже вдова. Вот ведь гадство...

Нельзя было не поражаться расчётливости Энтони Смита в подобные моменты. Он говорил о смертях, о нарушениях закона, о лжи, с которой многие обычные люди не могли бы спать, только как... о средстве? «Отличная черта психопата, — говорил как-то мой психотерапевт, — отсутствие эмпатии», — конечно, не знаю, зачем эта фраза отложилась в моей памяти, но то, что вспомнил я её в тот момент, было очень вовремя. Во мне крепчала уверенность, что будь он — тот белобрысый спелеолог с немного детскими чертами его сорокалетнего лица — кем-нибудь другим, то он мог бы быть куда более влиятелен, куда более опасен.

— Что предлагаешь? — спросил я его, и план, услышанный мною в ответ, полностью оправдал все мои домыслы.

Дверь в дом отворилась. Эмма всё так же сидела за стулом, пускай и позволила себе минутку подремать — сложив руки, она улеглась на них и, казалось, получила столь желанный, но недостижимый сон впервые за ту неделю.

— Видишь его? — шепнул мне Смит.

О, я видел. Всмотревшись, я разглядел слабую тень Дэна, почти испепелённую солнцем — он стоял прямо над своей женой, что-то нашептывал ей, бурно жестикулируя, будто бы старался проникнуть в её сны. «Люди не просто не спят, — думалось мне. — Они не спят из-за мертвецов... Они... сходят с ума. Истощаются». Возможно, дело было и не в том, что травы Амарука были наркотиком, но дело было в нас — наши разумы, лишённые привычных ограничителей, думали по-другому, видели по-другому, ведь... никто из жителей не принимал наркотики, верно? Но они всё ещё могли слышать эти голоса, видеть тени, списывать их на воображение, и это было массовым явлением. «Чего мы не знаем... — думаю, Энтони тоже был в курсе этого. — Или понимаем не до конца».

— Эмма? — окликнул он её, она не отозвалась — лишь тень её покойного мужа злобно шипела на нас. — Эмма, есть кое-что, что мы хотели бы вам сообщить.

Но она не желала ничего слышать — тихо сопела себе под нос, улавливая хотя бы крупинцы того, о чём я, казалось, уже давно позабыл — спокойствия. Впрочем, даже в тот момент, когда она проснулась бы, уверен, она не захотела бы слышать то, что мы хотели ей сказать.

— Эмма...

Смит протянул руку к женщине, дабы разбудить ту. Тень, мирно стоящая всё время у её уха, оскалилась и резко махнула рукой в его сторону.

Затем была лишь тишина. Шок обнял нас обоих, крепко прижав к тем местам и позам, где мы были. Только пыль рутинно курсировала сонный дом, и только торс «миссис мэр» ритмично вздымался и опускался в такт её расслабленному дыханию.

«Значит, он нас видел», — Даниель исчез, только соприкоснулся своими извращёнными когтями с лицом спелеолога — буквально разбился о его щёку и рассыпался на миллионы песчинок, смешавшихся с воздухом, но... Он ведь видел нас? Или... слышал нас?

Тони очень осторожно, очень непонимающе дотронулся до собственной скулы, повернувшись на меня. На его пальцах было немного крови, а на самой скуле — небольшая, почти идеальная царапина, идущая строго по горизонтали.

— У меня есть теория, — начал было он, бестолково пялясь на собственную кровь, — но я... — начал, как позади него тут же раздался усталый хрип.

Но у меня тоже была теория: а что, если туман был катализатором нашего безумия? Той самой «тонкой стеной»? Обычные живые люди не могли видеть мёртвых — только слышать эхо, но мы, подверженные воздействию трав, видели куда больше... Что, если суть, на деле, была в нас самих — мы источали своё собственное безумие, пока туман только его усиливал?

— Ди?.. Милый, ты здесь?.. — Эмма оглянулась на нас, и её луч надежды опять погас в пустых зрачках. — А... Это вы. Простите за грубость — я просто...

— Ничего страшного, — парировал я. — Бывает... Но вам лучше не вставать.

Она непонимающе взглянула на меня, но то непонимание быстро сменилось испугом. Ещё бы — когда сам живёшь в страхе, когда весь город, за который ты в ответе, живёт в страхе — логично всегда ожидать худшего.

— В общем... — слова плохо подбирались — посол явно не был моей профессией. — Есть кое-что...

— Мы солгали вам, «миссис мэр», — Смит сел напротив неё; несмотря на его язву, выражение лица у него было серьёзнее некуда. — Из-за страха, разумеется — сложно просто

войти и с порога сообщить такую новость, но оттягивать — тоже не вариант, — он взглянул ей прямо в глаза и промолчал ровно миг, показавшийся вечностью. — Ваш муж мёртв, — она промолчала. — На границе деревни, что у пещеры, что-то схватило его в тумане, — она по-прежнему молчала. — Судя по рыкам, это было какое-то крупное животное, но из-за тумана... — я был уверен — видел это в её взгляде: больше всего ей хотелось просто сорваться и закричать. — Мы кинулись в рассыпную от источника криков, а когда паника покинула нас — в срочном порядке отправились сюда.

Смотря на её лицо, нетрудно было догадаться, почему когда-то гонцов убивали за плохие вести — весь гнев, вся ярость, всё сожаление и обида, которые не был способен вместить в себе даже весь мир, просто утопали в осознании собственной беспомощности, собственной... бесполезности. Ведь всё уже было решено — ей оставалось лишь принимать факт.

— Вы... вы уверены? — голос едва-едва было слышно за шумом ветра за окном.

— Я... Да вы же видите этот туман — будь я проклят, если в нём можно хоть что-то разглядеть.

— То есть вы не?..

— Не будьте наивной, Эмма, — он придвинулся к столу. — Рык животного, крик вашего мужа и тишина. Даже в том случае, если он каким-то образом оставался жив ещё какое-то время — прошло уже два дня. Он мёртв, — та вновь ничего не ответила.

В чём же был план Энтони Смита изначально? В том он и был — признать всё и воззвать к справедливости. Много кто захотел бы запаниковать, устроить суд Линча или вытворить ещё какую-нибудь глупость, но государственный чиновник — тот, чьё имя не только связано с законом, но и тот, чья обязанность — отвечать за других и блюсти тот самый закон — о, нет... «Здесь нет полицейского участка, — объяснял мне Смит. — А если и есть его аналог — она обязана будет связаться с моим адвокатом. Поверь мне, Фогг, из всех отвратительных планов, взять на себя груз ответственности — самый простой. По крайней мере, с твоим-то чувством совести».

— Как сознательный житель Соединённых Штатов Америки, — продолжил он, — я попрошу вас связаться с полицией штата — нужно найти тело раньше падальщиков. А как предусмотрительный — требую право на звонок адвокату.

Эмма долго сидела и смотрела в одну точку, не произнося ни слова. На её лице не отражалось ни единой эмоции, ни одна мышца её тела даже не сократилась после той новости. Но за тем идеалом спокойствия, за тем хладнокровием — вовсе не таким, как у Энтони — была настоящая, выедающая всё нутро пустота.

— Почему вы... не спасли его? — едва-едва подбирала слова вдова. — Почему... не вернулись за ним?

— Эмма... — Смит устало и очень напряжённо выдохнул. — Я понимаю, что вы сейчас в шоке и не учитываете обстоятельств, но...

— Почему?

— Потому что всё было не так просто. Если вы не поняли, у нас не было ситуации из разряда: «А сходить ли нам за ним или нет? А оставить ли нам его или нет?» — нет, — после второго примера мои кулаки инстинктивно сжались. — Всё было сложнее, всё было по-другому.

— Неужели вы не могли?.. — она подняла на него голову. — Как вы вообще можете быть так уверены, что поступили правильно?!

— Мы не можем, — её глаза округлились. — Хотите — обвиняйте. Хотите — проклинайте. Хотите — рассказывайте всем вашим друзьям и родственникам о мудаках-приезжих. Но позже. А сейчас, — он немного привстал со стула и ещё ближе наклонился к ней и ехидно улыбнулся, — позвоните в полицию, а?

Раздался звонкий хлопок. Щека Энтони со свежей раной на ней обагрилась и обзавелась красноватыми очертаниями маленькой женской ладони. До сих пор не могу винить Эмму за это. Ещё тогда — смотря на неё, резко и глубоко дышащую, смотрящую на спелеолога большими, круглыми от злобы глазами, я думал лишь о том, что я бы, наверное, и нос ему сломал.

— Полегчало?

— Вы... не слушали меня, — выражение лица вдовы очень напоминало оскал, смешанный с удивлением. — Связи нет. Совсем!

— И вы хотите сказать, что даже у старых-добрых военных с их бесконечными финансированием и необоснованной гордостью, её тоже нет? — пожалуй, сломанным носом даже не обошлось бы.

— Да как вы можете?! Как вы могли быть уверены, оставляя его?! Я хочу поговорить с Джорджем! Ну же! Где он?! Дайте его сюда!

— Эмма! — резко повысил и тут же понизил обратно он голос. — То, что я вам рассказал хоть слово, вообще является ничем иным, как жестом доброй воли — я мог бы просто потребовать у вас связаться с полицией, и вы, как государственный чиновник, обязаны были бы предоставить мне эту возможность. Если вы думаете, что вы — единственный, кто сейчас готов в позывах сердца мир перевернуть, или единственный, кто переживает жизненную травму, то я посоветую вам подумать ещё раз! — думаю, в тот момент она догадалась, где был Джордж. — А сейчас, прошу вас, не заставляйте меня учить ваш диалект и повторять в очередной раз мои же права уже на нём: полицию, адвоката, пожалуйста.

Они смотрели друг на друга в полной тишине, готовые вот-вот сорваться. Вернее, одна из них — точно была, а второй... Как бы ни хотелось признавать, но его методы — грязные методы — отлично работали. Я тоже, оказавшись бы на месте Эммы, не смог бы ничего противопоставить такой глупой, но на удивление точной аргументации. Ничего, кроме старых добрых кулаков, разумеется, и этого, учитывая обстоятельства, было бы достаточно.

Но нет — она схватила свою парку и, небрежно накинув её, вылетела наружу. Дом вновь накрыла тишина.

— Что думаешь? — обернулся на меня через какое-то время Смит. — Сработало?

— Думаю... — помедлил я немного. — Думаю, что ты — кусок дерьма, — он улыбнулся в пол-лица в ответ и уставился на дверь.

— Так и нужно. Чем меньше она захочет нас видеть — тем лучше.

— А Даниель?

— А что Даниель? Главное — побыстрее свалить отсюда. Дьявол, я бы зашёл сейчас в тот оружейный магазинчик... Хотя бы Беретту или Кольт... Хотя бы хоть что-нибудь!

Мы сидели в тишине, слушая стук часов. Вдова не особо торопилась.

— Поздно уже думать об оружии. Сейчас то оно тебе чем поможет?

— Никогда не поздно думать об оружии, — то была слишком умная и честная мысль. — Твари всё ещё здесь. Логика подсказывает мне, что если каждый второй наркоша не умирает

от их рук во время бед-трипа, то дело не только в «особенных травах» — дело в самом тумане. А чем дальше — тем он гуще... Да и, тем более, — резко улыбнулся он, — если и есть некоторые вещи, за которые печётся наш президент — так это снижение налогов и разрешение носить огнестрел — я бы сейчас воспользовался своей «привилегией белого среднего класса», знаешь ли...

— Республиканец? — спросил я того, он молчал. — Демократ?

— Человек. В первую очередь, по крайней мере. Во вторую — кусок дерьма, да?

Всё-таки, ощущение того, что спасение было близко, вносило некую толику оптимизма. Вон они были — и город, и люди, и цивилизация, и даже, чёрт побери, телефон. Да, после нас обоих должны были ждать долгие и тяжёлые месяцы следствий и судебных разбирательств, но, как и сказал Смит, на фоне того, что произошло с нами в лесу, всё то было комариным укусом. Главное — мы были живы. Нам было больно, а значит — мы были живы.

— Да, — кивнул я тому. — Ещё какой.

За окном уже был день, когда двери открылись вновь — девять или, быть может, даже десять часов после полуночи. За всё то время, что мы просидели там, Смит как озвучил кучу теорий о том, что же с нами происходило, так и несколько раз подходил к выходу с твёрдым намерением пойти и купить себе оружие, от чего его останавливало, уверен, только отсутствие наличных в карманах.

Эмма вошла внезапно и двигалась очень быстро, очень уверенно. От той женщины, что пялилась на моего попутчика пустым взглядом, полным отчаяния, не осталось и следа, нет — то была совершенно другая, полная надежды Эмма. И это очень пугало, потому что её — надежду — взять было просто неоткуда. Она молча прошла в парадную, впусив за собою туман, столь же громко, но бесшумно прошла в гостиную и, упёршись руками о стол, обратила на нас свой живой, полный силы взгляд.

— У меня будет к вам просьба, — начала она. — Я хочу, чтобы вы — до того момента, пока не прибудет полиция, разумеется — помогли поисковой группе, — Энтони молчал.

— Какой ещё?..

— За дверью, — очень резко и эмоционально указала она на выход, — стоит военный грузовик. Я заключила негласный договор: капитан выделил несколько солдат, чтобы помочь мне, а позже мы с жителями поможем ему. Езжайте с ними, — слегка опустилась она к нам, — укажите на то место, где пропал Ди. Помогите найти его. Пожалуйста.

Спелеолог непонимающими глазами тарачился на мэра города. Ещё бы — как это вообще получилось, чтобы его план пошёл не по плану? Впрочем, на самом деле, он должен был это понимать — даже он сам мыслил ровно так, как та вдова: в первую очередь он был не республиканцем, не демократом и даже не спелеологом — он был человеком. Как и она, стоявшая перед нами вовсе не как мэр.

— Вы же... — начал он. — Что вообще? Какая поисковая группа, какие?..

— Но вы же сами сказали! — настойчивости в её голосе было — хоть отбавляй. — Что не знаете, что с ним случилось!

— Я сказал, что мы не вернулись и не смогли удостовериться или запечатлеть, но!..

— Вот и я об этом! Я думала об этом и под дверями дома, и всю дорогу, и!..

— Эмма!

— Но почему вы так уверены?! Почему вам так плевать?!

— Если бы там было безопасно, мы бы и сами притащили его тело!

— Вы всё ещё думаете только о себе, а?! Да как вы можете быть таким трусом?! Позади вас, — развернулась она уже на полкорпуса, — двое вооружённых солдат! Они пройдут с вами каждый шаг! Даже от пылинки защитят, если вы настолько эгоистичны!

Смит оскалился, но промолчал. Ясное дело, что он хотел сказать то единственное, что можно было сказать, но он промолчал. Мы оба были зажаты в угол, и единственным решением, подталкивающим к сотрудничеству, была настоящая правда, но... «Мы — психи», — вновь вспоминал я слова Тони. И если тогда мы были таковыми только для себя, то правда сделала бы нас таковыми для всех.

— А вы?! — посмотрела она вдруг на меня. — Вы тоже собираетесь просто сидеть?!

А что я? Если бы я мог чем-то помочь, если бы был хоть немного менее бесполезен, чем являлся — я бы помог. А так... Да, её можно было понять — она мыслила в привычных для неё рамках, мыслила рационально. Но в нашем мире — в настоящем — её план был настоящим самоубийством, её план был ужасным, апокалиптически страшным безумием.

— Всё не так просто, — едва выдавил я ей.

— Не так просто?.. — покосилась она. — Мой муж, вся ваша команда — не думайте, что я не понимаю, почему она не с вами — все пропали в том тумане! А вы вместо того, чтобы спасти их, трусливо сидите! Я не знаю, что вы там видели, понятно вам! Не знаю! — развела руками Эмма. — Но нужно искать их! Нужно верить и искать их, потому что!..

Позади меня, перекрывая голос «миссис мэр», раздавался надменный и очень неспешный смех.

— Кажется, ты действительно меня не поняла: отправившись в тот лес, ты не только не найдёшь своего муженька живым, но и, вероятно, увидишь ещё не одну смерть. Поисковая группа, а? Посмотрим, как тебе это поможет. Я просил полицию. Если нет — я требую адвоката. Увы, ты, безутешная вдова, не сможешь сдвинуть ни одного из нас. Сама хочешь сдохнуть — милости прошу, — встал он из-за стола, отодвинув стул подальше. — Но исполняй свои обязанности, «миссис мэр».

В доме повисла очень напряжённая тишина. План Смита треснул ровно по центру, разорвавшись на два неровных куска, что летели прямо на наши головы. «Только не в лес, — думал я. — Только не туда!».

— Значит, не хотите?

Эмма крепко сжимала кулаки, смотря на нас исподлобья. Ещё бы — единственный шанс на спасение её якобы живого мужа ускользал из её рук со скоростью света. Но если она была способна на такую авантюру, как человек, то на что она была способна, как человек, загнанный в угол?

Треск. Очень громкий, очень внезапный треск стекла, раздавшийся позади меня, инстинктивно заставил всё тело содрогнуться. Обернувшись, я увидел Смита, отбросившего прочь стул и кинувшегося к разбитому окну. «Хороший план, — всё, о чём подумал я тогда. — Но проще было бы его просто открыть», — небольшое окошечко разлетелось в щепки, но оставило кучу осколков по краям. Нельзя было просто взять и выпрыгнуть в него, даже имея в запасе достаточно ловкости, а секунды... секунды были слишком важны.

— Стоять! — крикнула Эмма, и рядом с ней раздался знакомый щелчок курка.

Спелеолог застыл в окне, но через долгие-долгие секунды всё же повиновался и залез обратно. Вдова держала нас обоих на мушке небольшого дамского револьвера — как раз такого, что очень легко прячется в кармане парки, не выпирая. «Одной на двоих её не

хватит, — успел подумать я, взглянув на стол, очень удобно стоящий прямо перед её носом. — Если опрокинуть...» — но она вдруг заговорила и сделала это вовсе не к нам:

— Крис! Ричард! — голос её был натужно-громким. — Быстрее сюда!

В дом тут же вбежали два паренька в форме. О, они были зелёные, как сама трава — полные жизни глаза, начищенные ботинки, одетая с иголки форма... Им очень повезло, что их отправили служить далеко на север, если они не были местными. А если были — им тем более повезло. Даже, если они не осознавали того...

Впрочем, они были для меня больше похожи на вестников смерти. Их оружие, наставленное на нас... Никогда не думал, что окажусь под прицелом честного американца, но обстоятельства поражали ещё больше — они хотели не просто принудить нас к сотрудничеству, они хотели отправить нас на смерть.

— То, что ты делаешь... — начал Смит, отряхнувшись от осколков. — Преступление!

— Порча имущества, угроза жизни госслужащего, отказ сотрудничать с правительством — мы в расчёте, — взглянула она на нас через мушку.

— Это неправильно, Эмма! — попытался убедить я её, но тут же осознал, как сильно промахнулся в аргументации.

— Не смейте мне говорить о неправильном! Вы оба! Каждый из вас!

— Там действительно опасно! Вы не можете просто так!..

— Да?! А вы можете «просто так»?! Что там такого опасного, а?! Что так может напугать двух мужиков, чтобы они даже под дулом оружия отказывались сделать всё правильно?!

Тогда я считал, что то был момент истины — либо мы выигрывали этот спор, и все оставались живы, либо проигрывали, отправляясь на смерть. Что ж... Я был глуп. Решение было принято за меня уже очень давно — ровно с того момента, как Эмма — более сильная и самоуверенная Эмма — вошла в собственный дом.

— Слушай, ты!..

— Вы не поверите, — перебил я Смита.

— А вы постарайтесь! — револьвер сильно дрожал в её руках

— Хорошо-хорошо! — я перевёл глаза на спелеолога — тот утвердительно кивнул. — Но постарайтесь отнестись к этому... более открыто, — та легонько закивала головой. — Это всё туман. Он непростой, — и она, и солдаты замерли в удивлении от глупости услышанного. — Все эти голоса, эта бессонница, «медведи» — это всё он. Поверьте, вы наверняка не одна слышите мёртвых, — один из пареньков с оружием странно посмотрел на Эмму. — И не одна не можете уснуть из-за кошмаров и голосов над вашим ухом. Проблема в том!.. Это не так просто, чёрт меня побери! — наведённый на меня ствол вынуждал нервничать. — Тот шаман — старик, живущий в своей деревне — отравил нас! Какие-то травы, какой-то странный концентрат — я не!..

— Ближе к делу! — в какой-то миг я увидел, как барабан оружия слегка провернулся.

— Дело в том!.. Это усилило эффект! От тумана! Если вы только слышите шёпоты или видите слабые силуэты на расстоянии, то мы видели всё! Мы ощущали всё!

— Твоего мужа, — окликнул её Смит, — убил один из жителей деревни того старпёра. Бывших жителей, как ты понимаешь. В этом тумане... Мы не просто делим место с мёртвыми — мы живём с ними в одном мире.

— Что вы хотите сказать?..

— Пока не сойдёт туман — нельзя возвращаться в лес. Ты просто умрёшь. Твои

солдаты, охваченные страхом, бросят пушки и побегут, но они тоже умрут. Туман становится гуще, сильнее — я не знаю, сколько ещё времени это займёт, но очень скоро...

— Эмма, нам просто нельзя!..

— Хватит! — вдруг опустила она голову. — Перестаньте! — опустила, чтобы мы не видели слёз, тихо падающих на пол. — Я ведь вправду думала, что вы сейчас сознаетесь! Что, возможно, просто произошёл несчастный случай, и вы лишь желали раскаяться, понимая, что по телам и так всё будет понятно, а вы!..

— Мы не!..

— Ни слова больше! — вновь выставила она и руки, и голову ровно. — Вы мне противны! Оба! И вы пойдёте сейчас, сядете в грузовик и отправитесь в этот лес! Не вернётесь, пока не найдёте моего Ди! Или... Или его тело! Неважно!

— То, о чём ты просишь, невозможно, вдовушка!

— Очень даже возможно... — она взглянула на спелеолога глазами, полными слёз, и взвела курок. — Не знаю, как там у вас — в больших городах — а здесь все стараются поддерживать друг друга, — судя по лицам солдатам, они были согласны, пускай и находились в небольшом шоке. — Так что у вас больше нет права выбирать. Пока вы здесь, вы — часть Кайана. Помогите нам и получите свою чёртову полицию!

Нас обоих взяли на прицел и повели к грузовику. Смит, старающийся не пропускать возможности огрызнуться или закричать, всё пытался вразумить то ли вдову, то ли самих солдат, я же просто молчал. Мне вовсе не было нечего сказать, нет — у меня было много слов и очень большое желание, но сильнее них была мысль — одна подлая фраза, засевавшая прямо в мозгу: «Они ведут нас на смерть».

Примечания:

*Тиннех (англ. Tinneh) — старое название народов, населяющих Аляску; на языке самих тиннех означает: «люди», «народ». Более современные варианты: Денэ Аляски (англ. — Alaskan Dene) или Атабаски Аляски (англ. — Alaskan Athabaskans).

Глава 12. Прагматичность и приземлённость

— Я в крайней степени не советую вам двоим делать этого!

Двое паренёков, стоящих позади вдовы, что вывели нас наружу, выглядели более, чем расслаблено. К чему им было бояться? Они, похоже, с детства знали тот лес, а в тот день у них был действительно стоящий повод ещё раз в него съездить — у них была возможность «спасти» человека.

— Смотри сюда, дядя, — посмеялся младший из них — Крис, кажется — и слегка развернул винтовку на спелеолога в своих руках. — Это — штурмовая Colt AR-15 на двадцать замечательных патронов 5×45, а это, — указал на кобуру на поясе, — маленький, да удаленький Glock 22 четвёртого поколения — какой бы ни был медведь...

— Вы не понимаете!..

— И сколько бы их ни было! Нашего шерифа мы найдём.

«Дэн ещё и был шерифом... — пронеслось у меня. — Хотя, логично — кому бы ещё в таком захолустье, как не шерифу или мэру, принимать и сопровождать «дорогих гостей из цивилизации»?».

— Теряем время, — оттолкнулся от стены Ричард и пошёл вперёд. — Попытки уговоров, вроде бы, не удались, но всё равно попрошу вас добровольно идти с нами. Пока что — добровольно, — он слегка дёрнул ремень с AR-15 и поправил воротник. Но могу и так же,

как Крис.

Мы со Смитом остались на туманной улице под надзором того самого Криса. Его более спокойный и холодный напарник всё ещё общался с Эммой внутри, обсуждая «вторичные вопросы».

— Ты хоть понимаешь, что совершаешь преступление, пацан? — обратился к солдату спелеолог.

— Помогая найти человека? Не, дядь, я так не мыслю. Или обожди?.. Ах, да, — кивнул он, не убирая винтовки. — Я же должен поверить в то, что в тумане, появившемся из раскола горы, бродят призраки моих предков-прапредков, изголодавшиеся по крови, и что само везенье преследует нас, потому что мы, пока что, не узрели их? А преступление, получается — это само нахождение в этом тумане, попытки заставить вас вернуться в «тёмный страшный лес», где вас вполне может ожидать смерть? Верно ведь? Правильно толкую, а, дядь?

Прагматичность и приземлённость — отличительные черты хорошего солдата. Среди нас могли быть как верующие, так и атеисты; как благодарящие богов за пролетевшую мимо пулю, так и молча принимающие приближение врага, но оценивать обстоятельства объективно и, в случае импровизации, исходить из собственных знаний и опыта, должен был уметь каждый. На их месте, я бы даже рассказы о медведях не воспринял на веру — подумал бы, что какой-то придурок или сумасшедший просто распустил байку, но что уж было говорить о призраках, убивающих людей. О, нет. Я бы скорее поверил, что двое выживших из команды учёных сговорились, чтобы что-то скрыть; что на самом деле, учитывая их — наше, то бишь — нежелание помогать, где-то в лесу точно было то, что могло бы их разоблачить, дискредитировать их несуразные рассказы про оживших людей — на их месте, я бы тоже не поверил себе.

— Вот именно, что верно «толкуешь»! — настоял Энтони, сделав шаг вперёд, на что Крис лишь устало закатил глаза. — Оставь, хотя бы, нас здесь, придурок! Езжайте сами — будто бы дороги не знаете!

— На твоём месте, — раздался голос позади — Ричард тоже вошёл в туман. — Я бы был более осторожен в выражениях. Заводи, — приказал он напарнику, — она с нами не едет.

— С какого?

— А ты бы поехал, зная, что тебя там ожидает?

Тот кивнул и, впрыгнув в грузовик, провернул ключ в зажигании. Машина закричала и через несколько секунд завелась. Так мы и стояли вчетвером: у грузовика, у одинокого домишки, полностью утонувшего в тумане, что накрыл не менее одинокий город. Соседних домов не было видно, людей в них не было слышно. Не шумел колокол церквушки, не кричали дети у школы — мир вокруг нас вновь стал очень маленьким, очень тесным; мир не предлагал нам другого решения, кроме того, чтобы сесть в тот грузовик.

— Оставить вас здесь, — начал Ричард, как только его напарник высунул из водительского окна руку с поднятым большим пальцем, — означало бы: поверить вам. Кроме того, что сама возможность этого кажется мне невозможной, вас было бы ещё и не на кого здесь оставить, учитывая тягу к странным побегам.

— Но мы!.. — Смит вновь хотел протестовать, но Ричард лишь поднял правую руку вверх.

— Более того. Оставить вас также означало бы ещё одно: нарушить приказ. Как солдат, я могу позволить себе глупость, могу позволить и риск, — звучал он действительно как

настоящий солдат, несмотря на молодой возраст, — но неповиновение — нет, — закивал он головой. — В грузовик.

— Не пойду, — сделал шаг в сторону Смит. — Что хочешь, то и делай. Что вообще ты можешь сделать, а?

Ричард развернулся к нам спиной и сделал несколько шагов вперёд, покачиваясь в раздумьях.

— Что я могу? — ответ был слишком прост — я услышал знакомый лязг кобуры, и через секунду парень уже стоял с направленным на спелеолога пистолетом. — Я могу настаивать. Я настаиваю: в грузовик.

Машину неслабо трясло на неровной дороге. Мы, посаженные в задней части на голом полу, ощущали каждую кочку, коих было очень много. Не верилось, что я снова оказался в том лесу. Столько жертв, столько испытаний... чтобы всё равно вновь вернуться обратно.

— Вот ведь сволочи...

На всякий случай, как объяснились сами солдаты, Энтони приковали наручниками к одному из металлических прутьев, удерживающих натянутой дугой тканевый каркас — «верхушку» задней части. Не знаю, почему не тронули меня, но... Не то, чтобы я сам, участвуй в такой операции, был бы рад пленить гражданских.

Мысли путались. Чувства путались. Я отчётливо понимал, что тот лес, куда мы направлялись, должен был быть не так опасен, но... А что, если всё-таки он оставался прежним? Что, если предположение, высказанное Тони в городе — то самое, что звучало, как эврика — было ошибочным? Что, если мы не успели бы проехать и мили от города, как на нас тут же накинулись бы все когда-то жившие местные жители? Я отчётливо знал, что нам предстояла долгая дорога даже на транспорте — несколько часов езды, это точно, но ни водитель, ни его штурман даже не представляли, насколько та дорога ощущалась бесконечно долгой для нас двоих, сидящих позади... Бесконечно томительной.

— Эй, Фогг?..

Смит выглядел очень подавлено. Пристёгнутый одной рукой к тому пруту, он, сгорбившись, просто смотрел на туман, не отводя взгляд. Минута за минутой, час за часом — всё смотрел и смотрел на ту серую, столь ненавистную мной пелену, будто ожидая чего-то, что появилось бы из-за переливов чёрных, очень тёмных деревьев, выскочило бы на него тенью.

— Чего?

— Скажи, ты... Ты жалеешь о чём-нибудь? В своей жизни?..

Что же могло так всколыхнуть его? До сих пор не знаю ответа на этот вопрос. Потому что он ничего не смог поделать? Потому что проиграл? А, быть может, потому что просто терпел весь этот путь, стараясь казаться сильнее, чем он был?

— Прекрати — мы выберемся, — попытался успокоить я того. — Мы выберемся.

— Думаешь? — так и не обернувшись, спросил тот. — Тогда почему у меня это... ощущение? Точно — я слышал уже о нём. В далёком детстве. Странное оно... То ли бабка по линии матери, то ли по линии отца, но кто-то точно рассказывал мне о нём — о предчувствии собственной смерти, — я перевёл взгляд на спелеолога, но на лице того не было ни единой эмоции. — Никогда ещё не определял его так точно и так сильно. Думаю, мы не покинем этот лес в этот раз... Не может быть одному человеку столько подарков от судьбы... Вот и спрашиваю, — взглянул он, наконец, на меня. — Жалеешь ли о чём-нибудь?

Я ничего не ответил ему. Он всё понял.

— А я, вот, наверное, да. О том, что у меня никогда не было мечты, — и тогда я понял, что смотрел он не на меня, а сквозь меня. — Всю жизнь жил... Знаешь... чтобы жить? Знал, что делал, но никогда не знал, зачем... Понимал каждый шаг, но ничего не видел дальше себя. В глобальном, смысле, разумеется — я же не псих какой-нибудь, а?.. — на его лице появилась изнеможённая, полная боли улыбка. — Моя жизнь... была бы куда интереснее с мечтой. Куда проще. Всегда проще, когда есть, за что держаться и ради чего жить дальше... Да и... Я, хотя бы, узнал бы это чувство — когда тебе есть, ради чего просыпаться... Понимаешь меня, Фогг?

В этот раз я промолчал вовсе не от того, что не хотел говорить или мне было нечего сказать.

— Да... — так и не дождался он. — Вижу, что понимаешь.

— Нихера себе!

Грузовик резко остановился где-то посреди леса. С водительского сидения раздался громкий, полный удивления возглас. Я всполошился, думая о худшем.

— Ты погляди, Рич! Ты погляди!

— Вижу.

— Что «вижу»? Давай приблизимся поближе! — впрочем, быстро понял, в чём же было дело — ребята-рядовые нашли «нашего» медведя. — Да ладно — всего мгновение!

— Которое будет на твоей совести. Эй! — раздался удар по стенке между водительским и грузовым отсеком. — Оставайтесь на месте!

Обе двери открылись, и военные, ловко выпрыгнув наружу, неспешно пошли вперёд. Я подошёл к краю грузовика и выглянул — они очень осторожно, с большой опаской подходили к труп. Казалось, люди, вооружённые штурмовыми винтовками, просто не могли поверить, что кто-то мог убить зверя подобных размеров обычным ножом. Но верить приходилось — свидетельство тому было у них перед глазами.

— Можешь... обыграть всё это, если хочешь, — хрипло и устало шепнул мне спелеолог. — Скажи, что медведь — это и есть тот самый призрак... Даже, если он таковым и не является — какая к чёрту разница, верно?

Но мой взгляд был устремлён прямо в лес. Волнение и страх говорили мне, что вон он был я: пленён, бесправен... но не скован. Передо мной была непроглядная чаща и неизвестное мне количество времени прежде, чем туман стал бы слишком сильным — решение было слишком очевидным. Нужно было всего лишь одно движение, один шаг... через себя самого...

— Тоже вариант, — вдруг раздалось позади меня. — Но я бы думал быстрее, — будто нарочно после тех слов он прогремел цепью своих наручников. — Они вряд ли там надолго задержатся, так что не медли, если решился.

Обычный человек во времена отчаяния способен на очень грязные ходы — на обман, на предательство, на превышение собственных должностных полномочий и взятие людей в плен — обычный человек способен переступить черту. Но на что же был способен такой, как Энтони Смит? В тот момент, будучи повернутым к нему спиной и смотря на уплывающую с каждой секундой свободу, я понимал — во времена отчаяния он был способен на то, чего никогда не проявлял в обычной жизни — на честность. «Тоже вариант», — повторил я про себя его слова, и осознал, что он не врал. Но это был вариант

для него.

— Вариант, — отклонился я от края грузовика и сел обратно на скамью. — Но потом что?

— Так говоришь, будто бы бывший военный и младший обслуживающий персонал-эксперт не смог бы выжить в лесу.

— Не факт. И потом всё равно пришлось бы вернуться. Больше судов, больше обвинений...

— Боишься юристов больше, чем чудовищ? — покосился он. — Странный ты, Фогг... Я бы побежал.

Да, это знал и я — он бы точно побежал. Наверное, стоило бы побежать, но в тот момент во мне тлела надежда и, с тем же самым, грелся страх, удерживающий меня. Надежда — потому что всё действительно могло обойтись без особых последствий, и страх — потому что всё могло резко пойти не так, а я оказался бы один. Несмотря на то, что командой мы, как таковой, на Аляске никогда не были, разделяться всё ещё не было лучшим вариантом... Да и в чём-то он точно был прав — юристы были и есть чертовски дорогими.

— Что-то долго они там... — вырвалось у меня.

— С трупом фотографируются, — я вновь выглянул наружу, но ни медведя, ни солдат не было видно из-за тумана. — Когти на браслеты берут, шубы шьют — им же больше некуда спешить, верно? — несмотря на язву, спелеолог звучал куда более опустошённо, чем обычно. — Куда там до спасения шерифа, когда: «Ух ты, труп медведя валяется», — какое чудо... — покачал он низко опущенной головой.

Но ведь солдат действительно не было слышно. Ни шёпотов, ни криков о помощи, ни выстрелов — ничего. «Ошиблись?! — тут же промелькнула мысль. — Мы ошиблись?!» — а в голове тут же принялись появляться жуткие картины о том, как убитый нами медведь, извращённый и изуродованный туманом донельзя, за одно движение лапой съел обоим воякам головы. Но был ли реальным медведь? «Они ведь нашли труп — он не исчез, верно? Тогда почему?» — стоило мне подумать о том, как я увидел странную вспышку света в той стороне, где был наш прошлый грузовик. И ещё одну. И ещё одну. «Камера...».

— Сволочи, — выругался я шёпотом и рывком вернулся внутрь.

Через несколько минут мы слышали шаги, приближающиеся обратно к грузовику. Размеренные, очень спокойные шаги. Чёрт побери, будто бы у этих двоих действительно не было более важных дел?!

— Ну, сознавайтесь! — крикнул Крис уже на подходах к нам. — Кто из вас двоих его заколол?! Я имею в виду, — он подошёл к нам и встал, поставив руки на пояс да широко расставив ноги. — Такая лютая и худощавая исполина, что я чуть в штаны не наложил, а вы это ещё и прибить смогли?!

— Нашёл время... — оскалился на того Смит. — Поехали.

— Да ладно вам — расскажите! — мы оба молчали. — Ну и... Дьявол с вами, в общем-то, — непринуждённо махнул он рукой. — Не так-то сильно и зудело!..

Крис отошёл от грузового отдела и сел в грузовик. Двигатель вновь загудел, а через минуту к нам неспеша подошёл Ричард. Он, понятное дело, был куда более спокоен.

— Не сбежал... — взглянул он на меня. — Уже хорошо. Для тебя же самого, но всё-таки она в тебе ошиблась, — он посмотрел куда-то в туман, взгляд его был странно-безразличным. — Что вы там оба насчёт мёртвых говорили?

— Вам разве не нужно спешить, а не психов выслушивать? — всё торопил спелеолог.

— Может быть. Меня просто удивляет то, как точно вы оба угадали, когда говорили — «голоса мёртвых»...

— Мы не угадывали, — тут же настоял я, на что тот только улыбнулся.

— Да я так и понял... Забавно, что ли? Когда-то готов был отдать всё на свете, чтобы своего старика ещё разок услышать, а сейчас... Странно всё это, — тень сомнения очень тускло светилась в его карих глазах. — И вещи, что он говорил, тоже были странными...

— Послушай, — я встал со скамьи и подошёл к краю. — Верить или нет, но нужно быстрее убираться из этого леса. Чем гуще туман — тем... Ты видел медведя, верно? — тот кивнул. — Походит он на обычного — такого, коими полны эти края?! А голоса мёртвых? Если бы они были у тебя одного — это ещё можно было бы списать на случайность, но!..

— Поверь, парнишка, — шёпотом перебил меня Смит, — тебе ещё будет пара-другая свидетельств того, что здесь происходит что-то странное, но вот совет: не останавливайся, кого бы ни увидел. Особенно — если этот кто-то покажется тебе бледноватым.

Он вновь уставился в пустоту и долго молчал. Верил ли он? Не верил ли? Я не мог тогда особо думать об этом. Всё, что было в моих мыслях — поражение тому, как спокойно он стоял в том лесу... Наивный дурак.

— В любом случае, — повернулся он на меня, — шериф мёртв — это точно. Не знаю, во что там верит миссис Эмма, но числа в днях говорят мне, что если он не умер от голода и кровопотери, то его точно съели мелкие или крупные хищники, — я как-то по-глупому закивал в ответ. — А значит, что в ваших же интересах сотрудничать с нами. Чем быстрее найдём то место, где вы его оставили — «разминулись», если удобно — тем быстрее мы найдём тело и вернёмся в город.

Не дав сказать и слова в ответ, он быстрым шагом вернулся в машину, и мы вновь тронулись. Нужно было лишь везение — всего-то ещё одно небольшое везение, в результате которого в деревне, куда мы ехали, не должно было быть мёртвых — чтобы нам повезло, Тони должен был оказаться прав.

— От Аипалувика пошагаем пешком, — раздался голос водителя где-то через сорок минут. — Никто же из вас не обрадует меня, сказав, что вы ехали через север?

Всю дорогу лес был более-менее спокоен, однороден — в нём всё ещё были странные звуки, хрусты ветвей без видимых на то причин, но он всё ещё был безопаснее, чем несколько дней назад. Логика подсказывала мне, что это было из-за того, что редко кто умирал в чаще или у той же дороги, но надежда не уставала повторять другое: «Всё уже обошлось. Осталось лишь вернуться назад».

— Нет — мы шли пешком.

— Вот и изумительно — получается, что и сейчас...

Голос резко стих, а грузовик замедлился. «Получается, — довершил я за него, — что сейчас мы приехали». Водитель очень осторожно, очень медленно повернул в сторону деревни. Казалось, что-то монументальное перестраивалось в голове тех двоих в тот момент — их мозги пытались как-то связать рассказы чужаков-учёных о призраках и сгоревший хутор... Сказать по правде, это наверняка было не так уж и сложно сделать, однако они точно пытались противиться очевидным, но «нестандартным» для них выводам.

— Интересно... — раздался голос Ричарда из кабины. — Притормози здесь, Крис.

Машина остановилась. «На выход», — штурман молча отвязал и откинул небольшую перегородку, обычно сдерживающую груз в отсеке.

От дереvушки не осталось почти ничего. Издали мы наблюдали за настоящим тлеющим пепелищем, за покошенными и, несмотря на холод и влагу, выгоревшими руинами, очерченными ровным прямоугольником. Огонь наверняка медленно перебирался от домишки к домишке, осторожно проскакивал по опавшей листве и мёртвой траве, воображая, будто земля была лавой, сжигал и разрушал всё, до чего мог дотянуться на том горном склоне, оставив только мелкие тлеющие угольки — странный контраст цвета и света на фоне бесцветного тумана, медленно летающий по воздуху и обжигающий своим теплом.

— И давно это горит? — недвусмысленно посмотрел на нас Ричард, когда мы заходили на склон.

— Со вчерашнего вечера, — ответил я тому, оглядываясь.

В деревне не было и следа от чудовищ, будто бы все действительно сгнули в огне, но... они же не сгнули? Мы их просто не могли видеть, верно? А что... Что, если все жители, окрепнув и став духами, просто перестали нами интересоваться, или... нам действительно везло? Но на все мои вопросы был лишь один ответ — где-то в развалинах домов трещали тлеющие дрова.

— До Тагитука двадцать миль, — помню, что Даниель говорил что шестнадцать или тринадцать. — Не успеем вернуться до вечера, даже если шериф упал где-то «у деревни возле реки», так что придётся где-то заночевать, — он обернулся на нас, предчувствие у меня было самое паршивое. — Тагитук, надеюсь, не превратился в грудy пепла?

Но везение — не та вещь, что способна компенсировать человеческую глупость. Вся наша удача, вся удача Кайана, расположенного достаточно далеко, чтобы туман пришёл в него только под самый конец жизненного цикла пещеры, не были способны перечеркнуть глупость и наивность, прочно засеvшую в головах местных людей. О, нет... Чтобы заставить человека измениться, нужно что-то куда более сильное, чем смерть.

— Вторая дереvушка цела, — ответил тому спелеолог. — Но ты не захочешь там оставаться.

Он остановился на несколько секунд и посмотрел на дом Амарука, на всю прочую деревню: огонь смёл всё — следы, трупы, кровь — не было ничего, что доказывало бы наши слова. Только разруха, только пепел и туман, ветром гуляющие в тех горах, только сомнения.

— Может быть, — сказал он и зашагал вперёд. — Но выбора всё равно нет. Идём дальше.

У моей судьбы точно было странное чувство юмора — все те часы нам приходилось идти по тем же тропам, по той же земле, что и привела нас к Тагитук; те же переливы деревьев, тот же туман, то же серое, бесцветное небо — всё в том лесу было тем же. Сколько бы попыток сбежать я ни предпринимал, скольким бы ни пожертвовал, а судьба вновь и вновь вела меня на смерть. Нас вела. Да, у неё точно странное чувство юмора — чёрное с примесью нездорового садизма.

Тот же лес, те же пустыри, тот же мост, та же река. Я искренне хотел бы, чтобы во второй раз, как и в первый, на нас напал медведь — чтобы те солдатики получили хоть одно живое доказательство, хоть один стоящий аргумент не идти дальше. Риски всё равно были бы ниже, чем те, что мы получали, возвращаясь в Тагитук.

Что нас там могло ждать? Всё, что угодно. То, что я своими глазами не видел призраков, вовсе не означало, что они не были вокруг нас. Выжидали. А видел ли их Смит? А что видели вояки? Термин «восприятие» был и остаётся для меня слишком широким,

чтобы быть уверенным.

Но вовсе не этого я боялся — не духов. Если Тони был прав, то... мог ли я увидеть Сэма? Мёртвым? Рональда, «восставшего» среди того огня? Был ли шанс на то, что как только мы стали бы достаточно близки к пещере, то все начали бы «видеть»? И тогда... смог бы я взглянуть на них?

— Осторожно, — вдруг вырвал голос спелеолога меня из потока мыслей. — Мост довольно хлипкий.

Ричард очень неоднозначно хмыкнул в ответ и застыл перед первой доской. Шаг.

— Тогда идём по одному, — обернулся он на нас. — Я, вы, Крис — в таком порядке. И не делайте глупостей — эта река слишком непредсказуема.

О, это было сказано как нельзя точно. Смотря на парнишку, осторожно ступающего по прогнившему верёвочному мосту, я всё думал о том, как какой-нибудь странный клочок земли прямо под ним мог в мгновение оказаться огромными и прочными челюстями; как они сцепились бы прямо на нём и перекусили бы мост, оставив лишь неизвестность, болтающуюся по течению с обеих сторон. Но нет — шаг, шаг, шаг, ещё один шаг, и его фигура скрылась за серой пеленой.

— Следующий! — раздалось слабое эхо спустя несколько минут.

Пошёл Смит. Не сказав ни слова, не огрызнувшись — просто ступил на мост, по которому не так давно бежал, сражаясь за свою жизнь, и молча пошёл вперёд. Что-то в нём было не так. Думаю, он знал что-то, чего не знал я — догадался в своих безумных теориях до ещё одной эврики — той, что была настолько ужасна, что он тут же принял собственную надвигающуюся смерть... В какой-то мере, я даже был рад, что он решил об этом умолчать — во мне и так было слишком много сомнений, страха и пустоты, чтобы перетерпеть ещё больше. Шаг, шаг, шаг, ещё один шаг...

— Следующий!

Доски слабо скрипели под моими ногами, выли, рассказывая печальные истории тех, кто по ним прошёл — о группе людей, лишь двое из коих оставались в живых. Шаг, шаг, ещё шаг.

Берег очень быстро скрылся за густой пеленой, и весь мир остался только на том мосту. Где-то внизу шумела тёмная река, била пороги, оттачивая их временем, словно острейшим в мире лезвием. Кто бы знал, что скрывалось в той мутной, чёрной воде? Точно не я — я лишь шёл по тому мосту и старался не смотреть вниз, будто проходил между двумя башнями-близнецами по верёвке, потому что там — внизу, за тем туманом была не просто вода — там была смерть. Всюду в том тумане была смерть. Достаточно было одной слишком неудачно прогнувшейся доски, одной лишней секунды, и всё было бы кончено — упавший в Стикс* не выходит из него.

— Следующий!

Не успел я даже дойти до конца моста, как Рич, завидев меня, дал команду. Да, он явно не хотел задерживаться там — в том лесу. Но он был солдатом. Как и его напарник. Ни я, ни Смит или даже Эмма не пошли бы сюда добровольно — каждый из нас был в первую очередь человеком. Он был солдатом. И жаловаться на это, как и на любой другой приказ, не имел морального права.

Прошла минута, прошла две, прошли три...

— Крис, ты где там?!

Но в ответ мост лишь слабо пошатывался от лёгкого ветра, бесшумно, в сравнении с

гулом от реки, скрипел натянутыми верёвками; по нашу же сторону реки шумел лес, треща своими ветвями, шелестела высохшая трава и свистел ветер — всё было точно так же, просто где-то в тумане исчез один человек, одна жизнь.

— На месте! — голос раздался совсем вблизи — паренёк буквально выбежал на нас по мосту.

— Решил старческой ходьбой позаниматься? — шикнул на того напарник.

— Да не — привиделось чего-то у старой деревушки.

— Чего-то?

— Ты думаешь, я бы подходить стал? Просто смотрю от моста: мелькает что-то. Ну я постоял, покричал, обождал — не отозвались. Не люди, значит.

Лучше я бы и не сказал: «Не люди».

— Пошли, — Ричард положил руку Крису на плечо и рывком ускорил того. — Не будем заставлять шерифа дожидаться.

И мы пошли. Шаг за шагом приближаясь всё ближе к той самой пещере, к Агуте, сидящему в ней. С той ночи я запомнил очень мало — мимолётные образы мертвецов, превращающихся в чудовищ, странное обличие самой темноты, пытающейся поглотить нас, крики Смита от перелома запястья, но тот момент, когда на нас из пещеры что-то взглянуло — его я помню отлично: огромные, просто невообразимо большие и идеально круглые жёлтые глаза, бледная, более белая, чем любой идеальный белый цвет, кожа. Оно тянулось к нам оттуда — из той расселины. Один Дьявол или Бог, или какое-нибудь другое — столь же непостижимое существо — могло бы знать, чем был Агута, каким именно он был. Ведь если бы меня попросили описать его формы, его очертания — за все деньги мира не смог бы того сделать. Всё, что я знал точно: жёлтые глаза и белый цвет; смерть, ползущая прямо на меня.

Чем ближе мы подходили к деревне, тем больше странных шумов становилось вокруг нас. словно вся мелкая живность, прятанная предыдущие дни, вдруг ожила; словно то ли мыши, то ли прочие мелкие грызуны срочно для себя решили, что им больше не страшен туман; и мёртвые им, в отличие от нас, больше не страшны.

— Смотрите.

Рядом звучал знакомый мелкий ручеёк — мы уже были близко к деревне, когда Крис остановил нас, указывая вперёд себя. На покрытой инеем траве было огромное, просто нечеловечески широкое пятно крови. Тёмное, вернее — потемневшее. Возникло ощущение, что кого-то буквально сдавили в лепёшку на том клочке земли, но это же точно было не так? Однако там была только кровь, чей след ровным и очень длинным мазком уходил в сторону деревни — туда и утащили тело.

— Странно это, — заключил Рич.

— Подумываешь, что старик нашёл тело?

Его напарник явно толковал об Амаруке. Знали бы они, что ни он, ни его дети больше не были в тех лесах в живых. О, нет — шаман, получив нож прямо в сердце, упал в пещеру; первый сын погиб неизвестной мне смертью, а второй... второму просто не повезло — второй пережил куда больше боли, чем вся его семья.

— Возможно. Или Тек. Или Инук. Но тогда...

Позади солдатиков вновь мелькнула очень знакомая мне тень — очень высокая, очень неприметная, если не видел её до этого, почти прозрачная. В тот момент во мне словно переключилось — я осознал не только весь риск, но и весь бред ситуации. Почему нам не верили? За что нам не верили?!

— Послушай! — схватил я «старшего» за рукав, отчего его более буйный напарник тут же направил на меня ствол. — Нужно уходить отсюда! Веришь ты или нет, но ваш чёртов шаман умер в своей деревушке! Его сын — и тот шаман лично нам это рассказал — погиб недели назад! А второй... второй остался в той горящей деревне, понятно тебе?! Некому было забрать это тело!

Но Ричард лишь стоял и смотрел на меня полными холода глазами. Его прагматичность и приземлённость всё ещё не позволяли ему верить, не позволяли видеть, пускай и то, что он должен был увидеть, было очевидным.

— Ты сейчас сильно рискуешь, нарушая моё личное пространство, — он безразлично отвернулся от меня в туман, не пытаясь вырвать руку из моей хватки. — Я тебя понимаю, в какой-то мере. Ты — приезжий, чужак, как здесь принято грубо называть всех тех, кому не рады — ты мало видел подобных случаев. Поверь, какой-нибудь медведь или что-нибудь помельче с радостью утащит человека поближе к своей берлоге — столько мяса...

— Ты меня не слышишь!

— А ты сам? Ты пробовал слушать себя?

Ничего, кроме чистой обиды, я не ощущал в тот момент. Будто бы самый настоящий сумасшедший, запертый в одиночной камере, я всё пытался достучаться до своих конвоиров, до своих санитаров. «Вот же правда! — всё кричал я им, указывая на абсолютно пустую палату. — Вот же всё то, о чём я говорю!» — но они, понятное дело, ничего не видели. Их куда больше интересовала последняя сводка новостей, пришедшая вместе с газетами на их скромный наблюдательный пост; их куда больше интересовала «реальная» реальность.

«А не интересовала ли она нас?» — вдруг подумал я. Когда мы слушали рассказы Даниеля, считая их рассказками; когда он лично мне ведал истории о призраках, убивших всех в утонувшей деревне; когда пересказывал «басни» мужиков о странных вещах в знакомых им лесах... как относился к этому я?

Но большая и обида, и ирония была в том, что несмотря на мою жажду того, чтобы нам поверили, меньшее из желаемых мною вещей — вновь увидеть какую-нибудь тварь. О, нет. Если уж и выбирать между двух таких зол, то лучше пускай Тони будет прав — лучше мы навсегда останемся психами, так и не удосужившимися внятно объяснить исчезновение собственной команды. Но для того, чтобы быть психом, нужно было остаться живым, а чтобы остаться живым, чёрт побери, нужно было не соваться в тот чёртов туман!

— Пробовал, — ответил я тому. — Как я и сказал: я знаю, что это звучит бредово, но, поверь, и не такие вещи были вполне реальны — более жестокие и невообразимые.

— Это какие? — поинтересовался буйный.

Но я не ответил. Непривычно мне было это — кичиться войной. Нет... Уж что-что, а она — явно не та подруга, о связях с которой стоит рассказывать.

— То, о чём ты говоришь, — поравнялся со мной Ричард, — и то, о чём рассказываешь сейчас — не одно и то же. Ты прав, в какой-то мере. Но вещи это разные.

И мы всё же пошли дальше. Прямо по крови. Я мог чувствовать то, как мы приближались к Тагитуку, я мог чувствовать то, что не преследовало меня со времён Афгана — то же чувство, что наверняка впервые переживал Энтони Смит — смерть прямо у нашего плеча.

Наверное, стоило всё-таки побежать. Стоило попробовать. Нет... Не «наверное». Спустя ещё полчаса — когда до деревни оставалось совсем немного, я услышал его — знакомый, очень пугающий голос.

— Кто идёт?

— Свои, старик, — отозвался Крис.

— Свои... — потянул он в ответ.

Того не могло быть. Того, чёрт побери, точно не могло быть! На нас приближались те же самые едва слышимые шаги! В тумане мелькала та же грузная, похожая на звериную, тень! На нас шёл он — Амарук!

— Бежим, — и я, и Тони инстинктивно сделали шаг назад. — Бежим!

— Стоять, — шёпотом скомандовал Рич, притронувшись к кобуре.

— Ты не понимаешь!

— И мне плевать. Ждём.

На нас медленно, будто стараясь вызвать максимальные ощущения дежавю и опасности, приближались шаги из тумана. Шаг, шаг, шаг... Силуэт становился всё яснее, всё отчётливее. Страх же становился всё сильнее.

На нас вышел хромающий, очень дряхлый и слабый старик. Сказал бы я, что это был тот самый Амарук, что встречал нас в первый раз, но... нет. Его всего трясло, словно лист по ветру, одной рукой он держался ровно за то место, куда Рон вонзил ему нож, а второй упирался в какую-то сухую ветвь, что использовал в качестве трости. И лишь его взгляд — те самые глаза, спрятанные опущенной к земле слабой головой — лишь они были такими же... волчьими.

— Знаешь этих людей, Амарук? — указал солдат на нас.

В ответ шаман долго молчал. Словно скалясь от боли, он едва-едва удерживал себя на ногах, всё сильнее и сильнее сжимая место удара. О да, он явно нас помнил. Но почему он был ещё человеком?

— Нет, — слабо закивал он.

Ричард оглянулся на нас глазами, полными презрения. Разумеется, он больше доверял деду, знавшему его самого ещё с пелёнок, но... Он не должен был ему доверять.

— Так и знал. Крис, проведи опрос, вы двое...

Он отвёл нас в сторону, изображая очень грозный вид, но как только отошли — замолчал, смотря на нас. «Объяснитесь», — говорил его взгляд.

— Первого сына этого старика, — прошептал Смит, пока Крис о чём-то общался с шаманом. — Зовут Инук. Второй — Теккейт...

— Я сам называл их имена.

— Но не называл полного. Теккейт — рыжий голубоглазый парнишка с кучерявыми волосами средней длины. Белый, как снег, и очень худой, но бёдра, при этом, широкие. Не были мы здесь? — странно, всё ещё не поднимая головы, улыбнулся он. — В местной церкви — христианской, на удивление — куча фотографий умерших людей. В доме самого старика — того, что на краю — куча разноцветных кувшинов с травами, на стенах висят «ловцы снов» или аналоги в вашей вере; какие-то странные картины вышивкой и...

Парень отвернулся и, глядя на Амарука, молчал. Долго молчал. Даже тогда, когда уже не стоило бы.

— Кровь, однако, шериф растерял, — отошёл от шамана Крис, почёсывая затылок. — Мол: медведи, всё-таки, справились с ним. Почти со всем ним. Что осталось — наш старик забрал. В церкви, говорит, лежит.

Кивнув, рядовой Ричард повёл нас к церкви — обратно в тот самый Тагитук.

— А как сам старик? — тихо спросил он.

— Не понял?

— Не заметил в нём ничего... странного? — шаман шёл впереди, старательно делая вид, будто ничего не слышал.

— Того, что он хромает на одну ногу и ведёт себя так, будто одолел микроинсульт? Да, заметил, — обернулся на того напарник. — Не вижу в этом ничего странного.

Мы вошли на территорию деревни. В ней было идеально пусто — ни следа от тех «жителей», что были в ней, когда мы пришли в первый раз — только выскобленная, очень мёртвая и безумно давящая тишина. «Должно быть, все они вернулись на то место, где умерли», — с почти незаметным облегчением предположил я.

— А в том, что тебе показалось у моста? Скажи, ты же не видел ничего... с жёлтыми глазами?

— Я не... А ты тоже видел?

— Не совсем...

Мы приближались всё ближе и ближе к церкви, кровавый след становился всё слабее. «Странно это, — подумал я. — Почему Амарук может осознавать себя мёртвым? Он же... осознаёт ведь?».

— Крис... А что ты можешь сказать насчёт глаз «старика»?

— В каком пони?..

В тот момент шаман обернулся на нас. Не знаю, видели ли это остальные, но я считал подлую, полную жестокости улыбку на его лице и практически обомлел — в его глазах буквально в мгновение ока появилась та самая желтизна. Весь путь, во время которого я думал, что нам не верит ни одна живая душа, тот паренёк сомневался настолько сильно, что стал «видеть» даже лучше, чем мы.

— Да ничего... — неуверенно отозвался Крис. — Обычные глаза.

«Нет», — закивал я в ответ парню, когда он оглянулся на меня и прошептал только одно слово: «Жёлтые».

Мы шли по пустой деревушке, меж чьих почерневших домов тянулся кровавый след, шли к самой церкви, от которой всё и началось, шли на смерть. Нужно было бежать. Чёрт побери, нужно было бежать. Но страх... страх был слишком силён. Ноги были ватными, глаза — дёрганными. В чём-то, всё-таки, прав был Теккейт — что-то не так было с тем туманом для живых, и я знал, что: он сеял собою страх. Чистый и первородный ужас с настоящей агонией разливались в той пелене. И они окружали. Они сковывали.

— Скажи, Амарук... — вдруг остановился Ричард прямо в центре деревушки — на полпути; Амарук остановился вместе с ним. — А где Тек и Инук?

— На охоте... — безразлично прошептал тот. — На север пошли.

— Да? — парень держал расстояние ровно таким, чтобы в тумане оставался виден только силуэт. — А почему же тогда один из «незнакомцев», если твои сыновья ушли на север на охоту, может с дотошностью описать одного из них?

— Ты чего такое говоришь? — прошептал тому Крис.

— Не сейчас.

Чаша сомнений переполнилась. Хотел бы я сказать, что это произошло быстро — и двенадцати часов не прошло с момента, когда я впервые увидел того парня, но... Нет. Мы были уже в деревне — всё произошло даже чересчур медленно.

— Услышал от кого-нибудь... Тот же Даниель... — голос того действительно был очень слаб.

— А откуда тогда знают о твоём алтаре? Откуда знают о том, как обустроен твой дом?!

Старик слегка повернул голову, но ничего не ответил. В тот момент я и понял, что критическое мышление так или иначе привело Ричарда на нашу сторону — он не знал, врал ли мы, но зато точно знал, что ему врал шаман, врал с самой первой фразы.

— Что ты скрываешь, Амарук?!

Он достал пистолет из кобуры и направил вперёд. Его напарник сопровождал то шокированным, полным непонимания взглядом, но перечить не стал — он тоже наверняка догадался до того же самого вывода.

— Я ничего... — едва прохрипел он в ответ. — Ничего не скрываю...

— Он врёт, — прошептал своему напарнику Рич. — Бери его на мушку как подозреваемого — позже разберёмся.

— Да?! — крикнул шаману Крис, так и не взяв винтовку. — А откуда тогда они всё прознали, старик?! Давай — расскажи нам! К чему браниться-то?!

В один миг голос шамана превратился в настоящий животный рык — в десятки раз громче, чудовищнее, чем был. Он резким рывком обернулся на нас в тумане, и мы могли видеть то, как рвётся кожа на его челюсти.

— Они врут тебе! Чужаки! Лгут! Тебе!

Его рука, удерживающая трость, просто переломала её пополам. Даже в той пелене, даже видя только образы, я мог различить, что с ним происходило: кожа его тела растягивалась и рвалась, обнажая мышцы, увеличивающиеся в объёме; кости — тоже становящиеся больше — пробивали его внутренние органы; череп давил ему глаза всмятку; зубы перекусывали язык, но он всё не переставал выть и кричать, продолжая бить руками о землю:

— Они! Лгут! Тебе!

«Стреляй... Стреляй!» — вдруг промелькнула искра рассудка в моей голове. Я рывком снял с Криса винтовку и, прицелившись, зажал курок. Так поступили и остальные — мы всё выпускали патроны в то существо, валяющееся на земле, все пытались убить то, что было уже мертво, а он всё продолжал выть:

— Ложь! Наглая ложь!

Голос Амарука превратился в чудовищный вой. Уже нельзя было убить то, что лежало перед нами — он был духом, а не мёртвым, и силы в нём было непомерно много. Всё резко переменялось ровно в то, что я чувствовал — в смерть.

Дальше моя память оставила лишь отрывки. Помню: он поднялся на бледные, даже тёмно-серые ноги, покрытые кровью; его накидка, достающая раньше до пола, свисала ему до пояса; помню кучу обезображенных человеческих лиц и голов, выросших на его черепе; помню длинные руки, расставленные в стороны, и протяжный хриплый крик, когда он побежал на нас.

Первым ударом он точно промахнулся мимо меня — что-то, очень похожее на ударную волну, отбросило меня прочь. На лице была кровь... Не моя. Помню выстрелы из автомата, явно принадлежавшего Ричу — он ведь вначале стрелял из пистолета — восемь или девять из двадцати патронов. А дальше — глухой стук. И вновь кровь.

Ещё помню крик. Наверное, кричал я. Хотел ли? Чёрт его знает. Хотел, раз кричал. Смит ещё что-то пытался вбить мне о том, что нужно бежать... а я не чувствовал даже собственных ног. Да, нужно было бежать. Только раньше. Гораздо раньше. В тот момент... бежать уже было поздно.

Первое моё ясное воспоминание: я, израненный и весь в опилках висел над темнотой той самой пещеры, схваченный чьей-то крепкой хваткой. Рядом с собой я видел светлые волосы, полные крови. «Всё-таки, он сбросил нас вниз», — всё, о чём я успел подумать прежде, чем упал в ту темноту.

Всё-таки, он сбросил нас вниз.

Глава 13. Сердце гор

Темнота. Как быстро она поглотила всё вокруг меня... Должно быть, моё тело просто перекрутило в воздухе — не мог же весь свет просто исчезнуть за одно мгновение?

Помню, как наши со Смитом взгляды пересеклись. Меня бросили первым, так что он мог видеть всё то, что через секунду должно было появиться в его глазах — страх, паника, отчаяние... сожаление.

Я много раз думал о том, что нужно было бежать прочь, а не следовать под дулом автомата на смерть, но в тот момент, когда я летел вниз... боже, я думал о таких глупых вещах. О том, что должен был «У Сенди» двадцать три бакса, о той девушке — Джинни, вроде бы — что просила позвонить мне многие месяцы назад. Я думал: «Чёрт, я не исправил столько вещей. Вот обидится старик Дрейк, когда узнает, что я всё-таки не полезу с ним в Латинскую Америку, расстроится, больше некому будет шутить про его второсортные авантюры», — я думал о таких... банальностях? О мелочах?

Должно быть, мне просто не хотелось рассуждать о собственной смерти — такое часто бывало со мной в Афгане: бессонными ночами задолго или перед самими операциями я думал о том, как заживу, когда вернусь; куда сначала пойду, что съем, что надену на свой первый «гражданский» вечер — как и в те многие разы, я просто пытался обмануть себя, мой мозг пытался играть в игры, воображая, что всё то, что мне предстояло пережить, точно обойдётся, что никогда не будет никаких испытаний для моей жизни, но правда в том, что подобный обман... очень наивен. В реальном мире нельзя просто закрыть глаза на проблему, чтобы та исчезла. О, нет — в реальном мире та проблема, скорее всего, воспользуется ситуацией и подберётся к тебе как можно ближе, чтобы в тот момент, когда ты открыл глаза, она показала тебе всем своим масштабом, что вот она — жизнь, и жизни на тебя плевать.

Когда я был у той пещеры впервые, я точно видел спуск — тот самый скалистый и острый путь во тьму, уходящий вниз под достаточно небольшим углом, чтобы туда можно было просто войти, но когда Амарук отпустил меня... То падение казалось мне бесконечным. Идеально ровным, вылизано-чистым, будто я падал ровно вниз, а вокруг меня не было ни ветра, ни звуков, ни запахов, ни даже сопротивления воздуха — я просто... исчезал?

Я не мог определить, сколько точно времени падал; не смог бы, даже если бы действительно задумывался об этом. А после... После я уже даже не был уверен, падал ли — то чувство невесомости, абсолютной и всепоглощающей темноты... Думаю, так люди в коме и чувствуют себя, вернее — так мне рассказывал один сослуживец: «Искажённое ощущение времени», — никогда бы не подумал, что пойму то, что он говорил, именно на собственном опыте.

Но если в его описаниях и его чувствах было некое спокойствие, то у меня был только страх. Всё равно, что падать с закрытыми глазами во сне — ты ждёшь падения секунду за

секундой, кажущиеся тебе вечностью, но наступает то самое падение именно тогда, когда ты открываешь глаза. Я открывать глаза не хотел... Если, конечно, вовсе закрывал их.

Но в конце всё равно был он — именно в тот момент, когда я, по злой иронии, всё-таки попытался посмотреть на тьму, именно тогда, когда любопытство перебороло страх — удар.

Очнулся я на холодной, серой и грязной каменной породе. Всё тело выло так, как если бы все ухабы, что я пропустил, падая на дно пещеры, разом ударили меня по всем частям тела. Синяки, ссадины, раны и даже переломы — я ещё не мог открыть глаз, но уже отлично представлял и, что хуже, ощущал то, что со мной случилось. Ни двигаться, ни даже дышать из-за такой боли просто не хотелось.

«Нужно открывать глаза», — всё твердил себе я единственную мысль, но все мои силы остались там — наверху, у раскола, так и не последовав за мной вниз, так что со мной была лишь она — боль. словно все мои рёбра были сломаны одновременно, словно какой-то патологоанатом-недоучка просто раздробил мою грудную клетку молотком, так и не удосужившись вытащить осколки костей из лёгких, а потом какой-то чужак по имени Виктор подключил меня к своей странной машине. Сказал бы я, что сил не хватало даже на вдох, но я дышал. Люди... очень живучие существа — не умирают даже тогда, когда самый простой выход — и есть смерть.

Нужно было открывать глаза — да... но хотелось лишь выть. Хотелось реветь как раньше — в самом раннем моём возрасте, заливаясь слезами сверху-донижу и просто кричать куда-то в потолок, надеясь, что кто-нибудь да услышит. Наверху меня ждал Амарук. Там — внизу — лишь темнота. А со мной были только боль и страх. Что мне ещё было делать, как не кричать?

Но нужно было открывать глаза. Настоящий солдат... не позволил бы себе лежать и выть о судьбе — он знал бы, что его не слышат; понимал бы, что все его крики были просто бесполезны.

— Блядь...

Открыл глаза я не сразу. Даже не через минуту или десять, нет — больше, словно пытался свыкнуться с темнотой собственных закрытых век. Голова всё ещё гудела, рёбра и конечности всё ещё болели.

Вокруг, как ни странно, не было темно. Той абсолютной темноты, что обычно бесшумно поджидала в подобных пещерах, не было видно из-за тумана, заполонившего собою всё. Он будто светился, искажая собою саму реальность, будто сами стены — всё такие же серые, грязные и холодные — источали какой-то странный, бледный и пульсирующий свет. Я лежал прямиком у спуска, заканчивающегося тем самым довольно некрутым углом, а впереди меня — на расстоянии футов десяти — был лишь широкий и тёмный тоннель, неспешно ведущий дальше вниз.

Но не это было важно. В конце концов и факт моего выживания, и странное свечение, что я не видел ни до, ни после той пещеры — всё то меркло перед тем, что я увидел первым, только открыв глаза: передо мной, раскинув руки в стороны и нелепо тарашась широко открытыми глазами в пустоту лежал Энтони Смит. Он был мёртв.

— Твою мать, — вырвался едва слышимый шёпот из меня.

Я видел лишь слабые очертания его тела из-за густой, почти физически ощутимой пелены, но отчётливо мог различить осколок камня, впившийся ему прямо в висок. Один из

таких, коими как раз и был усыпан спуск вниз, пробил ему череп и прочно застрял в главном оружии Тони — в его мозгу, выпустив наружу лишь тоненькую струйку крови.

Вряд ли он что-то успел сказать. Вряд ли — что-то ощутить. Те широко открытые глаза и слегка опущенная челюсть... Сейчас я думаю, что это всё было из-за внутричерепного давления, но тогда они наводили на меня настоящую агонию — мне всё казалось, что они шевелились, что ровно в тот момент, когда я отводил взгляд на миллиметр, веки моргали, а челюсть пыталась что-то произнести. Я проверил его пульс, реакцию зрачка на свет, едва-едва сумев зажечь зажигалку, что была в кармане, но ничего не давало положительный результат.

Всё то было так странно, так знакомо — я видел этого человека живым минуты назад, а потом... И все те смерти, что были раньше — вне войны или каких либо катастроф — люди просто лишались собственных жизней за мгновения, так и не осознав всю потерю и смерть. Всё было очень знакомо — да, но так не должно было быть, я не должен был... оставаться один.

Наверное, стоило ему тогда рассказать — когда он спросил, жалею ли я о чём-нибудь. Не стоило строить из себя воина-героя, а рассказать так, будто мы действительно разговаривали с ним в последний раз. Он бы узнал историю о парнишке по имени Анри. О том, как он, выйдя на свою очередную операцию, сорвался под давлением обстоятельств; о том, что он сделал, и как то, что он сделал, преследовало его долгие-долгие годы его юной жизни, и о том, что пришлось с ним сделать после. Он бы понял... что мне тоже было, о чём жалеть. Что это было нормально — бояться, быть в первую очередь человеком...

Ровно через секунду, как я отошёл от тела, откуда-то сверху начали раздаваться частые глухие стуки, вскоре превратившиеся в оглушительное шуршание. Знал ли я, что падало ко мне — вниз? Нет. Даже разглядеть то, что начиналось там — вверху, я не мог — мог лишь догадываться. И я догадывался.

Ровно на то место, где лежал Энтони, упал, окончательно расплющив тому череп и вывихнув ключицу... Энтони. Второй — умерший и воскресший или же настоящий — неважно. Но убитый снова.

Я подбежал к нему, упавшему спиной ко мне, попытался растормошить в слепой надежде на то, что ему повезло так же, как повезло и мне.

То, как я после увиденного остался в здравом рассудке, поражает даже меня: ещё со спины я заметил странные красные полосы, разрезающие его волосы, но когда развернул...

Его лицо всё было исполосовано просто в мясо: глазницы, всё ещё содержавшие в себе немного белка, стекающего прочь, были разрезаны; кожа была содрана, сорвана или, как казалось, выкорчевана из лица вместе с частями костей, обе челюсти — пробиты под таким углом, что длину и форму конечности, пробившей их, я просто не смог себе вообразить; а от шеи и вовсе, кроме кусков кожи, окровавленными лоскутами свисающей у хребта, не осталось ничего — его лицо буквально превратили в жуткую кашу, изъеденную и растолчённую сотнями и сотнями зубов.

В его жилетке — той, что была под курткой — ровно на уровне сердца зияла кровавая дыра. Я хотел бы убеждать и убеждать себя в том, что спелеолог умер быстро, но нет — отчего-то во мне крепла уверенность, что сердце ему вырвали в последнюю очередь.

Воздух в горле перекрыл мой крик — я бесшумно, с выражением просто нечеловеческой паники на лице поплёлся прочь от тех тел. Руки были ватными, ноги — тоже. Уверен, в обычных обстоятельствах меня бы уже и след простыл, но тогда... Тогда я смотрел на всю ту

кровь и думал лишь об одном подлом осознании: «Это случится и со мной?».

Отвечая на мой вопрос, откуда-то сверху посыпались небольшие куски земли. «Амарук не отпустил бы убийцу сына просто так, — осознал тогда я. — Ровно, как и его поделщика. Нет... Он бы спустился за ними в самое пекло, достал бы их даже с того света», — а поделщиком Смита, ясное дело, был я.

Нужно было двигаться дальше. Не было другого выхода, кроме как двигаться дальше. Ничего не изменилось с того момента, как я открыл глаза — наверху меня всё ещё ждал Амарук, но там — внизу... Там было светлее, чем должно было бы быть.

Не знаю, как это объяснить сейчас, но то, что я чувствовал в той пещере... Что-то говорило, что единственным правильным решением было пойти глубже вниз, поддаться удаче и поверить в нелепо маленький шанс на то, что мне удастся разминуться с призраком в той пещере. Уже тогда умом я понимал, что что-то было не так — подобные расколы по природе своей очень быстро сужались и заканчивались «тупиком» для чего-либо, соизмеримого с человеком, на очень небольшой глубине, но... Другого выхода ведь не было, верно? Не взирая на обстоятельства, да?

Да и... За мной с одной стороны полз дух, ровно в футе от меня лежало два трупа одного и того же человека, а вокруг вместо абсолютной темноты слегка светило или подсвечивалось буквально всё... Если всё шло уже не по плану, если всё вокруг и так было необычным — зачем мне было медлить и сомневаться?

Не знаю, сколько времени я прошёл по тому искорёженному, покрытому странными бугорками тоннелю, но шёл я, казалось, ровно вперёд. Несмотря на различные гладкие обломки, несмотря на сталактиты и сталагмиты, изредка попадающиеся в тех местах, где пещера немного набирала в высоту, тоннель шёл ровно вперёд, опускаясь под совсем небольшим градусом.

Как я и думал раньше, абсолютную темноту в едва просматриваемый полумрак превращал странный, пугающий и достаточно слабый, чтобы подсвечивать себе путь зажигалкой, свет, исходящий из стен. Я не могу этого объяснить, но чем ближе я подходил к тем стенам, тем дальше продвигался, тем больше ощущал пронзающий холод, физически обмораживающий мои кости; настоящий леденящий ужас от непонимания и неизвестности происхождения этого пульсирующего света. Он будто был не просто живым, но и более совершенным, чем всё, увиденное мною до этого; чем всё, что было на земле, и он завораживал в страхе своим совершенством.

Однако был и ещё больший страх — та самая прямота. В пещере не было ни одного поворота, ни одной развилки или выбора — она просто шла дальше. Шаг за шагом, миля за милей. Я отчётливо понимал своим ослабевшим разумом, что если то чудовище, в которое превратился Амарук, и сможет спуститься вниз — оно догонит меня.

— Фогг!

Словно знамение, эхо донесло до меня искажённый и очень низкий рык, почти исчезнувший в тонких стенах горы. Нужно было идти быстрее. И я пошёл.

— Фогг!

В какую-то секунду мои ноги сами сорвались на бег. Эхо не просто доносило до меня тот крик — оно приближало его. С каждым повторением, с каждым новым разом, я слышал его не просто всё ближе и ближе — я слышал его прямо рядом с собой. Всё сильнее и сильнее.

Я бежал, всё представляя, как когти, пробившие обе челюсти Смита, скребли пол той пещеры. Как чудовище — дух, призрак, как угодно ещё — рывками и на четвереньках, как настоящее животное, бежало за мной. Как та куча лиц, разросшаяся по груди и черепу, всё повторяла моё имя в своём безумном, но ритмичном темпе: «Фогг, Фогг, Фогг, Фогг, Фогг» — разными тембрами, разными голосами, разными личностями — моё...

В конце концов, я остановился у неё — у желанной, но столь отвратительной развилки. Словно внутри гнойника, внутри огромной ядовитой споры, я застыл посреди странно-круглого для природной конструкции зала, из которого прочь вели десятки, если не сотни нор, в которых едва ли можно было стоять прямо. Смотря на всё то безумное количество нор, мне всё казалось, что в одной из серых и холодных пустот были те самые жёлтые глаза, что они появлялись ровно в тот миг, когда я отворачивался от прохода, наблюдали.

— Фогг!

Оглянувшись на крик, я тут же дёрнулся вперёд, готовый бежать, но остановился. Ноги подсказывали не медлить ни секунды, пробежав в самый широкий проход, однако голова... Я решил выбрать тот, что находился повыше — на втором или третьем уровне того гнойника — не помню точно. Забравшись в него, я ощутил, как незащищённые руки покрыла странная, непохожая на обычную воду влага, но тогда не обратил на это внимания.

Миля за милей остеокальцин поддерживал во мне давление и силы, а адреналин — сокращал ощущаемое время. Я даже не заметил то, как тоннель, по коему я бежал, постепенно начал сужаться. Всё уже, уже и уже. В какой-то момент за моей спиной действительно начало раздаваться эхо и от когтей, а в следующий — я уже задевал породу при беге головой. И тот холод, та неизвестность и чёрный из-за темноты туман... они просто убивали.

— Фогг!

Я не знал, было ли то эхо у развилки, или чудовище действительно нагоняло меня, но не прошло и минуты, как бежать было уже просто невозможно — приходилось ползти. Именно тогда — опустив руки на тот камень, я ощутил, что вся пещера, все стены, несмотря на свои гладкие формы, были буквально усыпаны разного рода царапинами. Совсем незаметные, они покрывали собою всё так тщательно и мелко, будто бы кто-то целую вечность скрёб те камни ногтями. «Шкряб-шкряб», — и так — целую вечность.

Холод очень быстро окутал мои кисти и ладони, а страх — мой разум. Руки и колени, покрытые той влагой, совершенно онемели, однако я всё продолжал перебирать слабеющими конечностями, понимая, что смерть ждала бы в любом случае. В конце концов, даже зажигалку при

— Фогг!

«Всё-таки, оно нашло меня?!» — пронеслось в голове, как только я услышал сильное и знакомое эхо. Однако... принадлежал ли тот голос Амаруку?

Вскоре я буквально утопал в размытой и странной породе, впервые встреченной мною тогда. По всем законам физики данной пещеры просто не могло существовать, если бы в её основе был столь непрочный материал — мои ладони погрязали в той чёрной жиже до кисти, ноги — исчезали по самый носок, а чистый лёд, проходящий по моему телу, заставлял неметь даже зубы.

И голоса. Чем дальше полз по той темноте, поглотившей стены, тем отчётливее понимал, что кроме Амарука, я точно слышал кого-то ещё... Нет — много кого ещё. Бледный свет едва-едва был заметен из-за размытых стен, но в какой-то момент... Клянусь

честью, в какой-то момент я увидел нечто, похожее на человека, там — напрямик подо мной.

— Фогг!

В один момент я вдохнул воздуха, и весь мир вокруг меня накрыла темнота, тишина, и невесомость. В последнюю секунду я ощутил то, как моя рука просто провалилась в породу, и я, не удержавшись, тоже последовал вниз, но затем... Затем была только пустота. Даже воздуха, как казалось, просто не было — тот вдох, что я сделал перед падением, остался внутри меня и просто отказывался выходить наружу.

Вокруг один за другим мелькали те самые тоннели, бесконечно ведущие куда-то вперёд. Я мог видеть их буквально насквозь, проваливаясь куда-то вниз. Бледный свет вокруг — то были лишь образы странных, незнакомых и почти бесплотных людей, скребущих пещеру с другой — этой стороны. Всё пытаюсь выбраться наружу, они плакали, молили, просили, угрожали и кричали... бесшумно. Вокруг был лишь страх, исходивший от них; пропитанное веками и долгими-долгими мучениями отчаяние просто витало в той темноте — ждало, пока его вдохнут.

Где-то там — наверху, я увидел то самое чудовище. Ещё хуже, чем я его воображал, оно добежало до того места, где я упал, и просто остановилось. Будто чувствуя меня, оно начало скрестись куда-то вниз, но безуспешно. И крик его — крик злобы, крик агонии, беспомощности — его тоже никто не слышал.

Но куда же я падал? Трудно было сказать. Ощущения были точно такими же, как в тот момент, когда Амарук сбросил меня вниз — не было падение, был просто... спуск? Словно я погружался в тот почерневший туман, словно он был настолько сильным и плотным, что просто окутывал меня водой, опуская куда-то вниз — в темноту.

«Неужели, это и будет мой конец? — вдруг подумал я. — Неужели всё так и закончится?» — то была странная мысль. В некотором роде, очень пугающая, но промелькнувшая в моей голове с таким спокойствием... Это было единственным, что было однозначным в том месте, понятным — я не должен был оттуда выбраться. Всё остальное оставляло о себе слишком много нераскрытых тайн и вопросов.

Спустя какое-то время я потерял все чувства ориентации в пространстве — свет, звуки, запахи — исчезло всё. Даже уверенность в том, падал ли я вниз лицом или вверх... Да даже само осознание того, падал ли я — ничего не было.

Я думал, что так и останусь там — наедине с мыслями, наедине со страхом, что позже перерос бы в неистовую панику. Сколько вариантов Ада человек не придумал бы, но самый страшный в понимании нашего мозга — это его отсутствие, полное прекращение существования. Мы можем свыкнуться с болью, привыкнуть к пыткам, порицанию или ненависти, но если смерть — это и есть Ад? Что, если Ад в том, что человек просто перестаёт существовать, оставаясь в сознании? Пока я был там — в той бесцветной пустоте — я ощущал себя в настоящем Аду.

Помню, в далёком-далёком детстве, где-то в начале своего подросткового возраста — возраста вопросов и ответов — я дошёл до этого странного осознания: что самая страшная картина — это пустота. И дошёл довольно забавно — среди всех мыслей, столь часто и хаотично посещающих мою голову, я вдруг поймал одну: «А что, если попытаться представить себе ничего?» — и я не смог. Ведь как? У ничего не может быть фона — белого или чёрного — ведь оно бесконечно; не может быть света или его отсутствия. Я не мог

просто стоять посреди улицы и смотреть вперёд, обманывая себя, будто что-то представлял, нет — я пытался создать пустоту. И я не смог.

Это была словно попытка вообразить собственную смерть: нельзя наблюдать мир, ведь ты мёртв; нельзя наблюдать темноту или свет, ведь ты мёртв; нельзя думать о том, что будут делать твои родственники, друзья или близкие; и даже космос — огромное и пугающее тёмное пространство — не нашёл бы для тебя места, ведь ты мёртв — ты не можешь воображать. Помню, как цвета переливались в моём воображении странной палитрой, всё пытаюсь понять, а что же должно было быть в отсутствии существования. В детстве я проиграл самому себе в той игре. Но в тот момент — когда я был посреди самой настоящей неизвестности — мне отчётливо казалось, что я наконец выиграл. Слова Смита, в каком-то смысле, обрели пророческий мотив для меня: «Кажется, мы не покинем этот лес».

А потом я услышал его. Ощутил каждым волоском на своей голове, каждой клеткой тела, дёрнувшейся от холода — слабый, но зловонный порыв воздуха, как резко начавшийся, так и резко прекратившийся. За ним — спустя какое-то время — ещё один. И ещё один.

Словно по щелчку чьих-то пальцев, я понял, что уже вовсе не падал, а лежал на чём-то настолько плотном, твёрдом и одновременно лёгком, что даже самое-самое сухое и прочное дерево не пошло бы с тем в сравнение — я лежал на самом воздухе.

«Где я?» — назрел логичный вопрос, но меня волновал другой: «Какой я?» — живой ли я был? Мёртвый? Или где-то между?

И тогда я вспомнил о ней — о зажигалке, упавшей в бездну вместе со мной. Я принялся водить руками по темноте, отчётливо ощущая острые и очень текстурированные контуры породы подо мной, чтобы найти её. Меня ждал успех. Успех ли?

Пальцы привычно открыли металлический корпус. По огромному, судя по эхо, пространству пронёсся оглушительный щелчок откидывающейся верхушки. Я положил большой палец на колёсико и замер — меня сковывал странный страх, странная мысль: «А рад ли я буду оказаться там, где я есть?» — и почему-то останавливала та мысль, сдерживала и отговаривала сильнее страха перед пустотой, сильнее неизвестности — всегда проще не выбирать дорогу. Щелчок.

Ровно на миг я успел увидеть образы, навсегда отпечатавшиеся в моих глазах. Та пелена, тот туман, что снаружи казался простым природным явлением, полностью состоял из них — из потемневших серых душ. Те же самые, что скребли тоннели, они совсем не источали света. Их слабые и едва заметные контуры сливались друг с другом, образуя сплошное серое месиво. Они, должно быть, были очень слабы: глаза — все черты их лиц темнели, приобретая неестественно плотный и глубокий чёрный цвет. Но все они смотрели на меня своей пустотой.

Как только огонь высвободился, распространяя свет, всё вокруг окутало пламенем. Будто бы мягкие волоски одуванчика, соприкоснувшиеся с горячей спичкой, те души воспламенились от моей зажигалки, передавая огонь друг другу. Секунда за секундой... Даже нет! Мгновение за мгновением, и вокруг меня всё уже пылало слабым, едва-едва тёплым огнём. «Огонь всегда реален», — говорил как-то один неудачливый писатель и был прав: я чувствовал тепло, я чувствовал реальность того огня.

Зажигаясь, сгорая и тухнув, многие и многие души исчезали вокруг меня, так и не осветив контуры того места, где я находился. У них даже не было сил, чтобы вскрикнуть — они лишь слегка задирали головы от боли, приоткрывали рты, будто действительно намеревались кричать, но... вокруг была тишина. Фут за футом тьма освещалась

практически идеальным кольцом огня, а я всё не знал, за что же зацепиться — взгляд — везде было пусто за тем огнём, везде было лишь то самое ничего.

Но вдруг я заметил с одной стороны это — слабо подсвечиваемые контуры слева от меня, на миг показавшиеся мне стеной. «Значит, я действительно не исчез», — показалось тогда мне, и я всеми силами вцепился в тот образ, не моргая и не отвлекаясь от него.

Свет — тёплый, почти оранжевый — шёл все выше и выше по той бледно-серой стене. Очень гладкой, с очень странными и знакомыми горизонтальными дугами, будто бы я видел такие уже очень-очень много раз. Но не успела в моей голове даже сформироваться мысль, не успело пройти и мгновение, как я увидел то, к чему вели эти контуры. Увидел и не поверил себе.

Огонь всё медленно-медленно шёл у той стены, постепенно поднимаясь вверх. После горизонтальных дуг шло небольшое гладкое пространство, которое почти сразу прерывалось странным, будто бы влажным закругленным углублением. Момент за моментом свет исследовал тот объект, и я — вместе с ним, осознавая, что то была, скорее, вдавленная полусфера... Что-то куполообразное или... овальное.

Раздался ещё один порыв воздуха — где-то снизу линии огня стена треснула, обнажая грубые и остроконечные камни, а оттуда рванул тот самый ветер, несущий холод и смрад. Вместе с тем огонь дошёл уже почти до центра полусфер, ослабевая и разбиваясь на кучу маленьких огоньков. И вот тогда, когда он добрался до него тех полусфер, когда в остаточном свете произошло то, что произошло, я понял.

Понял, потому что те полусферы в исчезающем огне блеснули мне жёлтым — на меня смотрели гигантские, несоизмеримые просто ни с чем, что создал человек, пустые глаза, а ровно за миг до того я ощущал не просто воздух — я ощущал чьё-то дыхание.

«Агута», — всё тут же встало на места. Вон он был — великий и могучий древний бог.

Стоило мне только подумать о том, стоило только попытаться что-то произнести, как он взглянул на меня. Его глаза — действительно жёлтые и идеально круглые, спрятанные глубоко в пустых глазницах — засветились двумя бледными и холодными звёздами. Я видел, как свет стекал по контурам его бледно-белого черепа, видел, как он освещал его плоский нос без ноздрей, его стянутую, обтягивающую кости, с силой вакуума кожу, пустоту, в которой были его глаза — я видел бога. Но главное — я видел, чем были наполнены его глаза.

Словно Аид из греческой мифологии, словно само ледяное озеро, пленившее Люцифера, в его глазах светились сотни и сотни мёртвых душ. Невозможно передать тот апокалиптический и неопишуемый в своём существе ужас; ту извращённость, столь великую перед человеческим взором и пониманием, что она обнажала само мироздание — тот взгляд смотрел не на меня, он смотрел прямо в меня. Все мои потаённые страхи, все самые отчаянные мысли и величайшие ужасы — всё физически всплывало наружу передо мной.

И тот звук — тот грохот стен, то тяжелейшее, самое громкое в мире дыхание — я ощущал это так, как если бы сам мир трещал по швам. Каждое его движение в той тьме, каждое колебание... Оно казалось настолько великим, настолько масштабным, что это божество могло бы затмить одним движением звёзды. Мы были посреди того самого космоса, посреди настоящей тьмы, до которой человеку никогда не добраться, и он — тот взгляд — был единственным светом там. Светом, что проходил меня насквозь.

Сложно это объяснить, но с тем светом... Через меня будто бы проходили самые настоящие, ощущаемые моей кожей века. Будто бы в том бледном и идеально белом потоке

были все те жизни, содержащиеся в его глазах — сотни тысяч, миллионы лет. Столько знаний, столько возможностей... столько страхов.

Я помню свои широко открытые глаза, уставившиеся на тот свет в темноте, помню, что целыми вечностями — настоящими, человеческими жизнями — смотрел на тот свет, даже не в состоянии моргнуть, помню, как переживал их все сам — чувствами, мыслями, образами — переживал, пока мой мозг просто не переполнился ими.

И Агута... Его образ менялся бесчисленное количество раз. Переливаясь то бледными, то кроваво-мясными оттенками, он менял свою форму столько необъяснимо и причудливо извиваясь, приобретая очертания настолько непостижимых чудовищ, что даже сейчас, вспоминая те моменты сотнями тысяч раз, я просто не могу подобрать слов.

Я всё смотрел и смотрел, очарованный, восхищённый несмертным страхом самого того явления — это было то, что никому не стоило видеть, что появлялось не просто раз в человеческой жизни, но куда чаще не появлялось вовсе — я видел саму пустоту, настолько наполненную всем, что из неё нельзя было выделить ничего отдельно. А она видела меня.

Спустя века моё любопытство и ужас смешались в чистую, извращённую по своей природе боль. Год за годом я ощущал только её, но не мог отвести взгляда. Как мотылёк, севший прямо на свечу, я был окутан тем пламенем, я был поглощён тем, что казалось мне спасением от темноты... но по-прежнему не находил в себе сил отвернуться.

Лишь в тот момент, когда я не надеялся на собственную жизнь, в тот момент, когда страх и холод во мне заняли место души, я услышал это — всего несколько слов, звучащих также громко, как сама Вселенная: «Га'ат тгу утг Агута гта'аг». И всё вокруг накрыло тьмой.

Эпилог. Вопрос одной «G»

— А дальше?

Альберт Венс сидел посреди практически пустой комнаты. Металлический стол со смартфоном и планшетом на нём да пара стульев рядом — единственное, что украшало те белые стены. Впрочем, он был готов это перетерпеть — его очень, даже слишком интересовала та история, что, почти полгода назад вирусно распространялась как среди журналистов, так и по тому замечательному зданию.

— А что дальше?

Напротив него сидел мужчина средних лет в белой пижаме, чей голос был очень хриплым и усыпляюще спокойным. На его ровных щеках, покрытых щетиной, и чёрных волосах просматривалась странная, идущая двумя симметричными вертикальными полосами седина, доходящая до самого затылка — он и был рассказчиком.

— Вы же выбрались, да? — кивнул Венс, поправив очки. — Что было снаружи, мистер Фогг?

Он взглянул в ответ на того с неким презрением. В какой-то мере, можно было понять подобное любопытство, но журналист, как считал ответчик, должен был знать, что произошло после.

— Не делайте вид, будто не читали полицейский отчёт.

— Я и не делаю — читал, — в невозмутимо-холодном взгляде мужчины появилось некое удивление от подобной прямоты. — Но хотел бы услышать вас.

— «Хотел бы»... Что ж... — он перевёл взгляд куда-то вниз — под стол. — После темноты... я очнулся в пустой пещере. Не такой, какой она была — во вполне себе реалистичной неглубокой пещере, заканчивающейся остроугольным швом, как если бы она действительно появилась из-за раскола в горах. Очень болела голова, глаза не хотели

открываться, но... Вверху-то я всё равно видел настоящий свет — лучше просто быть не могло. Потом я...

— В полицейском отчёте также было сказано, что у вас зафиксировали перелом нескольких рёбер, многочисленные ушибы и ссадины.

— Да. Как я и хотел сказать: потом я едва-едва выполз наружу и просто пошёл вперёд. Помню: там шёл снег, — мужчина поднял глаза куда-то выше головы журналиста и легко улыбнулся. — Белый-белый... и очень мелкий. Было так спокойно. Он засыпал собою и домишки, и деревья, и ели... Я не чувствовал такого спокойствия... веками.

— Да. А ещё офицеры нашли на вас кровь как пропавших Криса и Ричарда, так и тогда самого Энтони Смита.

— Вы же слышали, что с ними произошло.

— Но, но... они же так и не нашли тел, — покосил немного голову Альберт. — Вот, в чём дело. Я слушал вас все эти часы, и... Вы понимаете, что у вашей истории — правда это или ложь — нет никаких доказательств, — мужчина кивнул в ответ. — Нет тел, нет следов, нет ничего вообще, — снова кивок. — И даже пещера!..

— Я пытался указать на неё.

— Да, но там ничего не было!

Человек в охранной форме, стоящий у единственного выхода, слабо оскалился. Он слышал ту историю, рассказанную теми же словами, не раз и не два. Верил ли он? Неважно — деньги ему платили за то, чтобы ни пациенты, ни прочие не нарушали тишину, а голос журналиста был слишком громким для тех стен.

— Кхм-хкм... — весьма однозначно намекнул он.

— Да-да! — журналист отмахнулся и продолжил, немного понизив и замедлив тон. — Понимаете, в чём дело?! Да, спадёт снег, и, возможно, кто-то что-то да найдёт, но если все тела в пещере!..

— То от текущего состояния ничего не изменится. Чего вы пытаетесь добиться?

— Я пытаюсь понять! — он взял стул и придвинул его ближе, практически упав на стол половиной тела. — Плохие газетчики сделали из вас злодея, а я... — перешёл он на шёпот. — Я хочу докопаться до правды. Я хочу помочь, Анри.

— «Плохие»... — он растянул то слово и без единой эмоции уставился в стену. — Нет, не думаю. Пропал муж мэра городка, а единственный оставшийся в живых из группы рассказывал всякие небылицы. Им не нужен был просто злодей, понимаете? Им нужны были заголовки; история, желанная к прочтению, — в голосе рассказчика было даже слишком много холода, учитывая контекст. — А вот для подобных историй как раз нужен как герой, так и злодей... А затем появляетесь вы — человек, что хочет всё перекрутить, ради... Ради чего? Что-то мне подсказывает, что и вы, и они мало чем отличаетесь. Вам не нужна правда — вам нужна история.

— Вы не понимаете! Такое ведь действительно происходило не впервые! Все эти цепи землетрясений, о которых вы рассказывали, все эти слухи! Я проверил! С самого начала я следил за вами, и пока остальные просто пиарились на статьях в штате, я проверял! Все эти... странности, как вы сказали... берут своё начало далеко далеко не в шестнадцатом году — в двенадцатом, минимум! Представляете?!

— Эх... И что вы хотите от меня?

— Я... Я не знаю, — он тапнул по смартфону и запущенный диктофон выключился. — Хоть что-нибудь, а? Что вы можете рассказать ещё?

Фогг перевёл взгляд на журналиста. В планшете того, содержащем всего пару листов, было совсем мало записей — он их делал лишь в самом начале рассказа, а затем, замерев на пару десятков минут, и вовсе отложил его в сторону. Лгал ли тот темноволосый парнишка в очках и жилетке, изображая искренность? Он не знал. Он лишь смотрел на его волосы — выбритые виски и зачёсанная назад верхушка, торчащая шипами — смотрел и думал о том, как впервые взглянул на себя, когда вылез из пещеры — уже тогда он был седым.

— Знаете... — он провёл ладонью по варикозу на другой руке, звеня наручниками. — Я много думал обо всём этом... В этом, если понимаете, моя ошибка — каждый день, проведённый здесь, каждый день с того момента, когда судья вынес приговор, в котором он даже не сомневался, я лишь думал, прокручивая события тех дней раз за разом. Не зря я указал на то, что нахожу пророческими слова Тони, сказанные мне: «Кажется, мы не покинем этот лес». Думаю, я так и остался там — в той пещере. Каждую ночь... я будто оказываюсь там вновь. И вижу с каждым днём больше. Тени на стенах, Его глаза в свете луны...

— Если судить из медицинских отчётов по вашему состоянию и привязать их к вашей истории, то вас спасла...

— Контузия? Да. Забавно, скажите? Этот термин впервые появился на войне — Первой Мировой, именуемой ещё тогда «Великой», а после перетерпел многозначительные обезличивающие переименования: «Посттравматическое нарушение ориентации», «Эксплуатационная недееспособность»... Состояние, в котором нервная система и мозг не могут выдержать большее напряжение, так что просто отключаются...

— Но вот поэтому я и поверил в вашу историю. То есть!.. Если бы вы убили всех... — начал он отсчитывать на пальцах. — Если бы произошёл какой-то несчастный случай или... Откуда бы взялась контузия, а?

— Судью это не убедило. Присяжных — тоже. Легко выбирать, когда на одной чаше весов одинокая и убитая горем вдова, а на другой — контуженный вояка-психопат... Фемида очень избирательно слепа.

Альберт откинулся на жёстком стуле назад и уставился на своего отвечающего. С одной стороны, тот седой чудаков был прав — всё то было просто работой, кормящей его, а с другой... Молодого парня, совсем недавно начавшего карьеру журналиста, очень привлекала одна особенность всей той истории: её детализация. Память Венса, ещё когда он только начал работать над тем «делом», позволяла ему заучить всё до мелочей — он надеялся, что Анри Льюис Фогг, уже не впервой имеющий проблемы с рассудком, прокололся бы где-нибудь — так, как это делали все плохие лжецы. Но нет. «Мистер Фогг», как показалось парнишке, был очень точен для лжеца, а для того, кто желал помощи или влияния прессы — слишком отстранён.

— Вы действительно не хотите ничего добавить? — спросил наконец он, указав на телефон. — Эта история... может вытащить вас отсюда. Не знаю... рассказать миру вашу версию?

— Пха... Мните себя гласом планеты, а? Думаете, что все прочтут вашу «чрезвычайно свежую и важную» статейку? — очень больно ударил по профессиональным комплексам Альберта Фогг. — Бросьте. Это... Это преступление, эти дни, этот лес, этот туман — всё это кончилось для мира. Более того — для многого мира, даже для многих штатов... эта история даже не начиналась. Всё кончено, мистер Венс. Новый заголовок, новый день.

— Но... Слушайте... — он поднёс кулак ко рту, пытаясь подавить эмоции;

безуспешно. — Почему вы так спокойны, а?! Вы же невиновны?! А если виновны — к чему этот цирк, а?! То есть... Я понять не могу — зачем?!

Но в ответ мужчина молчал. Долго молчал, словно пытаюсь удержать слова на языке.

— Потому что... — едва выдавил он из себя. — Всё это будет неважно. Рано или поздно. Для меня или для вас. Ваше право в том, чтобы судить меня, чтобы верить мне, чтобы выносить приговор — я сижу за скамьёй подсудимых и даже не прошу ответа на простой вопрос: «Туман это или Фогг?». Вопрос одной «G»* — или как там это окрестили в газетах?

— Но почему? Почему даже тогда, когда вас нашли, вы не пытались ничего сказать?

Но Анри Л. Фогг вновь молчал, лишь пялясь на Альберта Венса с полуоткрытым ртом. То молчание не затянулось надолго, но ответ так и не прозвучал из уст мужчины — он взял планшет, попросил ручку и медленно, очень осторожно, будто учитывая каждую неровность, написал искорёженным почерком те самые слова: «Га'ат Агута тгу угг гта'аг».

— И что? — журналист подтянул к себе планшет, смотря на слова. — Вы и в первый раз отказались их произносить — слова, что сказал бог, — ответчик кивнул. — И? Они значат что-то для вас?

— В какой-то мере... да, — он взглянул на лист, беззвучно произнося те. — Они не просто значат — они говорят... Говорят, что... — он поднял взгляд и, как показалось парню, смотрел сквозь — куда-то в пустоту. — «Пождёт Агута всех во тьме». Всё это будет неважно, мистер Венс. Всё вокруг. Верите вы мне или нет.

Двери в камеру с грохотом захлопнулись, оставив Анри наедине с белизной стен. Полноватый охранник, закрывающий двери, привычно и устало вздохнул — его ноги были уже не те, что раньше, и долго стоять было ему не в сладость.

— И как тебе наш пациент? — обратился он к Альберту, улыбнувшись. — Сумасшедший, а?

Парень стоял, держа все свои материалы в руках, и смотрел в небольшое окошечко в двери — оттуда на него глядели пустые, чересчур холодные для живого человека глаза; глаза человека, признанного миром безумцем.

— Эй, — толкнул того немного охранник. — Ты же не поверил в его рассказы, парнишка? Я тебе говорю, у нас тут таких фруктов, м-м-м — в каждой палате на вкус и цвет найти сможешь.

Но тот ничего не ответил. Что-то не складывалось в версии суда, по которой и были предъявлены обвинения; что-то странное и пугающее так и осталось в версии, рассказанной самим выжившим; что-то странное и пугающее говорила и сама вдова — Эмма, кажется — когда туман сошёл: твердила, что, несмотря на её незнание по поводу состояния мужа, её бессонница прекратилась; жители — прочие, страдавшие от похожего — сказали парню то же самое. Всё то... было слишком странным для мира современного. Слишком неправдоподобным, чтобы уместиться в правде цинизма и мышлении отрицания.

— Я тебе вот, что скажу, пацан, — провернув ключ, страж почесал седеющие виски и сальный подбородок. — Как по мне, всё это — хрень собачья, псов только и влекущая. Понятно же, что что-то произошло в тех горах — обвал, несчастный случай, чёрт его знает чего. И вот этот мужик, — сгорбившись, ткнул он на окошко, — был замешан. Выдумал всю эту бредятину, чтобы попасть сюда, будь он неладен. Вон, как Джо, — указал тот куда-то за спину — в длинный-длинный коридор. — Или Бруно. Хотя... Не, играет он хорошо — да.

Почти шесть месяцев дурачка клеить — я бы устал, таблетки принимать начал или... Но помяни мои слова парень — слова трезвомыслящего американца, — тот самый трезвомыслящий американец положил руку на плечо собеседнику и приблизился, источая запах бурбона, — херня всё это. Иди лучше обратно в офис, пиши про футбол, про выборы, если хочешь старые темы задеть, и оставь безумие безумцам.

Надев ключи на пояс, старый охранник привычно и неспешно поковылял прочь на ресепшен, а Венс последний раз взглянул в стекло: Анри Л. Фогг по прежнему сидел там, смотрел в стену так, как и все психи — будто видел нечто большее. «Всё это будет неважно», — вспоминал парнишка его слова, но понять смысл их просто не мог.

Статья малоизвестного журналиста Альберта Венса вышла в газете и на сайте новостной компании. Количество читателей, заинтересовавшихся колонкой, не было велико. Количество людей, начавших сопереживать виновному и психопату, не изменилось вовсе.

Спустя ещё полгода единственного выжившего и подозреваемого в деле об исчезновении исследовательской группы нашли мёртвым в своей палате. Как выяснит Венс, прибывший на место спустя месяцы, официальной причиной смерти стал разрыв сердца. Палата, «сверху-донизу исписанная странными безликими образами и фразами на несуществующем языке», была опечатана и отремонтирована ещё до его приезда.

Сам Альберт Венс ещё некоторое время попытается вести дело Анри Л. Фогга вперёд но сдастся, как и все прочие — ни пещеру весной, ни новых следов, ни даже фонд, организовавший экспедицию, найти у него не получится. Всё, что останется миру — запись разговора и странная фраза, написанная на планшете.

Воспринимая её, как символ своего первого «громкого» дела, журналист ещё не раз будет повторять ту фразу, словно мантру в голове. «Га'ат Агута тгу угг гта'аг». Лишь спустя годы и годы повторений он заметит, как при очередном повторении её странная и огромная тень мелькнёт где-то в лунной ночи, показывающейся через окно. Это будет последний раз, когда историю Анри Л. Фогга произнесут человеческие уста, и лишь тогда он окажется прав — лишь тогда всё то станет уже неважно.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Примечания:

*В английском языке слово «туман» пишется как «fog»; фамилия главного героя — «Fogg». «Вопрос одной «G», — разница и вопрос принятия в версиях о виновнике событий — либо тумане, либо Фогге.